

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
М. Э. РАСУЛ-ЗАДЕ

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Материалы республиканской конференции философов

Баку-Элм-1994

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Ахмедли Дж. Т., д.филол.н.(председ.), (гл. ред.),
Абасов А. С., д. филос. н., Гули-заде З. Л., д. филос. н.,
(Иманов Г. Р., д. филос. н. Исмаилов А.А., к. филос. н.,
Касим-заде Ф. Ф., чл.-корр. АН Азербайджана, Кулиев
Г. Г., д. филос. н., Микаилов Н. М., д. филос. н.,
Оруджев Х. Г., к. филос. н. (отв. секр.), Осман-заде Р.
М., к. филос. н. зам.), Саттаров М, М., чл.-корр. АН
Азербайджана, Ширалиев Г.И., д. филос.н., Багирова
С.С., науч. сотр. секр.).**

© Издательство «Элм», 1994 г.

Джамиль Ахмедли – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, награжденный орденом Славы, академик Российской Петровской академии наук и искусств

Джамиль Ахмедли (27.10.1931-09.02.2010) родился в семье Мирзы Теймура, работавшего учителем в селе Союдлу Гедабекского района. Дж.Ахмедли, пошедший в первый класс в 1938 году, учился рядом со своим отцом в годы войны, когда в школах было трудно работать. В 1948 году, учась в 10 классе, он выиграл математическую олимпиаду, проходившую в республике. В том же году представитель только что созданного Московского физико-технического института принял участие в выпускных экзаменах школы, где учился Дж. Ахмедли, и заявил, что он принят в этот институт. Однако из-за финансовых трудностей Джамиль Ахмедли не смог поехать в Москву.

Летом 1953 года Джамиль Ахмедли был принят в аспирантуру Института философии АН СССР, сдав конкурсный экзамен. В 1956 году защитил диссертацию на тему «Свобода и необходимость» под руководством академика Теодара Ойзермана и получил степень кандидата философских наук. Книга «Свобода и необходимость» (на русском языке), изданная в Баку в 1960 году, стала первой монографией на эту тему в бывшем СССР.

В 1954-1956 годах преподавал философию в МГУ, в 1958-1962 годах в Азербайджанском индустриальном институте, в 1963-1972 годах в Бакинской высшей партийной школе, в 1959-1974 годах в аспирантуре АН Азербайджанской ССР. . В 1957 году работал в Институте философии (ныне Институт философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана) ученым секретарем, старшим научным сотрудником, заведующим

отделом. Он работает над «Юридической категорией материалистической диалектики» с 1958 г., а в 1963 г. опубликовал две большие монографии на 20 страницах. В 1964 году эти работы легли в основу докторской диссертации философа.

Первая социологическая лаборатория была создана в Азербайджане в 1969 году по инициативе и под руководством Джамилля Ахмедли. За 15 лет работы сотрудники лаборатории провели исследования по около 10 актуальным вопросам, опубликовали более 100 книг и научных статей, организовали и приняли участие в более чем 10 международных конференциях.

Дж. Ахмедли, который был заведующим кафедрой философии Азербайджанского института народного хозяйства, восстановленного в 1966 году, работал там заведующим до 1990 года. С 1990 по 2000 год работал заведующим кафедрой философии и социологии Бакинского государственного университета Джамиль Ахмедли был профессором кафедры философии гуманитарных наук Бакинского государственного университета.

Ахмедли является автором 16 монографий и более 400 статей. У него 12 докторов и около 100 кандидатов. Работал в области проблем теории познания, проблемы философских категорий и принципов, философских проблем современного естествознания, сущности НТР и проблемы социальных последствий. Ученый является автором 54 статей в «Азербайджанской советской энциклопедии».

Джамиллю Ахмедли в 1990 году было присвоено звание Заслуженного деятеля науки, в 1997 году он был избран членом-корреспондентом Российской Петровской академии наук и искусств, а в 2000 году избран академиком. 30 октября 2009 года за заслуги перед развитием

образования и науки в Азербайджане ученый был награжден орденом Славы.

В 2001 году была опубликована книга «Библиографический указатель», отражающая основные даты жизни и деятельности Джамиля Ахмедли, список его работ.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОТКРЫТИИ
КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АЗО ФО СССР,
АКАДЕМИКА-СЕКРЕТАРЯ ОТДЕЛЕНИЯ
ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И
ПРАВА АН АЗЕРБАЙДЖАНА АКАД. АСЛАНОВА
А. М.**

Уважаемые товарищи! Сегодняшняя наша встреча посвящена осмыслению роли философии в современном мире, в духовной жизни нашего общества. Задача эта достаточно сложная и многоплановая, если иметь в виду ситуацию, сложившуюся в нашей стране в связи с ходом перестроечного процесса. Поставлен целый ряд совершенно новых проблем, по-новому высвечены традиционные и, как казалось, давным-давно порешенные. Страна пришла в движение, которое охватило все области жизни, в связи с чем встал вопрос о том, каковы тенденции дальнейшего развития в каждой из них.

Накал страстей достигает здесь порой критической, так сказать, отметки. Идет поляризация сил в понимании путей и методов решения задач, которые могли бы реально способствовать выходу из той кризисной ситуации, в которой мы оказались сегодня. Об этом пишет и наша печать, сообщают средства массовой информации. Многие из этих материалов нельзя воспринимать без боли в душе.

С тяжелым положением мы столкнулись в экономике и политике, в духовной жизни и культуре. Что касается осложнения национального вопроса, преподносившегося нам долгие годы как совершенно исчерпавшего себя и подмененного вопросом о дружбе народов, то он прямо коснулся нас в связи с известными событиями в Закавказье. Навязанная нам проблема Нагорного Карабаха стала фактором дестабилизации во всем регионе. Характер

эскалации конфликта позволяет сделать вывод о том, что им преследуются далеко идущие политические цели. Наша позиция в этом вопросе сводится не только к разоблачению тайных и явных намерений политиков, стоящих за спиной конфликта. Она включает в себя и нахождение путей его действительного разрешения, какой бы трудной ни являлась эта задача.

Товарищи! Критическое положение в нашем обществе сложилось не само собой. Оно – результат господства в течение многих десятилетий авторитарно-командных методов в нашем обществе. Следствием этого стало подавление свободы и демократии, насилие над человеческой личностью, осуществляемое механизмом власти. Философы, поэты и гуманисты прошлого, в их числе и наш великий соотечественник Низами Гянджави, 850-летие которого будет широко отмечаться в следующем году во всем мире, постоянно ориентировались в своем творчестве на человека, воспевали его. Ибо это есть высшая ценность, существующая на свете. Потому его благо является движущей силой всего исторического процесса, что со всей наглядностью демонстрирует современное цивилизованное общество.

Все это означает и то, что обновление нашего общества начинается с шагов, направленных на утверждение свободы человеческой личности, с возврата человеку всего того, что десятилетиями было отобрано у него силой тоталитарного режима. В практическом плане оно начинается с создания условий, ведущих к непосредственному улучшению человеческой жизни с учетом всех имеющихся на этот счет современных достижений. Под этим углом зрения надо рассматривать уже все остальные процессы, идущие сегодня в нашем обществе под знаком его обновления.

Политика и экономика, как известно, очень тесно связаны между собой. Переход к рынку, который нас ожи-

дает в ближайшем будущем, должен внести важные изменения в существующий ныне политический механизм. Заведомо можно утверждать, что без кардинальных изменений в политической системе к рынку и рыночным отношениям нам не перейти. В то же время этот переход требует создания механизма защиты интересов труженика. Этот момент мы все время как-то упускаем из вида либо рассматриваем его риторически, без должного экономического обеспечения и обоснования.

Говоря о политической ситуации в стране, можно предположить, что если сохранятся действующие сегодня центробежные тенденции, то нас ожидает в недалеком будущем распад СССР. Сегодня уже надо со всей серьезностью воспринимать эту перспективу. В этом плане надо создавать и соответствующие предпосылки для того, чтобы наша республика могла обрести свой суверенитет и превратиться в подлинно независимое государство. Разумеется, это не означает разрыва сложившихся связей – экономических, политических, культурных, научных и др. Скорее наоборот, эти связи между республиками и народами надо рассматривать как ту ценность, которую мы обрели за десятилетия нашей истории. Потому рвать их и отказываться от них было бы в высшей степени неразумно. История нам бы этого не простила. Надо только перевести эти связи и отношения в русло идущих сегодня процессов, сделать их такими, чтобы они в наибольшей степени соответствовали бы интересам нашего народа, идущего к обретению своей подлинной независимости.

Сами же эти процессы могли бы стать темой для философских исследований. Понятно, что у философии есть и вечные, непреходящие проблемы, а также проблемы, обусловленные ее спецификой. Но то, что происходит в современной жизни – это интересовало философию во все

времена наряду с ее собственными, так сказать, теоретическими проблемами.

В свою очередь, происходящие в нашей жизни процессы естественным образом влияют на состояние и направленность философских исследований. Здесь уже наметились новые тенденции, которые, надо полагать, будут углубляться и в соответствии с которыми происходит определенное переосмысление и переориентация философии.

На этом фоне с положением дел в обновлении философской науки в нашей республике мы не можем быть довольны до конца. Пока сделаны самые первые шаги. Поэтому у нас есть все основания для повышения требовательности к себе. Я имею в виду как состояние исследований в нашем Институте философии и права, так и на философских кафедрах вузов. Не все имеющиеся у нас возможности мы используем и по линии Философского общества СССР, хотя сами эти возможности постоянно расширяются...

Я не хотел бы более подробно останавливаться на всех этих вопросах. Думаю, что это сделают сами выступающие. Но один вопрос все же хочется поставить перед всеми нами. Это вопрос о том, всё ли мы делаем для того, чтобы быть на высоте сегодняшних требований? В этом контексте нам и предстоит повести разговор.

С тематикой конференции вы уже знакомы, она была объявлена заранее, с ее регламентом, перечнем предлагаемых докладов и составом участников вы можете ознакомиться по имеющейся у вас на руках Программе. Я только отмечу, что, намечая тематику конференции, мы предпочтительно выделили направления теоретического исследования, которые представляются нам сегодня особенно важными и актуальными.

Конференция будет работать пленарно и секционно. Формы эти, как известно, являются традиционными в системе научного общения. Но могут иметь в каждом случае свою специфику. Это я говорю и к тому, что мы сегодня хотели бы отойти от традиционной схемы пленарной) (совещания. Вместо доклада предлагаем вам свободную дискуссию. Каждый, кто считает это нужным сделать, может поделиться с нами своими мыслями и соображениями с учетом направленности и тематики конференции. Затем мы продолжим дискуссии на секционных заседаниях.

Материалы конференции намечены к публикации¹.

Позвольте пожелать всем нам успешной работы.

Благодарю за внимание!

¹ Конференция проводилась в Баку, 20–21 декабре 1989 г.

**I. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА,
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ И СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Таривердиева И. Ф.

Институт философии и права АН Азербайджана

**ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И
ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО**

Познавательная деятельность, в отличие от некоторых других видов деятельности, например, эстетической, во-первых, имеет «прямой» выход на общественное производство, что обусловлено изучением всего комплекса проблем, связанных с развитием общественного производства, прогнозированием, выявлением противоречий и т.д; во-вторых, через сложную связь с практической деятельностью и посредством последней существенно воздействует на общественное производство, во всех его трех аспектах: а) материальное производство;

б) духовное производство или производство идей;

в) производство человека или производство людей.

Классическое рассмотрение соотношения познавательной деятельности и общественного производства сегодня должно быть дополнено аспектами, отражающими состояние интеллектуального потенциала, в частности, науки и общественного производства, пребывающего в кризисном состоянии.

На сегодняшний день различного рода директивы и постановления, направленные на то, чтобы сделать науку лидирующей по основным направлениям, пока еще не дают желаемых результатов. В чем же причина! В обществе происходит небывалый всплеск демократии, которая,

естественно, должна затронуть и познавательную деятельность в целом. Должна, но никак не затрагивает. Бюрократическая машина в духовной сфере никак не желает нарушить покой своего существования. Противоречия между познавательной деятельностью и общественным производством, между наукой и потребностями общественного развития все больше и больше усугубляются. Вероятно, это можно объяснить не только тем, что общему делу мешают деструктивные силы, но и спецификой познавательной деятельности, ориентированной на уникальность творчества и его результатов, на полную свободу и независимость научных исследований. Но, к сожалению, этой свободы пока еще нет. Административно-бюрократический механизм, действовавший во всех сферах нашей жизни, пагубнее всего отразился на познавательной деятельности и, прежде всего, на науке, так как в современном обществе любая сфера человеческой деятельности так или иначе связана с наукой. К началу перестройки в нашем обществе создалась социальная группа людей, осуществляющая политическое и практическое руководство учеными, а с другой стороны, (опять таки защищая свои интересы), выдвигающая не всегда реальные цели и приоритеты научных исследований. Механизм дальнейшего функционирования современной структуры исследований можно продолжать исследовать и дальше, но важен конечный итог – они высокочрезмерно затратны и малоэффективны. Это трагическая черта развития научных исследований, порождающая последующие звенья в цепи противоречий существующей структуры. Все эти звенья возникают и функционируют не на путях развития производства, а в сфере «чистой науки» или деятельности научных коллективов, никак не связанных с производством.

Познавательная деятельность личности и общества на каждом конкретном историческом этапе обуславливается

совокупностью социально-экономических факторов, а также целями и задачами, стоящими перед обществом на данном отрезке исторического времени. В послевоенный период произошло смещение и социального статуса ученого, его научной и познавательной деятельности. Они превратились в арену идеологической борьбы, направленной против плодотворно работавших ученых, что повлекло за собой массовую замену профессионально грамотных научных кадров невежественными людьми, не имеющими представления о науке, исследовательской работе. А это в свою очередь привело к уничтожению кадров науки и становлению кризисной ситуации в системе образования и культуры в целом

Сейчас в этом плане осуществляется определенная работа. В частности, радикально реформируются прежние структуры. Но в плане продвижения вперед сделано и делается очень мало. Объясняется это, во-первых, низким экономическим потенциалом и материально-технической базой науки и научных исследований и обнищанием научных работников; во-вторых, исторически сложившейся ориентацией материального производства, особенно сельскохозяйственного производства и степенью энерговооруженности последнего. Наконец, наука и производство, познавательная и практическая деятельность должны двигаться навстречу друг другу. Сейчас это движение осуществляется не с одинаковой скоростью и не с одинаковой готовностью. Главная задача, на наш взгляд, состоит в том, чтобы добиться такого положения, когда познавательная и практическая деятельность, наука и производство будут все больше тяготеть друг к другу, испытывать друг в друге органическую потребность.

Совершенно очевидно, что для перестройки и революционного обновления общества нужны прежде всего люди, обладающие высоким профессионализмом, дви-

жущие вперед экономику, науку, технику, искусство, осуществляющие воспитательный процесс, умеющие работать творчески, анализировать сложившуюся ситуацию. На сегодняшний день это стало настоятельной потребностью времени. Как выйти из этой ситуации? В рамках данных тезисов, конечно, на этот вопрос не ответить. Но нашей целью было выявить причину глубоких противоречий, возникших в ходе перестройки и захватывающих все стороны жизни. Без разрешения этих противоречий усилия, призывы, директивы, постановления останутся пустым звоном. В связи с этим, как минимум, хочется выделить несколько моментов, требующих своего обсуждения.

1. Наличие моделей потребностей отдельных отраслей народного хозяйства в приоритетных научных исследованиях, и в связи с этим свободный выбор направления исследований со всеми вытекающими отсюда мерами финансового, материального и технического обеспечения.

2. Разработка концепции единства и взаимосвязи образования, воспитания и практической деятельности, что предполагает создание единой цепи непрерывного образования, которое могло бы соответствовать общественной потребности в достижении такого **качественно, нового** состояния системы, которая была бы способна обеспечить кадровый потенциал для научно-технического обновления общества.

3. Рост численности высококвалифицированных специалистов, в основу которого должен быть положен принцип профессионализма.

Максудов Ф. Н.

АзГЭИ

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

Вопросы политической жизни общества занимают в политологии особенно большое место, так как развитие и совершенствование демократии выступает как важнейшее средство политического обеспечения решения задач социально-экономического развития страны.

Среди звеньев политической системы трудовые коллективы отличаются особым местом и своеобразной ролью. Трудовой коллектив по своей природе есть социальная ячейка общества. С другой стороны, трудовой коллектив, будучи важным звеном социальной структуры общества, выполняет в обществе важные политические функции в процессе осуществления самоуправления народа.

Трудовые коллективы являются также составной частью механизма руководства развитием экономики, все более активно участвующие в управлении производством. За последние годы в стране сложились многообразные формы вовлечения трудящихся в управление делами предприятий и их объединений.

Таким образом, трудовой коллектив – это та основная экономическая и социальная ячейка общества, в которой создаются все главные материальные богатства и духовные ценности, обеспечивается руководство трудящимися развитием экономики и всего общества. Именно здесь трудящиеся наиболее полно раскрывают свои творческие задатки в труде на благо общества и в общественной деятельности.

В трудовом коллективе со всей наглядностью проявляется система связей и сотрудничества производителей материальных благ, объединенных общей целью. Здесь, в основной ячейке общества, должна начинаться планомерная организация нашей экономики и здесь же – в конечном итоге – она должна реализовывать свою потенцию.

Производственный коллектив выступает связующим звеном между обществом и личностью, является такой социальной общностью людей, через которую трудящиеся участвуют в управлении производством и обществом.

До экономической реформы интересы личности, коллектива и общества далеко не всегда учитывались. Достаточно вспомнить, что из года в год гнался план, выпускалась продукция, не имеющая спроса, поэтому она залеживалась и складировалась. Экономические новации последних лет создали ситуацию, при которой член трудового коллектива заинтересован в выпуске продукции с учетом нормального функционирования коллектива и удовлетворения существующего спроса. Да и вопросы оценки трудового вклада, поощрения труда работника в новых условиях зависят уже не столько от благосклонности отдельных лиц, сколько от мнения совета бригады, трудового коллектива и т.п.

Длительное время в массовой и научной печати при затрагивании вопросов, связанных с возникновением конфликтов в коллективах, неизменно подчеркивалось, что причины их только лишь в плохой организации труда, просчетах в распределении трудовых функций и использовании способностей отдельных людей, в идейно-политическом и нравственном воспитании трудящихся, а также из-за встречающегося еще стремления некоторых членов коллектива использовать служебное положение в корыстных целях. То есть всячески избегали

обнажения действительных причин – влияния тоталитарной политической системы на ход и характер реализации объективных экономических закономерностей.

Однако что же показало вскрытие завалов застойных лет? Хотя бы то, что главное социальное завоевание общества – гарантированное право на труд обернулось в ряде случаев паразитированием на этом праве, что приводило к простому «отбытию» на трудовом участке, к работе «ни шатко, ни валко». Причем все это могло вполне ужиться с образцами добросовестного «социалистического» труда. Разумеется, подобное положение рождало остроконфликтные ситуации в коллективах.

Вне всякого сомнения, источники конфликтов также лежат в сфере просчетов и перегибов руководства, субъективизма, недостаточно хорошо оглаженном механизме воспитания. Однако до чего же просто уповать на воспитательную деятельность, которая сама по себе не в силах разрешить глубокие социально-экономические проблемы, накопившиеся в обществе.

В этом отношении неизмеримо изменилась ситуация после введения хозрасчетных отношений в трудовых коллективах, рабочего самоуправления, выборности руководящих органов в соответствии с принципами углубляющейся демократизации.

Можно с уверенностью сказать, что экономическая реформа, развернувшаяся в стране, в сочетании с политической подрывает «фундамент» конфликтного взаимоотношения, сложившегося в условиях уравнилительной политики, всепрощенчества, безответственности

В условиях дальнейшей демократизации общественной жизни все более возрастает роль и значение трудового коллектива как субъекта управления, как социально-политической ячейки общества. В связи с этим большое внимание должно уделяться дальнейшему расширению

политических функций трудовых коллективов, которые отражают их роль в общественно–политической организации общества (широкое привлечение к участию в формировании представительных органов государственной власти, выдвижение работников в государственный аппарат и т.д.).

Жизнедеятельность производственных коллективов, процесс их функционирования, их борьба за повышение эффективности производства и рост производительности труда, привлечение масс к управлению делами коллектива, общества и государства носят политический характер. Управление обществом, всеми его звеньями в том числе и экономическое управление на всех уровнях, по своему содержанию является политическим.

Эта старая истина приобретает новое значение в условиях социально-экономических преобразований, неуклонно совершенствующихся общественных отношений, дальнейшей демократизации общественной жизни страны.

Касум-заде Н. Р.

Институт философии и права "Азербайджана"

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК
ПОТРЕБНОСТЬ ОБНОВЛЯЮЩЕГОСЯ
ОБЩЕСТВА**

Революционное обновление жизни сопровождается ломкой существующих экономических и политических структур, преобразованием межнациональных и межличностных отношений, обновлением нашей федерации, строительством правового государства. Для того, чтобы эти и другие преобразования осуществлялись в полную меру, необходимо комплексное взаимодействие ряда объективных и субъективных факторов. В числе этих факторов далеко не последнее место занимает политическая культура.

Прежде всего политическая культура, её целенаправленное развитие – потребность развивающегося социального организма неотъемлемая составная заметно растущей политизации общества. Известно, что перестройка выплеснула наружу массу эмоций, психической и социальной энергии, вовлекла в творческую политическую и общественную деятельность миллионы людей, которые прежде проявляли к этим видам деятельности индифферентность, политическое и социальное безразличие. Но, включившись в политическую деятельность, многие обнаружили свою неподготовленность. В чем конкретно это проявляется?

Прежде всего основной массе явно не хватает опыта политической деятельности, ведения политической борьбы, например, в условиях избирательной кампании. Многие оказались к этой роли неподготовленными психологически: над ними все ещё продолжает довлеть груз старых представлений, привычка действовать по принципу: «как

бы чего не вышло». Но более всего обнаружился **дефицит политической культуры**, без которой как показала практика последних лет, перестройке не сдвинуться с места.

Рассмотрим тезисно в каких параметрах экономического, социального и политического развития ощущается острая потребность в политической культуре.

1. Общество по-настоящему включилось в подлинный процесс самопознания и самоутверждения. При этом объективно люди сталкиваются с необходимостью анализировать ситуацию, дать оценку происходящим событиям, вести плодотворную дискуссию со своими оппонентами. Более того, при каждом конкретном случае требуется принятие аргументированных, научно взвешенных, не ущемляющих интересы других сторон, групп и лиц, решений. И тут роль политической культуры порой становится решающей. Ведь деятельность социальных и этнических групп, отдельных личностей разворачивается в условиях плюрализма, многопартийности, демократии, соперничества различных точек зрения. В этих условиях не может быть прежнего «полного совпадения мнений». А чтобы различие мнений и позиций не привело к конфронтации сторон, необходима политическая культура, обеспечивающая консолидацию, а следовательно, и принятие таких решений, которые не ущемляли бы интересы сторон. Притом, политическая культура здесь выполняет не только консолидирующие функции, но она также служит надежным инструментом поиска оптимальных решений не только политических, но и социальных, культурных, межнациональных, экономических, экологических и других проблем.

2. В условиях обновления общества качественно меняются политические структуры. Новое качественное состояние политических структур, следовательно, требует

и нового уровня политической культуры как регулятора, как средства, обеспечивающего синхронность деятельности элементов этой структуры. Так, в настоящее время парламент страны, парламенты союзных и автономных республик формируются из представителей разных партий и политических движений. В этих условиях парламентская деятельность нуждается в солидной политической культуре. Умение четко и на высоком уровне излагать свои позиции, вести диалог с оппонентами, находить общие точки соприкосновения – все это так или иначе выходит на политическую культуру. В подлинно парламентской деятельности чрезвычайно важно отличать политические программы и лозунги, выражающие интересы народа и потребности политической системы, от политической демагогии. И в этом случае политическая культура может выполнять важную ориентирующую и даже познавательную функцию. В условиях перехода от прежнего унылого однообразия к богатому содержанию многообразию деятельности депутатов и других государственных служащих почти на каждом шагу встает вопрос о консенсусе, об умении и способности достичь согласия по обсуждаемым вопросам. Разумеется, политическая культура может выполнять в этом деле важную консолидирующую функцию.

Нам представляется, что обсуждение этого вопроса сейчас является особо актуальным.

3. Обновленческие процессы в СССР по времени совпали с утверждением в общественной жизни плюрализма. Речь идет не только о плюрализме мнений и позиций, но, главным образом, о политическом плюрализме, развитие которого сопряжено с возникновением сложных противоречий, нестандартных ситуаций. И поскольку различие мнений и позиций, словом, все, что мы называем плюрализмом, не может регулироваться законом и

инструкциями, то решающее слово здесь за политической культурой. Следовательно, развитие политической культуры является важнейшим условием и потребностью нормального функционирования плюрализма как качественной характеристики демократического общества. Этот вопрос, на наш взгляд, также нуждается во всестороннем обсуждении

Гандилов Б. С.
АзГИФК
**КРАХ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОДЕЛИ
СОЦИАЛИЗМА**

XX столетие оказалось не только началом эксперимента по реальной проверке на практике коллективистской альтернативы, оплаченной чудовищной ценой, но и полным крахом веры в возможность коллективизма, которая была кульминацией поисков и неудач многих десятилетий¹.

Как это не странно, произошло то, что должно было произойти.

Коллективизм, конечно же, не такой уж абсурд, он не является противоречащим самой сущности человека, противоестественным его природе состоянием. Наоборот, любая деятельность человека и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят общественный, коллективный характер^{2,2}.

Но если общество, провозгласившее господство принципа коллективизма, старается **насильственно** абстрагироваться от таланта индивида, т. е. от проявления его **индивидуальной** сущности, повсюду отрицает личность человека, где коллективизм понимается лишь как общность труда, а равенство – как равенство заработной платы,³ где доход от труда принадлежит всему обществу (даже неработающим!), и такое распределение принято было считать справедливым, в обществе, где представляют, что будто идея социализма вращается преимущественно вокруг вопросов распределения⁴, человеческий разум начинает

¹ См.: Пол-Джонсон. Сделать капитализм моральным. Журн. «Америка», август 1991 г.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42 с 124.

³ Там же, с. 114, 115.

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 38.

противиться такому коллективизму, он отвергает то, что отвергает его человеческую индивидуальность. Это вполне естественно, ибо общественная жизнь человека в любой форме бывает либо более особенной, либо всеобщей индивидуальной его жизнью.¹

Отсюда, основанная на принципе коллективизма общественная собственность, декларативно ликвидировавшая частную собственность, не могла дать людям желанного всеобщего счастья. Ведь частная собственность это не только исторически обусловленная форма присвоения материальных благ – это историческая **действительность** человека. Семья, государство, право, мораль и т.д., поэтому есть лишь особые виды производства, основанного на частной собственности.² Поэтому малейшее вмешательство в историческое движение частной собственности приводит к изменениям в самой действительности человека, в процессе его исторического самоосуществления, которая является объективные историческим процессом.

Как и все исторически обусловленные формы собственности, частная собственность также имеет свою, особую историческую необходимость, которая заключается в том, что человек как субъект является не только результатом, но и **исходным пунктом** исторического движения частной собственности³. То есть историческая необходимость и историческая миссия частной собственности заключается именно в том, что человек как субъект является исходным пунктом ее всемирного движения.

Сущность всемирно-исторического процесса развития частной собственности заключается в том, что не только общество производит (естественно посредством произ-

¹ См.: *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 42, с. 119.

² См.: *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 42, с. 117.

³ См.: Там же, с. 117-118.

водства и потребления) самого человека как человека исторически более развитого, но и сам человек (тоже естественно посредством производства и потребления) производит общество исторически более развитое.

Таким образом, всемирно-историческое развитие частной собственности есть объективно-исторический, естественный процесс, имеющий свою собственную и неповторимую историческую логику, целостный и единый цикл со своими собственными этапами как самополагания, так и самоотрицания.

Процесс исторического развития частной собственности как целостный, единый и объективный цикл, разумеется, должен иметь какой-то исторический и логический результат. Этим результатом, по мнению Маркса, должно стать положительное упразднение частной собственности как противоречащей родовой сущности человека.

Итак, в ходе процесса своего всемирно-исторического развития частная собственность движется (через производство и потребление) к собственному самоотрицанию. Благодаря этому, коммунизм есть присвоение человеческой сущности, которое опосредствует себя с собой через отрицание частной собственности¹. Причем, исторический процесс ликвидации частной собственности по времени проходит тот же путь, что и процесс ее господства. То есть для ликвидации последствий огромной эпохи собственной «нерассудительности», история потребует от человечества по времени такую же огромную эпоху.

По мнению Маркса, «история принесет с собой это коммунистическое действие, и то движение, которое мы в мыслях уже познали как само себя снимающее (имеется в виду самоотрицание частной собственности – Б. Г.), будет проделывать в действительности весьма трудный и

¹ См.: *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч*, т. 42, с. 135.

длительный процесс. Но мы должны считать действительным шагом вперед уже то, что мы с самого начала осознали как ограниченность, так и цель этого исторического движения и превзошли его в своем сознании»¹.

Вышесказанное позволяет, по нашему мнению, утверждать, что принципиально важно отличить теорию классического марксизма от той теории, в соответствии с которой мы «пытались» построить общество будущего.

Общество будущего, которое мы пытались построить и в некотором смысле уже строили, являлось ничем иным, как «большевистской моделью социализма». Поэтому, крах этой модели, ввиду ее исторической и теоретической неоправданности, выглядит более чем закономерным.

Таким образом, отнюдь не ориентация на коллективизм являлась причиной провала «большевистской модели социализма».

По мнению Маркса, причина заключается в том, что человек, объективно не доросший до уровня частной собственности, не может считать, что он ее **освоил**². Ибо всякая альтернатива частной собственности, например, в виде коллективизма, может появиться у общества **лишь** в том случае, если человек не только дорос до уровня частной собственности, но и возвысился над ней, а возвыситься он может только уяснив для себя сущность частной собственности.

¹ Там же, с. 126

² См.: Там же, с. 115.

Асланов Г. А.

Институт философии и права АН Азербайджана

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ
СИСТЕМЫ**

Проблема государственно-административной системы, этатизма как никогда актуальна в сегодняшней обстановке перестройки общественной жизни. Многие историки, экономисты, социологи предпринимают попытки раскрыть суть явлений гипертрофированного государственного начала в жизни страны. Однако вопрос о причинах формирования такой системы во многом еще не освещен. Это объясняется, на наш взгляд, двумя ошибочными положениями, которыми руководствуется большинство исследователей. Первое заключается в том, что государственно-административная система якобы в момент установления являла собой некое отклонение и даже извращение общественного развития, характерное для милитаристических государств. Другие исследователи рассматривают этатизм как национальную особенность и приписывают его установление исключительно России послереволюционного периода.

Первое положение было выдвинуто еще в начале века Г.В.Плехановым, К. Каутским и другими социал-демократами, не считая теоретиков-анархистов. Многие современные советские исследователи, признавая историческую необходимость административно-государственной системы, считают, что предпосылки ее возникновения были заложены во II Программе РКП (б) на VIII съезде в 1919 г. Некоторые из них, не утруждая себя сколько-нибудь серьезным анализом, приписывают заслугу в создании системы этатизма И. Сталину.

На наш взгляд, оба вышеупомянутых положения являются по меньшей мере неполными, не раскрывают истинных причин явления. Несомненно, объяснение нужно искать в экономической области. Предлагаемый подход основан на выявлении соотношения между обобществлением производства и его общественной организацией.

Постоянное обобществление и укрупнение производственных единиц (начиная с семьи, как хозяйственной единицы в период раннего варварства, и до гигантских монополий) является исторической, закономерной тенденцией развития производительной деятельности. Каждая ступень при этом предполагает свою очередную форму социальной организации.

С достижением ко второй половине XIX в. гигантских масштабов производства мир вступает в новую полосу развития. Монополии вовлекают в процесс производства невиданное в истории производительной деятельности количество рабочих рук. Прежняя организация производства частным капиталом оказывается недостаточной, происходит экспроприация его капиталом общественным, о которой писал Маркс.¹ Образуются акционерные общества, что приводит к выделению управленческой прослойки и наемных служащих. Социально-организационная функция непосредственного руководства производством, которая ранее определяла необходимость всего класса буржуа, переходит в обязанность наемных служащих. Налицо разделение капитала на капитал-собственность и капитал-функцию.

О дальнейшим обобществлением создается ситуация, когда огромные армии рабочих находятся в ведении постоянно уменьшающегося числа крупных капиталистов. Возникает необходимость в административном уч-

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772-773.

реждении, способном контролировать производство в масштабах всего общества. Производство и управление им принимает политическую значимость. Интересы производителей и государства смыкаются, образуется государственно-монополистический капитализм. Централизация всего общества как производственного организма находит свое логическое завершение и объединяет «в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего»¹. Наступает период этатизма, существенно меняющего направление всего общественного развития в конце XIX – первой половине XX веков. Старая модель всемирной пролетарской революции отошла в прошлое. Революции замыкаются в национальных рамках отдаленных и отсталых стран. Резко политизируется общественная жизнь

¹ Там же, т. 22, с. 243,

Аллахвердиев К. Г.

БВПС

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

1. Национальный вопрос в СССР приобрел в последнее время исключительную остроту. Казалось бы неизбежные, на первый взгляд, интернациональные устои советского общества подвергаются сегодня мощной критике, как конструктивной, так и деструктивной. Безотрадным, но реальным фактом советской действительности стало то, что конфликты на межнациональной основе уже унесли сотни человеческих жизней, создали небывалую в мирное время проблему беженцев, привели к ослаблению интернациональных связей и усилению центробежных сил, нанесли огромный материальный и моральный ущерб стране. Национальный мир и согласие, дружба народов СССР, как по мановению волшебной палочки, чьей-то злой воле, в одночасье сменились национальными раздорами и враждой, политической нестабильностью и неуверенностью в завтрашнем дне. Сразу же выявились сотни «горячих точек и злободневных вопросов, требующих своего разрешения. Поэтому в научных дискуссиях, публицистической полемике, политических дебатах на многочисленных митингах и законодательных форумах все более отчетливо на передний план выступает круг проблем, имеющих политическую значимость: национальное самоопределение, достижение подлинного суверенитета, экономической и политической самостоятельности советских республик, вопросы развития национальных культур, статуса национальных языков, национальных прав граждан, государственно-юридического регулирования

федеративных, межреспубликанских и региональных отношений и т.д.

Серьезным симптомом кризиса в межнациональных отношениях в СССР является и то, что в массовом общественном сознании, в тональности выступлений средств информации произошла определенная эволюция: неприличное удивление по поводу неожиданности «проснувшихся» межнациональных коллизий сменилось сначала надеждой, что хотя они и носят объективный, но локальный и устранимый характер, а затем и утверждениями, что дальнейшее обострение обстановки неизбежно, чревато длительной гражданской войной на национальной почве и распадом страны. Отсюда делается вывод в СССР назревает тупиковая ситуация, не поддающаяся никаким политическим, законодательным, научно обоснованным решениям. И в том, что такая точка зрения все больше распространяется в советском обществе, одинаково виноваты и политически бессильная наука, и ненаучная политика. Поэтому, политическая актуализация, жизненная необходимость гармонизации межнациональных отношений в СССР сегодня требуют как нового политического мышления, так и философски обоснованного критически-творческого подхода к сущности и перспективам национальных процессов.

2. Актуальной задачей перестройки Философских наук на современном этапе общественного развития является отказ от догматизма и стереотипов, опора на практику, проверка практикой и утверждение на практике добытого философского знания. Следует отметить что в условиях углубляющейся перестройки уже не обойтись полупризнаниями типа: с одной стороны – большие достижения в философии, с другой – имеются и определенные недостатки. Кризис в марксистском общественном знании уже зримо обозначился, схоластика и

оторванность от жизни научных исследований охватила все его сферы. И никакие заверения в обновлении марксистско-ленинской философии или защиты основополагающих ее принципов не будут иметь успеха, если не изменить сам статус науки. Марксистское обществоведение должно превратиться из служанки текущей политики, ее идеологического прикрытия, каковой она пребывала и пребывает сегодня, в стратегический фактор политической деятельности, ее основу и важнейший аргумент. Прежде чем социалистическое общество станет правовым, высокогуманным, цивилизованным, оно должно стать обществом научно регулируемым. И огромная роль в этом процессе принадлежит циклу общественных наук, прежде всего философии, ее эвристическому потенциалу.

Происходящие эпизодически в нашем обществе взрывы антиинтеллектуализма, якобы народные требования повернуть гуманитарные науки лицом к проблемам «хлеба насущного», надеемся, не обманут советских философов-марксистов: явление не тождественно сущности. И задачей философии не может являться разработка технологий по производству товаров народного потребления. Однако внутренние пружины происходящих процессов, системность качественной определенности окружающей действительности, сама целесообразность социальных отношений, породивших дефицит товаров и человечности, безусловно, должна стать сферой философского знания.

В современном мире происходят глубокие экономические, социально-политические и духовные процессы, как эволюционного, так и революционного характера. Бурно идет процесс смены парадигм мировоззрения и мироощущения человеческой цивилизации. Одно только обращение к этим явлениям социально-философского анализа, освобожденного от закостеневших, мертвых

традиций прошлого, неизбежно повлечет за собой критический пересмотр накопленных научных знаний и представлений. И только лишь на следующем витке перестройки в философии, связанном с постановкой вопросов о целостности мировоззрения, общества и человека, общих закономерностях и направленности развития человечества, открытости его формационно-классовой диверсификации, перспектив и пределов роста современной цивилизации, станет возможным по-настоящему высвобождение эвристического потенциала философского знания. Это, безусловно, потребует радикальных изменений в философском инструментарии, методиках исследования, теоретико-методологической базе, в самих принципах построения философских моделей. Тем самым станет возможным утверждение на практике не чуждой духу марксизма замкнуто-корпоративной философской системы, а творчески открытого руководства к изучению действительности, построения постоянно растущего дерева «целей и проблем» философского знания.

С этих позиций эвристический потенциал философского знания, по нашему мнению, заключен в его динамичной соотнесенности с потребностями общества и научного познания, в творческом развитии на этой основе всей системы его теоретических и методологических принципов.

3. Приложение развернутого эвристического потенциала философии к национальной проблематике должно обусловить проведение глубоких исследований в этой области. Приоритетными направлениями социально-философского анализа национальных отношений в СССР, по нашему мнению, могли бы явиться следующие теоретико-методологические проблемы.

Сформулировать сущность национального вопроса в СССР, определить его специфические особенности в ус-

ловиях социализма, динамику социально-исторических трансформаций, основные внутренние противоречия, пути и механизмы разрешения. Важным в этом плане представляется утверждение в науке дифференцированного общеметодологического подхода к национальным проблемам, несводимости в чистом виде национального вопроса к разновидности социально-экономического: социального расслоения общества, товарного голода и т.д.

Одним из ключевых моментов разработки теоретико-методологических принципов анализа национальных отношений является уточнение категориального аппарата. Следует решительно перейти от описательных, беллетристических понятий «расцвет» и «сближение» к строго научным категориям, имеющим совершенно четкий гносеологический статус.

Нельзя также оставаться на старых позициях, согласно которым нации и народности лишь различными путями движутся к единой для всех цели. Противоречивая картина современного общественного развития показывает, что пароды нашей страны развиваются не столько многообразными, сколько альтернативными путями, ведущими в нашем традиционном понимании к различным целям. Это может проявиться в возможности существования не только плюрализма теоретических моделей, но и более того, конституционную, идеологическую и даже политического плюрализма советских республик.

Принципиальное значение в методологическом плане имеет разрешение вопроса: обладает ли национальное развитие этноса только лишь социальным содержанием, или же оно имеет некое собственное, «национальное» содержание? Иначе говоря, если сводить развитие наций к форме движения общества к определенному идеалу (цели, программной задаче), то насколько национален этот социальный идеал, или же, насколько социален

национальный идеал. Как видим, формулирование конкретной исходной позиции может привести в дальнейшем к различным, даже противоположным концептуальным построениям. Попытка же механически совместить эти позиции, как это часто делается в литературе, путем выделения в национальном бытии равноценных этнической и социальной сторон, в совокупности составляющих «национальное», на наш взгляд, уже доказала свою маловосприимчивость к реальной практике. Поэтому важной задачей обновления всей теории нации и национальных отношений является социально-философский анализ внутренних источников национального развития, его противоположных сторон, порождающих диалектически противоречивое самодвижение наций и народностей.

Теоретическим положением, обобщающим круг указанных, а также других вопросов, должно стать определение наций, которое, в свою очередь, выступает как методологический принцип всей национальной проблематики. Марксистское обществоведение, которое базировалось на сталинской дефиниции нации, абсолютизирующей роль и значение экономически-территориального фактора, с замкнутых, некритически воспринятых методологических позиций не в состоянии было пересмотреть этот вопрос. Только по мере восхождения от решения частных вопросов к более общим на основе переоценки накопленной научной информации и смены концептуальных парадигм, можно дать интегративную, синтезированную характеристику наций и национальных отношений.

Таким образом, на основе критического, творчески-инновационного осмысления всей проблематики национальных отношений, мы видим, как раскрывая свой эвристический потенциал, умение философскими методами

в современной действительности опережать свое время, философское знание выполняет свою функцию самосознания эпохи.

Микаилов Н. М., Абдикеев Р. З.

АзИСИ

САМОУПРАВЛЕНИЕ – ОДНА ИЗ ВЫСШИХ ФОРМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МАСС

В структуре нового мышления центральное место занимает идея общественного самоуправления. Исходным в понимании данного феномена является термин «самоуправление»: сам управляю собой, своими делами. Самоуправление... – это управление народа, посредством самого народа и в интересах народа. Очевидно, что для самоуправления народа необходимо участие всех граждан, или хотя бы их большинства в управлении государством и обществом.

Однако реализовать эти идеи, добиться участия большинства или всех граждан в повседневном управлении пока не удалось. Дело в том, что на известном этапе развития нашего общества и демократия, и политическая система, и самоуправление народа подверглись серьезным деформациям.

Возникла командно-административная система управления. Государственный аппарат использовался в корыстных, антинародных целях для репрессий против представителей трудящихся, а также прогрессивной части интеллигенции. На почве злоупотребления властью стали возможными различного рода преступления. Произошло массовое отчуждение значительной части народа и их самостоятельных организаций от политической власти. Вот и сегодня осуществление власти пока что отождествляется не с активной политической деятельностью трудящихся, а, прежде всего, с исполнительными органами, аппаратом управления.

Многие демократически настроенные политологи никогда не противопоставляли государственную власть и самоуправление народа. В их понимании процесс перехода к всеохватывающей системе общественного самоуправления протекает не по линии умаления принципиальной роли государства и свертывания его функций, а наоборот; практика показывает, что даже малейшее ослабление роли и власти государства приводит к нарастанию элементов анархии и стихийности, что ставит под угрозу социально-демократические завоевания народа. Немалый вред становлению гражданского общества наносит и откладывание практического осуществления принципов самоуправления до перехода к полному самоуправлению, а также подчас формальный характер участия трудящихся в управлении общественными, государственными и особенно производственными делами. В подобном случае возникает противоречие между объективным положением работника как собственника условий производства в масштабе государства и его объективным ощущением оторванности от этих условий. Производитель начинает себя чувствовать чем-то вроде безропотного наемного работника, воспринимает государственную собственность как ничейную и начинает вести себя сообразно этому. Именно эти причины обусловили потребность поиска новых путей выхода из создавшегося положения, необходимость возрождения исторических и создания новых рыночных отношений, самоуправленческих форм организации и стимулирования труда и общения. Именно по этой причине за последние годы возникли сотни самостоятельных движений, неформальных объединений, союзов, организаций и групп, которые в свою очередь потребовали формирования у каждого его участника не просто активности, а активности, построенной на высокой степени общественного сознания и самосознания, самоорганизации

и самодисциплины, определенных умений и навыков предпринимательской деятельности и самоуправления.

Сегодня же трудящиеся массы еще не освободились от груза привычных подходов. В их жизни и деятельности пока что наблюдаются отпечатки прошлой психологии. Да и само самоуправление народа, как показывает практика, все более и более наталкивается на несовершенство политико-правовых и социальных институтов. Оно в большой степени подвержено стихийным влияниям социальной среды. Вот почему самоуправление народа, особенно его новые элементы, рождаются и утверждаются чаще всего методом проб и ошибок, а то и в непримиримой борьбе за власть. Наблюдения показывают, что сегодня в условиях глубокой демократизации, гласности, критики и самокритики, социально-политическая активность трудящихся в большой степени проявляется как самодеятельность. Основной объем этой активности направлен на самоутверждение личности, самоопределение народа, изменение и формирование новых существующих общественных отношений и условий жизнедеятельности людей.

Выходя за рамки обыденности, ломая на своем пути отжившие нормы, правила, установки, она в то же время формирует непредвиденные, взрывоопасные элементы и формы самоуправления и активности трудящихся. Более того, под действием антиперестроечных и экстремистских сил, активность определенной части трудящихся может быть направлена не только на отрицание, но и на разрушение общенациональных, общечеловеческих ценностей и принципов. Во многих регионах такие отклонения проявлялись в ходе массовых выступлений, несанкционированных митингов, собраний, забастовок, демонстраций, столкновений с трагическими последст-

виями. Эти обстоятельства вызвали создание различных форм защиты и самозащиты личности и трудящихся масс.

Механизмы торможения формирования самоуправленческих начал и активности трудящихся масс более четко прослеживаются на уровне трудового коллектива. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные социологических исследований. Так, например, на «опрос. «Что мешает развитию самоуправления в вашем коллективе?» респонденты ответили: «Экономическая несамостоятельность коллектива – 98%, недооценка или вовсе игнорирование общественного мнения – совета трудового коллектива – 40%, низкая социально-политическая активность и культура работника – 63%, сила авторитарных традиций – 57,7%, сопротивление нынешних руководителей – 60%.

Профессиональные союзы, советы трудовых коллективов, забастовочные комитеты должны стать цементирующим материалом формирования подлинно демократических органов самоуправления рабочих, утверждения народной власти. Опыт показал, что в условиях перестройки и усвоения новых методов работы с людьми это возможно только через открытый диалог, национальное и гражданское согласие, живой разговор, в ходе которых и формируется новый тип политического деятеля, руководителя масс – неординарно мыслящего, с обостренным чувством перспективы, способностью принимать и осуществлять смелые самостоятельные решения в интересах человека, всего народа. Отсюда вывод, что становление новых элементов, форм и методов самоуправления трудящихся возможны только путем бескомпромиссной борьбы трудящихся с бюрократизмом, углубления непосредственной и особенно внутрипроизводственной демократии, неукоснительного соблюдения новых законов уважения прав и свобод личности и меньшинства.

Таким образом, во-первых, самоуправление имманентно не любому состоянию общества, не каждому уровню развития государственности, а лишь подлинно конституционному, демократическому, гуманному обществу, в котором только и возможно осуществление самоуправления народа. Во-вторых, вывод о наличии самоуправления в обществе, регионе может быть сделан лишь в результате анализа степени практической реализации принципов самоуправления в устройстве и деятельности политической системы общества, анализа, учитывающего уровень развития самоуправленческих отношений, институтов, сознания и культуры народных масс, использующего объективные критерии самоуправления.

Дадашев Г. Б.

АзИСИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМЫ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Отношения собственности и способы управления обществом в том их виде, в каком они сложились к середине 80-х годов, превратились в один из главных факторов, противодействующих прогрессу нашего общества. Все более усиливалось их несоответствие потребностям развития производительных сил, экономическим законам. В государственно-политическом отношении такая система власти и управление представляли собой строго продуманную иерархию номенклатурных должностей, партийно-государственную систему, осуществлявшую прямое централизованное руководство, со стороны государства всей экономической деятельностью и всеми аспектами общественной и личной жизни.

Давно показано (еще в 20-е годы В. В. Новожиловым), что истоки хронической нехватки потребительских и производственных ресурсов – в самой системе директивного хозяйствования и соответствующей (командно-бюрократической) системе ценообразования. Экономический и социально-эквивалентный «обмен деятельностью» (Маркс) превращается в такой системе в «вертикальные» отношения распределения в соответствии с иерархией статусов, фигурально выражаясь – с порядком номеров в некоей универсальной социальной очереди.

Сегодня ставится вопрос о том, чтобы сломать командно – бюрократическую систему не «очистить от наслоений», не исправить «извращения», а именно сломать систему бюрократического господства, создав принципиально новые основы общественного и политического развития

страны. Но опасной иллюзией представляется и мнение о пользе чрезвычайных мероприятий («чисток», кампаний) «по борьбе» против бюрократизма. Такие мероприятия всегда некомпетентны и поверхностны. Нельзя забывать собственный исторический опыт: чрезвычайные меры не только не приводили к гибели бюрократии, но способствовали разрастанию и всевластию наиболее опасных ее форм.

Назовем основные составляющие процесса слома командно-бюрократической системы: утверждение правового государства с присущим ему политическим плюрализмом, возвращение общественным организациям самостоятельности, развитие гражданской инициативы и ответственности человека, эффективное взаимодействие различных форм собственности и хозяйствования для развития инициативы экономических субъектов и удовлетворения потребностей общества, превращение гласности, свободы слова и мысли в норму плюралистического открытого социалистического общества. Все это немыслимо без комплексной системы реформ.

Реализация основополагающих принципов перестройки управления предполагает развитие «горизонтальных» связей на всех уровнях хозяйствования. Общей предпосылкой демократизации общественного хозяйства следует признать равные права (и равную ответственность) центральных экономических органов государства и органов управления на местах. Другой основой демократизации социально-экономической структуры является возникновение у нас дифференцированного экономического субъекта. В рамках этой демократизации человек должен быть субъектом производства, средством же является не он, а его деятельность, труд. Субъект деятельности ответственен за свою деятельность. Если же работник поставлен в положение средства реализации

производственных целей государства, то он не несёт ответственность за свою деятельность, за нее отвечает «начальство».

Рассматривая вопрос о положении человека в системе государственной собственности, нельзя упускать из виду, что все трудоспособные члены общества являются индивидуальными, личными собственниками своей рабочей силы. Они вправе самостоятельно выбирать профессию, место работы на определенном предприятии. Поэтому государство как собственник средств производства непосредственно не распоряжается рабочей силой.

Ситуация, когда субъектом собственности выступали государственные структуры, концентрировавшие хозяйские функции в полном объеме, оставляла за социалистическим тружеником лишь статус наемного рабочего. Последний же в строгом смысле слова сосредоточен лишь на выполнении узких задач, предусмотренных условиями найма, и не может претендовать на роль хозяина, кровно заинтересованного в конечных результатах производства.

Главной причиной объективного повышения роли человеческого фактора в производстве служит НТП, в частности такие его проявления, как рост технической вооруженности работников, углубление и усиление специализации труда, повышение реального обобществления производства. И эффективной является такая система управления, которая опирается на точное знание и умелое использование интересов работников. А так как эти интересы многосторонни, зависят от множества причин и меняются под влиянием обстоятельств, то и управление должно отличаться разнообразием методов, гибкостью, чуткостью к местным условиям и динамическим изменениям.

Известно, как самоотверженно работают советские люди на ликвидации последствий тяжелых аварий. Но главное не

в том, что необходимы обязательно экстремальные условия, чтобы раскрылись возможности человека, а в том, что в нормальных условиях не создан необходимый механизм осознания человеком того, что труд его необходим, осознания своей незаменимости. И осознание того, что это может сделать именно он, позволяет вскрыть важные ресурсы. Именно создание условий, в которых человек будет реализовывать себя как личность, решит одновременно и проблему социальной справедливости,

Эюбова Э. М.

БГУ им. М. Э. Расулзаде

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Современный этап развития нашего общества с особой остротой выдвигает задачу дальнейшего совершенствования научного руководства всеми социальными процессами, что требует глубокого исследования закономерностей социальных процессов, происходящих в стране.

Явления общества очень сложны и многоплановы. При их объяснении требуется учет большого количества самых разных факторов, влияющих на существование исследуемого процесса. Объекты социального познания обладают высокой степенью индивидуализации. В обществе не бывает абсолютно тождественных явлений, которые можно было бы объяснять по готовому шаблону, ибо события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам¹.

При освоении действительности субъект добывает знания для того, чтобы, раскрыв объективные свойства явлений, найти способ использовать их для удовлетворения своих потребностей. Потребность выступает поэтому как некоторое двухчленное образование, представляющее собой, с одной стороны, отношение между субъектом и объективным миром, а с другой – возникающее под воздействием этого отношения внутреннее состояние субъекта, которое стимулирует его к деятельности. Потребность потенциально всегда служит основой направ-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-ое, т. 19, с. 121.

ленной деятельности, но реально становится таковой только с формированием у субъекта внутренней готовности совершить необходимое действие. Поскольку значение явлений объективного мира для субъекта оказывается весьма разнообразным и далеко неодинаково влияющим на его поведение, оно, безусловно, учитывается им в его отношении с реальной действительностью. Человек из всех этих значений особо выделяет те, которые оказывают положительное влияние на процесс его жизнедеятельности как биологического индивида и как социального субъекта. Поэтому для полной характеристики объективных процессов не только следует проникать в сущность исследуемого явления, но необходимо и установление его значения как возможного предмета удовлетворения общественной потребности, как того требует общественная практика. В. И. Ленин считал, что исследуемый предмет должен быть рассмотрен всесторонне, с раскрытием всех его прямых и опосредованных связей, чтобы как можно точнее определить его полезность человеку.¹

Объектом социального познания являются общественные действия личностей, направленные, на реализацию ценностного содержания потребности. Понять эти действия и правильно объяснить их можно только через установление ценностной ориентации социального субъекта, определяемой его потребностями и интересами. Исторический процесс может быть раскрыт и понят во всей его глубине, многообразии и перспективности только с установлением социальной значимости, объективной ценности совершенных действий. Иными словами, объекты социального познания могут существовать только в деятельности и через деятельность, поэтому они так или иначе содержат в себе ценностное отношение субъекта к

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т: 42, с: 290;

процессу своей деятельности, целью которой является реализация ценностного содержания потребности. В ходе познания не только устанавливается закономерная связь объективной действительности, но и выясняется её значимость для жизнедеятельности субъекта. «...Люди делают свою историю вовсе не затем, – писал Г. В. Плеханов, – чтобы шествовать по заранее начертанному пути прогресса, и не потому, что должны повиноваться какой-то отвлеченной... эволюции. Они делают её, стремясь удовлетворить свои нужды».¹

Между деятельностью и потребностью существует тесная связь, выражающаяся во взаимном влиянии их друг на друга в процессе производства и воспроизводства общественной жизни. Деятельность, порождая потребность, производит вместе с тем предмет потребности и способ его потребления, она является исторически исходным моментом существования общественной потребности. Потребность же в свою очередь как активно-деятельное состояние субъекта является побудительным фактором человеческой активности. Она заставляет человека выполнять действие, необходимое для достижения предмета потребности, способствуя тем самым воспроизводству данного качественного состояния общественных отношений. Когда же средств для удовлетворения потребности нет, а субъект ощущает острейшую необходимость ее достижения, то он начинает изыскивать возможности для их создания. Появление новых средств освоения и преобразования социальной действительности поднимает человеческую деятельность на качественно более высокий уровень, который ведет к

¹ Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории. Избранные философские произведения. -М., 1956, т. II, с. 243.

совершенствованию существующих общественных отношений.

Постоянное взаимовлияние деятельности и потребности осуществляется благодаря процессу мотивации, выступающего в данном случае в качестве связующего звена между ними. Изменение деятельности ведет к новым потребностям, которые в свою очередь требуют более совершенных средств для своего удовлетворения. Эта динамичная связь становится условием высокой подвижности общества и её законов, поскольку активно-деятельный процесс реализации общественных потребностей ведет к преобразованию социальной действительности, а вместе с тем и её законов.

Обогащение социальной теории делает историческую практику более направленной: чем глубже общество познает законы своего существования, тем основательнее осуществляемые в процессе практики преобразования социальной действительности, тем более существенные изменения претерпевают общественные отношения, тем следовательно, более развитым становится объективный общественный закон.

Таким образом, совершенствование человеческой деятельности ведёт к изменению социальной действительности, а это в свою очередь делает более доступным её познание, ибо раскрытие сущности любого процесса, отмечал К. Маркс, возможно только на зрелой стадии его существования. Знание законов общества делает человеческую деятельность более целенаправленной, в результате чего быстрее идет преобразование социальной действительности и т. д.

Не следует, однако, забывать, что требуются максимальная осторожность, осмотрительность при выработке и принятии жизненно важных решений. Предварительным критерием прогнозируемой ценности тех или иных

мероприятий, шагов, способов деятельности может быть только практика осуществления подобных мер в сходных ситуациях прошлого. Действительная же ценность намечаемых действий и самого решения проявится только после их реализации. Успех и оптимальность управленческого решения определяют всесторонность анализа и творческого использования предыдущего опыта, важных социальных фактов, научная обоснованность принимаемых решений, последовательное соблюдение коммунистического принципа партийности в сравнительной оценке и выборе альтернатив.

Əliyev S.H.

Azərbaycan EA Fəlsəfə və hüquq İnstitutu

PRAKTİKİ-DƏYİŞDİRİCİ FƏALİYYƏTİNİN İNKİŞAFI İCTİMAİ TƏRƏQQİNİN TƏLƏBATIDIR

Praktika insanların həyat tələbatının ödənilməsinin səciyyəvi üsulu kimi tarixi inkişaf prosesində yaranmışdır. İnsan əmək alətləri və əmək vasitələri istehsalı nəticəsində həmişə təbiətə qarşı universal praktiki-dəyişdirici münasibətdə olur. Praktiki fəaliyyətin başlıca forması insanın həyat və fəaliyyətinin əsasını təşkil edən maddi nemətlər istehsalıdır. Maddi nemətlər istehsalı üsulu bütünlükdə ictimai inkişafın əsas hərəkətverici qüvvəsidir.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin konkret təzahürlərinin müxtəlifliyi onun əsas və qeyri-əsas formalarında ifadə olunur. Bu formalar daim dəyişir və təkmilləşir, onun köhnə forma və növləri yeniləri ilə əvəz edilir. Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin əsas və qeyri-əsas formaları obyektin və fəaliyyət sahəsinin xarakterinə, obyektiv gerçəkliyə etdikləri təsirin xarakterinə və dərəcəsinə, həmçinin inkişaf və qarşılıqlı təsir xüsusiyyətlərinə, insan fəaliyyətinin başqa formalarına olan təsir dərəcəsinə görə fərqlənirlər. Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin əsas və qeyri-əsas formalarının qarşılıqlı təsiri və vəhdəti ictimai-tarixi praktikanı təşkil edir, onun spesifikasiyasını müəyyənləşdirir.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin iki əsas növü vardır — maddi istehsal fəaliyyəti və sosial-dəyişdirici fəaliyyət. Hər iki növ dialektik vəhdətdə mövcud olur və inkişaf edir.

Sosial bir hadisə olan praktika həm də tarixi tiplərinə görə fərqlənir.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin inkişaf səviyyəsi üç cür komponentlərlə — onun forma və növlərinin inkişaf dərəcəsi ilə, dəyişikliklərin miqyası və sahəsi ilə, inkişafın tempi ilə xarakterizə olunur. Hər bir yeni ictimai-iqtisadi formasiyada maddi istehsalın və istehsal fəaliyyətinin inkişaf səviyyəsi köhnə ictimai-iqtisadi formasiyanın inkişaf səviyyəsindən

əhəmiyyətli dərəcədə yüksəkdir və bu meyl mütləqdir. Sosial-dəyişdirici fəaliyyətin növlərindən olan sinfi mübarizənin inkişafı və kəskinləşməsi bir antaqonist formasiyanın digərinə keçməsi ilə əlaqədar olaraq artır.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin inkişaf səviyyəsinin ikinci komponenti dəyişikliklərin miqyası və sahəsidir. Bu komponent, hər şeydən əvvəl, praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin yeni forma və növlərinin yaranması, köhnə forma və növlərinin isə sıradan çıxmasında ifadə olunur.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin inkişaf SƏVIYYƏSİNİN üçüncü mühüm komponenti onun inkişaf sürətidir. Praktikanın tarixi tipləri bu cəhətdən mahiyyətə bir-birindən fərqlənilirlər ki, bu da öz ifadəsini fəaliyyətin inkişaf sürətinin obyektiv olaraq artmasında tapır.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin keyfiyyət tərəfi isə hər şeydən əvvəl, formasiyanın sosial-iqtisadi spesifikasiyasını, onun istehsal üsulunun, bazisinin və üstqurumunun konkret-tarixi xüsusiyyətlərini özündə əks etdirir, onunla müəyyən olunur.

Praktiki-dəyişdirici fəaliyyətin keyfiyyət tərəfinin bir əlaməti də onun nəzəri fəaliyyətlə qarşılıqlı təsirdə olmasıdır.

Sosial-siyasi praktikanın tarixən yeni tipinin yaranması və inkişafı ilə əlaqədar olaraq onun nəzəri cəhətdən əsaslandırılması və təmin edilməsi bir zərurət kimi ortaya çıxır.

Гусейнова Л. А.

Институт социально-экономических проблем
**РОЛЬ НТР В ИЗМЕНЕНИИ ХАРАКТЕРА
И СОДЕРЖАНИЯ ТРУДА**

Происходящие в нашем обществе экономические, социальные, политические и духовно-культурные преобразования являются как бы зеркальным отображением трех основных изменений:

— это, во-первых, изменения характера и содержания труда в условиях современного этапа научно-технической революции, представляющие в совокупности серьезный социально-экономический фактор, определяющий

характер направленности влияния культуры труда на трудовую активность личности. Это находит свое выражение в изменениях соотношения удельных весов преимущественно физического и преимущественно умственного, простого ручного и машинного, творческого и рутинного труда;

— во-вторых, взаимосвязь духовно-культурной и трудовой активности на современном этапе культурно-технического развития субъектов производства как существенного компонента культуры производственного труда и тенденции влияния этого процесса на трудовую активность личности;

— наконец, в-третьих, основным направлением воздействия культуры труда на трудовую активность служат процессы, определяющие социально-психологическую перестройку в производственных коллективах.

С известной долей условности можно указанные три направления изменений представить как совокупный векторный показатель эффективности влияния культуры труда на личность работника, уровень его трудовой активности. Условно, потому что кроме отмеченных нап-

равлений существует множество других, не таких существенных, но рассмотрение которых представляет предмет частных, прикладных отраслей социологического знания. Основные же направления характеризуют тенденции развития существенных сторон рассматриваемых нами процессов.

Необходимость изучения культуры труда как социального феномена тесно связана с тем, что в этом понятии отражаются, с одной стороны, исторически определенный уровень развития общественного производства и труда и, с другой – уровень развития человеческих сил и способностей, реализуемых в трудовой деятельности (знания, навыки, уровень образования и т. д.). Соответствие этих двух моментов, их диалектическое единство и определяет уровень развития культуры труда на том или ином этапе общественного развития. В связи с этим можно сказать, что от роста культуры труда работников социалистического производства на современном этапе значительно зависит успешное решение стратегической задачи революционной перестройки экономической и социальной сфер общественной жизни и личности как субъекта революционно-преобразующей деятельности. И очевидно, что в этой области функциональных взаимозависимостей производства и личности в рамках сложившейся культуры труда существуют противоречия и сложности, сущность которых недостаточно раскрыта и изучена.

В системе задач по дальнейшему развитию социальной, в том числе и трудовой активности личности, особого внимания заслуживает планомерное совершенствование объективных и субъективных сторон культуры труда в производственных коллективах. Диалектика объективного и субъективного существенным образом характеризует развитие культуры труда, которое, в свою очередь,

становится причиной становления и развития трудовой активности личности. Суть этого сложного процесса выражена в широко известном марксистском положении, согласно которому каждое новое поколение опирается на предпосылки, созданные предыдущим поколением, – «застает» в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу». ¹ И хотя, как подчеркивали классики марксизма, новое поколение не просто пассивно воспринимает эти отношения, но и «модифицирует» их, унаследованные отношения «предписывают» ему «его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» ^{2 2}. Это означает, что рост культуры труда предполагает, с одной стороны, наличия определенных объективных условий труда и производства, их модификацию и, с другой – зрелости субъективного фактора, способного всесторонне совершенствовать эти условия, т. е. творить обстоятельства в нужном для индивида направлении. Все это, в свою очередь, неразрывно связано с развитием активности субъекта трудового процесса. Таким образом, трудовая активность личности становится той точкой, где пересекаются векторы объективного и субъективного порядка, определяющие направления воздействия культуры труда на индивид в условиях конкретного производства.

Также важнейшим условием повышения трудовой активности личности является показатель существенности

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 37.

² Там же, т. 3, с. 37.

изменений в характере проявления объективных и субъективных факторов труда и эффективности отражения позитивных тенденций научно-технической революции в этом процессе.

В систему показателей трудовой активности личности входят следующие признаки (факторы): норма выработки (производительность труда); борьба за режим экономии; повышение эффективности работы и качества продукции; участие в различных формах социалистического соревнования; применение новых форм хозяйственной деятельности; повышение квалификации, рост профессионального мастерства; частота материального и морального стимулирования труда; участие в научно-техническом творчестве; отношение к труду как к моральной ценности; уровень дисциплины труда.

Итак, вышеизложенное позволяет сделать резюме, что существует тесная закономерная связь между культурой труда, его характером и содержанием, с одной стороны, и трудовой активностью личности, с другой. Однако эта связь носит сложный, противоречивый характер, характеризуется многомерностью. В условиях перестройки продолжают действовать и углубляют свое действие системы взаимосвязанных негативных социальных факторов, вызывающих целое множество противоречий и проблем, которые обостряются и, накопляясь, значительно затрудняют поиск эффективных путей их разрешения и преодоления.

Османзаде Р. М.

Кафедра философии АН Азербайджана

Оруджев Х. Г.

АГЕИ

СЕЛО НА ПУТЯХ КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Преодоление кризисного состояния общества требует радикальных изменений и в политике отношения к селу и крестьянству. Они изначально представлялись в нашей теории чем-то вторичным, производным, подчиненным неким «высшим» целям, во имя которых даже можно было пожертвовать ими самими. И – жертвовали. 70 лет истории социализма в нашей стране являют собой убедительный пример того, как во имя построения мифического «светлого будущего» была принесена в жертву этой идее вся жизнь села и сельского труженика. На село была возложена основная тяжесть расходов на проекты по социальному преобразованию общества. Тем самым была воздвигнута в ранг государственной политика обирания села, превращение его в субъекта платежа по социальным программам, в заложника всей проводимой политики. Продолжавшаяся десятилетиями эта линия в отношении к селу привела сегодня к его разрушению, утрате им своих крестьянских и нравственных традиций, ко всему тому, что мы сегодня кратко и емко называем раскрестьяниванием села. По существу сложился феномен бегства от села и из села. Но ведь от хорошей жизни не бегут. Должно было произойти что-то очень уродливое и отталкивающее на селе, чтобы от него (и из него) надо было бежать...

С селом связано сельскохозяйственное производство. Кризис села обернулся ухудшением продовольственного снабжения, резким скачком цен на продукты питания. Продовольственная программа, о которой столько

говорилось все последние годы, просто провалилась. В принципе, она была обречена на этот провал с самого начала. И это ни для кого, пожалуй, не было секретом. Для ее реализации требовалось нечто большее, чем механическое увеличение капитальных вложений в село, поставки ему техники, удобрений и т. д. Это большее связано с принципиальным изменением всего нашего отношения к селу, труду и личности сельского труженика. И только с перестройкой мы стали делать здесь первые шаги.

Какими же видятся сегодня основные направления перестройки села? Они связаны, как это понятно, с основными принципами перестроечного процесса, но имеют и свою специфику. Сельская жизнь и производство связаны с землей. Потому все преобразования на селе начинаются с отношения к земле-кормилице. Именно как кормилицу воспринимает землю крестьянин. И в этом заключен глубокий смысл. Ибо земля для крестьянина не только орудие производство. Она являет собой еще и нравственную, а значит и ценностную категорию. Через отношение к земле и труд на ней воспроизводится весь уклад сельскохозяйственной жизни... Революция ведь тоже началась с лозунга: «Землю – крестьянам!». Но затем земля и условия хозяйствования на ней попали в зависимость от государственной экономики, управляемой командно-волонтаристскими методами. Частный производитель (фермер) был уничтожен под флагом борьбы с кулачеством. Колхозы, которые должны были стать «ячейками» «коммунистического» образа жизни и труда на селе, ими, к сожалению, не стали, ибо стать ими просто не могли. Они сделались придатком существующей системы, т. е. стали одной из форм все той же государственной экономики. Но в хрестоматийных изданиях мы еще и до сих пор встречаем характеристику двух форм собственности при социализме: государственную и

колхозно-кооперативную (артельную, групповую). Как будто и в самом деле у нас была какая-то альтернатива государственной командно-административной экономике. Имеет место типичный случай подмены процессов и понятий, когда говорят об одном, а на деле существует совсем другое, когда под колхозно-кооперативной собственностью выступает не она сама, а всего лишь разновидность государственной собственности. А отсюда – уже и все остальные издержки.

Сегодня мы являемся свидетелями создания кооперативов. Это – новые кооперативы. Новые в том смысле, что они должны стать формой альтернативной экономики. Альтернативной по отношению к существующей государственной экономике. Аналогичным образом обстоит дело и с колхозами. В последнее время у нас идут горячие споры об их дальнейшей судьбе, о том, какими им быть в будущем и быть ли им вообще. Сегодня уже можно с определенностью сказать так, что колхозы нам больше не нужны как форма государственной экономики. В этом значении они уже пережили себя должны быть упразднены. Но если они на деле могут уйти от командной экономики, могут стать организациями, действующими на подлинно экономических принципах в рамках коллективного владения средствами производства и продуктом труда, то в этом своем качестве они еще могут сохранить свое существование. Но это будут уже совсем другие колхозы. Итак, вопрос о формах собственности на селе начинается с вопроса о земле, о том, быть или не быть ей в частной собственности. Если исходить из того, что это невозможно, что земля должна по-прежнему оставаться в государственной собственности, то в этом случае трудно согласовать это решение с переходом к рыночной экономике. К тому же в последнем случае не исключен рецидив командно-административного вмешательства в

сельскую жизнь и производство. В итоге можно заключить, что вопрос о собственности на землю должен решаться с учетом перехода к рыночной экономике в целом. А она не может ограничиться ни коллективной, ни общественной, а тем более государственной собственностью. Она требует включения в себя всех форм собственности, включая собственность на землю. К сожалению, не все пока это понимают. Но это понимание обязательно должно сложиться с переходом к рынку. Сам рынок есть следствие этого понимания.

С утверждением на селе всех форм собственности – от частной до общественной, от личной (фермерской) до государственной – складываются объективные предпосылки для адекватной (т. е. рыночной) организации сельскохозяйственного производства. Владелец средств производства уже сам определяет для себя, – т. е. без всякой оглядки на «вышестоящие органы», которых просто нет, – всю стратегию производства, включая наем рабочей силы, а также условия выхода на потребителя, цены и т. д. Что касается государства, то оно во всех этих процессах может и должно занять только одну позицию – позицию способствования деловой активности, понимая это как можно широко. Здесь только можно подчеркнуть защитную функцию государства по отношению к производителю. Ибо стихия рыночной экономики, наложенная на стихию природы, от которой еще и сегодня в очень сильной степени зависит сельскохозяйственное производство, в своих неблагоприятных сочетаниях может оказаться порой просто разрушительной для сельского труженика. Социальная защита со стороны государства может смягчить удар. К тому же эту защиту государство может организовать наилучшим образом, ибо оно имеет для этого в своем распоряжении все. Кстати, эту свою защиту

человека государство может распространить и на потребителя сельхозпродукции.

Во всех высокоразвитых странах в сельском хозяйстве занято, как известно, всего лишь несколько процентов самодельного населения. Они обеспечивают потребности страны и экспорт сельскохозяйственной продукции. В нашей же стране этот процент значительно выше (30–40% и более), однако мы испытываем большие трудности в производстве этой продукции. В чем причины столь низкой, просто неестественно низкой, эффективности нашего сельского хозяйства? Если указать принципиальную основу, то причины эти носят политический характер. Будучи предоставлено самому себе, т. е. без политического диктата над собой, сельскохозяйственное производство у нас в стране может быть таким же эффективным, как и в развитой западной. Поэтому выправление положения дел в этой сфере жизни и производства начинается со снятия политических оков с сельского хозяйства, с развязывания, почти в буквальном смысле, рук сельского труженика.

Понимание того, что село нуждается в коренных экономических преобразованиях, на пути которых стоит политическая реформа, настоятельно входит в сознание людей. А с ним складывается новая система духовно-нравственных ориентиров. Село больше не хочет быть ареной сомнительных социальных экспериментов с непредсказуемыми последствиями. Оно хочет жить нормальной человеческой жизнью, как это характерно для села во всем мире. Для нашего села сегодня особенно важно выбрать позицию, с которой оно могло бы развиваться в направлении к современному цивилизованному обществу. Сложность здесь и в том, что наше село, особенно в национальных регионах, зачастую оказывается застрявшим па патриархальных позициях. А ведь современное

сельскохозяйственное производство требует достаточно высокого образования, соответствующей технологии и еще много из того, что дается всей системой культуры...

В фокусе формирующейся новой системы духовно-нравственных ценностей становится уже сам человек. Теперь важным для него является не выполнение плана, пущенного сверху, а организация эффективного производства с применением самой новейшей технологии. При этом оказываются смещенными и акценты мировоззрения. Раньше мы были убеждены, что выполнение плана и есть высшая доблесть, наш долг и весь смысл человеческой жизни. Сегодня все это воспринимается иначе. Производство есть не цель, а средство достижения человеческой свободы. А смысл человека не в том, чтобы выполнять планы и стремиться к «светлому будущему», а в том, чтобы, используя блага производства, зажить нормальной и счастливой жизнью свободного человека. Для сельского человека этот тезис звучит, так сказать, вдвойне актуально. Ибо на пути его свободы сегодня еще стоят большие трудности...

II. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Cəlilov M.

ADİİ

DÜNYAGÖRÜŞ SİSTEMİNDƏ İCTİMAİ ŞÜUR FORMALARININ YERİ VƏ ROLU

1. Sovet fəlsəfə elmində dünyagörüşlə ictimai şüurun qarşılıqlı münasibəti ya çox az işlənmiş, ya da diqqətdən kənar qalmışdır. Əvvələn, ictimai şüurun elm, siyasət, hüquq, əxlaq, incəsənət, din və s. kimi formalarının dünyagörüşlə əlaqəsi qismən tədqiq olunsada, burada da birtərəflilik vardır: həmin şüur formalarının qarşılıqlı təsirinə, yəni müxtəlif dünyagörüş növlərinin şüur formalarına əks təsiri məsələlərinə çox az əhəmiyyət verilmişdir; ikincisi, bu qarşılıqlı əlaqə ancaq «sovet adamlarının ictimai şüurunda elmi-materialist dünyagörüşü hökm sürür» kimi on illərlə partiya və dövlət sənədlərində qeyd olunmuş, əslində özünü doğrultmayan tezis «əsaslandırılması» və təbliği istiqamətində tədqiq olunmuşdur; üçüncüsü, dünyagörüşün elmi-nəzəri intellektual səviyyəyə yüksəldilməsində ictimai şüur formalarının təsiri məsələləri xüsusi tədqiqat obyektı olmamışdır; dördüncüsü, hazırkı şəraitdə cəmiyyətin mənəvi həyatı, dünyagörüşü və ictimai şüurunun, bütövlükdə intellektual potensialının yenidən qurulması həyata keçirilmədən cəmiyyətin sosial-mənəvi inkişafının böhran vəziyyətindən çıxarılması mümkün deyildir. Bütün bunlar göstərir ki, hazırda dünyagörüşlə ictimai şüurun və digər mənəvi dəyərlərin qarşılıqlı münasibətinin tədqiq edilməsinə ciddi aktualıq və müasirlik kəsb edir, mühüm elmi-nəzəri və praktik əhəmiyyətə malikdir.

2. Dünyagörüş mürəkkəb, ziddiyyətli və çoxaspektli sosial-mənəvi və hissi-psixoloji fenomendir. Onun elmi, fəlsəfi, ümumbəşəri, sosial-sinfi, mənəvi, estetik, ekoloji, dini, ateist

vgə i. a. çalarları vardır. Dünyagörüş çox vaxt həmin aspektlərdən tədqiq olunmuş, ən ümumi mənada dünyagörüşün mahiyyəti, növləri, strukturu, funksiyaları az öyrənilmişdir. Xüsusilə tarixən dünyagörüşün mifoloji, dini, elmi, materialist və s. növlərinin yaranması və inkişafında.

Hazırda isə dünyakörüşün adi-gündəlik səviyyədən elmi-nəzəri səviyyəyə yüksəlməsində, intellektləşməsində bütövlükdə ictimai şüurun və onun ayrı-ayrı formalarının yeri və qarşılıqlı təsiri xüsusi tədqiq olunmamışdır. Belə bir tədqiqat olmadan isə dünyagörüşün mahiyyətini və struktur səviyyələrini aydın müəyyənləşdirmək mümkün olmazdı

3. Dünyakörüş — insanın onu əhatə edən real gerçəkliyə, yəni təbiətə və cəmiyyətə, həmçinin özünə olan münasibətini ifadə edən ümumiləşmiş elmi, fəlsəfi, mənəvi, siyasi, estetik, dini, ekoloji, ateist və s. baxış, təsəvvür və idealların məcmusudur. Deməli, dünyagörüş strukturu yekcins olan hadisə olmayıb, onun məzmununa təkcə gerçəklik haqqında materialist və idealist təsəvvürlər daxil deyildir. Dünyagörüşün məzmununda gerçəkliyə elmi münasibəti ifadə edən ideyalarla yanaşı, əxlaqi, siyasi, bədii-estetik, fəlsəfi, dini, ateist baxış və təsəvvürlər də mühüm yer tutur. Heç bir dünyagörüş növü (elmi, dini, sinfi, estetik, materialist və i. a.) belə ideya və təsəvvürlərsiz keçinə bilməz. Ona görə də, dünyagörüş problemlər sırasında həmin ideya və təsəvvürlərin daşıyıcıları olan ictimai şüur formalarının (elm, fəlsəfə, əxlaq, incəsənət, din və s.) yeri və rolu məsələsinə ciddi elmi-nəzəri və metodoloji əhəmiyyət verilmişdir.

4. Nəzəri-fəlsəfi fəaliyyətdə sosial-mənəvi münasibətlərə, dünyagörüşə ictimai şüurun hansı formasının daha güclü təsir göstərməsi probleminə həmişə ciddi əhəmiyyət verilməlidir. Qanunauyğunluq xarakteri kəsb edən belə bir müddəə əsas götürülməlidir ki, hansı ictimai şüur forması istehsal münasibətlərinə, real bazisə daha yaxındırsa, onunla «bilavasitə əlaqədardır»sa, həmin şüur forması sosial-mənəvi

münasibətlərin bütün komponentlərinə (deməli, dünyagörüş də) güclü və birbaşa təsir göstərir. Əgər həmin qanunauyğunluğu dünyagörüş tiplərinə tətbiq etsək, onda dünyagörüş sistemində belə bir inkişaf prosesinin mənzərəsi alınardı: ən qədim, ibtidai cəmiyyətdə, mifoloji dünyagörüş şəraitində sosial-mənəvi münasibətlərə daha fəal təsir göstərən ictimai şüur forması mifoloji-mənəvi şüur olmuşdur. Çünki ibtidai insan həyat tərzində, istehsal pro- sesində sirrini bilmədiyi təbiət və cəmiyyət hadisələri (xeyirli və zərri) ilə qarşılaşır, onlara əsrarəngiz münasibəq bəsləyirdi. İbtidai insan şüurunun müəyyən inkişaf səviyyəsi ilə bağlı olan dini təsəvvürlərin yaranması və inkişafı ilə insan bütün sosial, əmək və mənəvi fəaliyyətini dinlə bağladı, özünün müvəffəqiyyətini də, zəifliyini də dinlə, allahla izah etməyə bağladı. Din bütün ictimai şüur və dünyagörüş sistemində hakim mövqeyə keçdi: dini dünyagörüş formalaşdı və sosial-mənəvi həyatı (maddi prosesləri də) öz təsirinə aldı. Quldarlıq və feodalizm dövrlərində bəzən elmi və materialist dünyagörüşün tiplərinin formalaşması və özünü göstərməsinə baxmayaraq, bütövlükdə dünyagörüş və ictimai şüur dinin təsirində olmuşdur. Bu şəraitdə elmin, əxlaqın, incəsənətin, siyasətin dinlə çulğaşıq, qovuşuq nümunələri yaranır və inkişaf edirdi, «dini oxlaq», «dini siyasət», «dini mənəviyyat», «dini incəsənət» və s. həmin qarşılıqlı təsir prosesinin inikasındır. Dünyanın təbii-elmi mənzərəsinə və praktik sağlam düşüncəyə əsaslanan elmi-materialist dünyagörüş sistemində ictimai şüur formalarına elmin çox fəal təsiri özünü göstərir. Kapitalizm və xüsusilə imperializm şəraiti üçün dünyagörüşdə siyasət və elmin fəaliyyət təsiri olduqca güclənir.

5. Hazırkı yenidənqurma şəraitində, keçid ictimai münasibətləri dövründə ictimai şüur və dünyagörüş sistemində hansı ictimai şüur formasının aparıcı sosial-mənəvi həyata fəal təsiredici mövqeyə keçməsi ziddiyyətli həll olunur. Mənəvi-etik sərəvətləri ön plana çəkənlər mənəvi amilin, əxlaqın aparıcı

təsirini; idraki-intellektual cəhətlərə aludəçilik göstərənlər elmi fəal təsirin; cəmiyyətin demokratikləşməsi, iqtisadi və siyasi sisteminin təkmilləşməsi, insan hüquqları, intizam, vətəndaşlıq mülahizələrini əsas tutanlar isə siyasət və huququn aparıcı rolunu əsas götürür, ictimai şüurun digər formalarına onların güclü və fəal təsirini təbliğ edirlər. Bizcə, müasir cəmiyyətin təkmilləşdirilməsi və yenidən qurulması şəraitində, xüsusilə elmi-texniki inqilabın nailiyyətlərinin insan fəaliyyətinin bütün sahələrinə güclü təsiri və elmin bilavasitə cəmiyyətin məhsuldar qüvvələrinə çevrilməsi nəticəsində ictimai şüur sistemində (elmi materialist dünyagörüşlə də) elm daha aparıcı mövqeyə keçmiş, siyasi-iqtisadi və sosial-mənəvi proseslərin içtellektləşməsini olduqca gücləndirmişdir. Hazırda dünyagörüşün, siyasətin, əxlaqın, mənəviyyətin, iqtisadiyyatın, incəsənətin və digər ictimai şüur formalarının elmin təsirində qnoseoloji imkanları artmış, onların məzmunu əsaslı qaydada elmiləşmiş, dünyagörüş daha çox elmi-intellektual məzmun kəsb etmişdir.

Саттаров Р. М.
БГУ им. М. Э Расулзаде
О ПРИРОДЕ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Сегодня много говорят и пишут о необходимости нового мышления. Понятие, обозначаемое термином «новое мышление», проникло и утвердилось в понятийном аппарате многих общественных, наук, особенно социально-философских и политологических исследований, тот термин также часто фигурирует в политических документах последнего времени, публицистике, трудах и публичных выступлениях политических деятелей различного ранга. При этом к «новому мышлению» апеллируют с самых разных платформ и позиций, зачастую прямо противоположных. Ясно, что это связано с тем, что используя термин «новое мышление» далеко не всегда вкладывают в него один и тот же смысл. Почему же дело обстоит таким образом? Во-первых, неоднозначность смысла понятия «новое мышление» (как и многих других) объясняется тем, что оно, включаясь в различные политико-идеологические контексты, неизбежно испытывает их воздействие. Вкладываемый идеологами и лидерами в данное понятие смысл оказывается тем самым в существенной зависимости от интересов представляемых ими общественных сил. Во-вторых, сам термин «новое мышление» не указывает на какие-либо конкретные черты, присущие обозначаемому им виду (типу) мышления, а лишь противопоставляет его «старому мышлению».

В научной литературе последнего времени новое мышление, сознание рассматриваются по преимуществу и тех или иных видовых проявлениях. Немало работ посвящено проблемам нового экономического и политического мышления. Поднимаются также вопросы фор-

мирования нового философского, социологического, правового, исторического и т.д. мышления. При этом за частую сущность нового в конкретной сфере социального мышления сводится к одной или нескольким конкретным идеям. Так, к примеру, многие авторы усматривают сущность нового политического мышления в признании приоритета общечеловеческих интересов над классовыми, национальными, групповыми и др. Разумеется, нельзя отрицать важности изучения изменений, происходящих в различных областях социального мышления, хотя бы потому, что такое изучение является не обходимым этапом в приближении нашего познания к раскрытию основных черт современного социального мышления. Однако ясно, что данный уровень анализа недостаточен для раскрытия сущности нового мышления как целостного феномена.

Существует также мнение, согласно которому суть новизны мышления в его диалектическом характере, реализме в подходе к современной действительности. На наш взгляд, здесь подмечены действительно важные и необходимые свойства нового мышления. Однако данные гносеологические свойства не составляют социальную природу, а следовательно, сущность нового мышления. Диалектичность и реализм — свойства, которые сами должны быть объяснены из социальной сущности рассматриваемого явления.

Наконец, нельзя согласиться с теми авторами, которые трактуют новое мышление как систему взглядов разновидность современной идеологии, обновленный марксизм. Неправомерность такого подхода очевидна, если учесть различие между мышлением как умственной деятельностью и его продуктами. Хотя новое социальное мышление может реализовываться (более или менее полно) в различных системах взглядов (философских, экономических, политических и др.), все-таки само оно не

есть одна из таких систем или их совокупность. По той же причине неверно сводить сущность нового мышления к отдельным идеям, положениям, включаемым в содержание какой-либо системы взглядов.

Понятие «новое мышление» фиксирует, на наш взгляд, определенное качество или способ социального мышления, историческую форму осознания общественными индивидами своего бытия. В чем же сущность нового мышления? Отвечая на этот вопрос, необходимо прежде всего исходить из факта объективной детерминации формы мышления, мыслительной деятельности условиями и особенностями практической деятельности людей. Конечно, поскольку развитию мышления свойственна историческая преемственность, постольку оно может и должно быть рассмотрено в связи со своими предшествующими состояниями. Однако такой подход при всех своих достоинствах и возможностях не позволяет раскрыть природу, самые глубокие корни качественных преобразований в способах социального мышления тем самым понять сущность формирующейся в новых условиях новой исторической формы осмысления социального бытия. Более того, если не принимается во внимание обусловленность развития мышления, сознания коренными изменениями в материальных основах практики, то возникает опасность, с одной стороны, — ошибочно принять за продукты нового мышления идеи, теории и так далее, которые являющиеся новыми лишь в сравнении с существовавшими до них, но по существу, не являющиеся результатами действительно нового, по своему качеству, способа социального мышления, а с другой стороны, — не увидеть в продуктах мыслительной деятельности предшествующих поколений того, что является проявлением более прогрессивного, в сравнении с господствовавшим, способа мышления, объявить

мышление всех предшественников старым, и только свое — новым.

В связи с этим следует подчеркнуть, что новое мышление выступает таковым по отношению к старому вовсе не потому, что следует за ним во времени. Если бы что было так, то вообще не существовало бы проблемы перехода к новому мышлению, ибо всякое последующее мышление заведомо являлось бы новым по отношению к предшествующему. Столь же ошибочно считать те или иные духовные образования продуктами старого мышления на том лишь основании, что они возникли и существовали в прежнее время. В действительности же в духовно-идеологической жизни общества всегда сосуществуют различные исторические формы, способы социального мышления, которые хотя и находятся в определенных взаимоотношениях и связях между собой, тем не менее существенно различаются по своей природе, по уходящим в социальную практику корням. Это вполне естественно, поскольку само общественное бытие людей неоднородно, детерминирует различные способы и формы практической деятельности и мышления.

Распространение и активизация новых форм, способов мышления выступают, как правило, результатом возникновения и обострения новых противоречий бытия и необходимости их разрешения. Причем, сами эти противоречия суть конкретно-исторические формы проявления диалектики развивающихся потенций человека и общественных отношений, структур, составляющих социальные условия их реализации. Именно это обстоятельство обуславливает в конечном счете историческую преемственность и связь способов социального мышления людей.

Ведущие тенденции изменений в жизни многих современных обществ, особенно идущих в авангарде мирового

развития, связаны с таким уровнем развития человека, его производительных и духовных сил, КОТОРЫЙ сделал необходимым и возможным практическое решение проблемы устранения существующих форм социального отчуждения и установления таких структур и отношений, при которых он из объекта и средства социальной деятельности превращается в ее субъект и цель. В процессы гуманизации, преодоления отчуждения вовлекается сегодня все более широкий спектр общественных отношений — экономических, политических, между народными и других, хотя данная тенденция по-разному и в неодинаковой степени проявляется в различных регионах и сферах бытия, нередко вообще терпит поражение и уступает место явлениям прямо противоположным.

Отмеченная доминанта современной ориентации развития внутренне противоречивого общественного бытия людей есть наиболее глубокая основа нового способ? социального мышления, способа, противопоставляющего себя всякого рода формам отчужденного социального мышления, сознания, которые, впрочем, также практически обусловлены и, следовательно, могут быть устранены только в результате соответствующих практических преобразований во всех сферах общественной жизни народов и их взаимоотношениях.

Вырастая из внутренне противоречивой диалектики общественного бытия, новое мышление выступает, в то же время, средством разрешения его фундаментальное противоречия в социально-преобразующей деятельности человека. Эту задачу новое мышление выполняет, порождая духовные феномены, ориентирующие практическую деятельность на преодоление социальных условий, общественных структур и отношений (экономических, политических и др.), препятствующих реализации потенциалов современного человека, и

утверждение новых общественных форм, соответствующих уровню и мощи его сил.

Продукты нового мышления разнообразны, как разнообразны сами мыслящие по-новому индивиды и условия их мыслительной деятельности. Тем не менее за этим разнообразием продуктов кроется исторически определенный способ их производства. «Новое мышление» может и должно быть рационально понято как деятельность, преобразующая в соответствии со своим высшим принципом все области социального знания.

Османзаде Р. М.

Кафедра философии АН Азербайджана

ИМПЕРАТИВЫ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

(на примере отношения экономики и политики)

Новое мышление никак не сводится к новому политическому мышлению, но включает его в себя в качестве одного из своих элементов. В то же время в соответствии с ролью политики в жизни общества новое политическое мышление составляет ядро всего нового мышления. Эта диалектика элемента и принципа, с которым политическое мышление входит в состав нового мышления, определяет собой весь строй (характер) мышления, черты и функции как самого политического мышления, так и всего нового мышления в целом.

В этом смысле любые изменения в сфере мышления (II практики) начинаются с видоизменения характера политического мышления как высшей духовной формы управленческого принципа. Думать так, что, не меняя I блика политического мышления можно что-то изменить и той или иной социальной сфере, значит сознательно I и по неведению вводить себя в заблуждение. Потому и изменения в любой социальной сфере не могут начаться раньше соответствующих изменений в политическом мышлении. Ибо это мышление все равно не позволит развернуть потенцию любой данной сферы в каком-то ином направлении так, чтобы это стало противоречить его принципам. В этом мы могли неоднократно убедиться в своей истории, включая и период перестройки.

Новое мышление должно стать фактором, опережающим социальную практику. Ведь эффективной эта практика может быть только в случае, когда она руководствуется «идеальным планом» нового мышления. В любом другом случае она становится деятельностью,

осуществляемой вслепую. Потому всемерное развитие нового мышления, концептуальная разработка с его позиций всей совокупности современных проблем и есть как раз тот путь, с которого начинается и делается успешной практика реформ.

В самом новом мышлении выделяются две тенденции. В одном случае оно исследует процессы, которые идут в его собственной сфере под влиянием требования обновления жизни, утверждения в ней принципов демократии, гуманизма, свободы. Речь идет о поиске собственных путей развития для каждой отдельной духовной формы в современных условиях на почве осмысления ею себя, своих принципов, критериев, ценностей, своей истории. Это формирование самосознания (самопознания) духа на этапе современной истории с его проблемами и трудностями и возможными путями их разрешения. В этой деятельности духа участвуют все, до единой, его формы — наука, искусство, религия, философия и др., а также такие его интегральные образования, как духовная культура, духовная деятельность, духовные ценности и т. д.

Вторая тенденция связана с осмыслением существующей системы объективных форм, процессов, отношений. Эта деятельность сознания носит, по преимуществу, теоретический характер. Особое значение в этом плане имеет осмысление в категориях нового мышления таких социальных процессов, форм объективного бытия, деятельности, общественных отношений и сфер жизни, как экономика и политика. Их отношение лежит в основе всех остальных форм жизни, определяя собой их основные тенденции существования и развития.

Отношение между экономикой и политикой определяется известным положением о решающей роли производства в жизни общества и зависимости от него всех остальных форм жизни (политики, права, морали и др.). Но

с завоеванием власти большевиками и переходом «к строительству» «светлого будущего» отношение между экономикой и политикой переворачивается прямо на обратное. Провозглашается принцип первичности политики по отношению к экономике. Основанием для этого I представления об историческом процессе, в соответствии с которыми считалось, что буржуазное общество есть царство хаоса, произвола, стихии и т. д., а социалистическое общество — царство порядка, планомерности разума и т.д. В соответствии с этими представлениями думали так, что первичный характер экономики в буржуазном обществе прокладывает себя неосознанным, стихийным и разрушительным образом. В условиях же сознательно осуществляемого исторического проса, каким тогда виделось строительство социалистического общества, экономика должна была подчиниться пашам научно осуществляемой политики¹. В

¹ Свободная, развивающаяся по рыночному механизму экономика и по сей день несет в себе определенную стихию. В то же время она является и управляемым процессом, тенденции ее развития просматриваются достаточно отчетливым образом. Оценка рыночной экономики (в обозначении ее как капиталистической) как стихийного, нерегулируемого и разрушительного процесса, на смену которому идет сознательно регулируемая и по научному плану осуществляемая социалистическая экономика, основывалась на тех ее фирмах, которые были присущи ей на ранних этапах ее истории. В этих условиях исторически начальное и преходящее было принято за проявление сущностного. Регулирование рыночной экономики отменялось с порога как нечто принципиально невозможное, а сознательное осуществление исторического процесса во всех его формах и, вносилось на деятельность в социалистическом обществе. То есть альтернативой рыночной экономике признавались не ее собственные формы, более развитые и совершенные по отношению к тем, «что ноли к кризисам», — такая альтернатива виделась в социалистической экономике с ее централизованно- командным механизмом функционирования. Такой

этом смысле политика и была поставлена над экономикой. Но такая политика могла иметь только одно направление воздействия на экономику — в соответствии с ее (экономики) собственной логикой и закономерностью. Вот этого-то как раз и не произошло. Не произошло по той простой причине, что в самой жизни не утвердилась практика, основывающаяся на объективных законах исторического развития. А ее место заняла деятельность по механизму субъективного произвола и волюнтаризма. На это были свои причины.¹

В этих условиях свелось к прямолинейно-однозначной интерпретации и содержанию (понимание) тезиса в первенстве политики над экономикой. Он просто стал означать диктат политики над экономикой. Так начался произвол политики над экономикой, выдаваемый за «высшее достижение научной мысли». Экономика была поставлена в условия, когда она должна была делать только то, что велела ей политика, каждый раз ссылавшаяся на какие-то «высшие» интересы. Провалы в экономике списывались за счет самой же экономики или «происка врагов народа». Так из экономики были вытеснены экономические рычаги и механизмы, она стала управляться политическими и моральными соображениями. А так как политика была лишена объективного (научного) содержания, а мораль — общечеловеческого, то их совместное влияние на экономику могло носить только негативный характер. Это влияние, осуществляемое на протяжении десятилетий, совершенно естественным образом привело к тому кризису, который мы сегодня переживаем.

подход, вошедший в сознание, теорию и практику, стал одним из самых значительных заблуждений в данном вопросе.

¹ См.: Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989.

Каковы же здесь императивы нового мышления? В экономике — это, в первую очередь, адекватное времени разрешение вопроса о формах собственности и характере (механизме) экономической деятельности в целом. Но для этого надо сделать еще шаг по преодолению сложившихся стереотипов. В хрестоматийно-глянцевом изложении нам долгие годы внушалась мысль о существовании в СССР двух форм собственности: общенародной и групповой, колхозно-кооперативной (артельной и т. д.). На самом же деле ни одна из них уже давно не существует в адекватном социализму виде. Общественная собственность огосударствлена и поставлена на службу интересам командной экономики и стоящих за ними аппарата управления (власти) и самого государства. Колхозно-кооперативная собственность превращена в простой придаток огосударственной общественной собственности.

Но и это еще не все. У нас в стране сложилась теневая экономика. Это мощный и хорошо отлаженный механизм, имеющий своих представителей (лобби) в органах власти всех уровней. Масштабы теневой экономики и ее деятельность сегодня таковы, что с ней уже не считаться нельзя. Но мы по-прежнему планируем свои социальные и экономические акции без учета этого фактора. А потом удивляемся тому, что они оказываются неэффективными. Потому ни один такой план нельзя считать уже серьезным, на каком бы уровне он ни предлагался, без учета фактора теневой экономики. Но как учесть этот фактор, если он нигде не признан? А если признать, то как быть тогда с существующим экономическим механизмом? Ведь он задуман без элемента теневой экономики? Встают здесь и другие вопросы.

Теневая экономика представляет собой экономический механизм, основывающийся на наемном труде и рыночных

отношениях. Выходит, в нашей экономике, а значит и жизни, есть некий фрагмент совсем другого общества, от которого мы пытались уйти еще более чем семь десятилетий тому назад?..

В итоге в нашей экономике сегодня сталкиваются две тенденции — командная экономика (действующая в интересах управленческого клана и государства) и экономика теневая. В целом ряде случаев они уже вошли и контакт, поделив между собой сферы влияния и создав механизм защиты интересов. Беззащитным остался только народ. Он остался между двумя экономическими жерновами. Труд, даже самый высокооплачиваемый, уже перестал кормить. Рост цен, инфляция, дефицит товаров буквально превратили зарплату в ничто. А это уже есть самый настоящий кризис, когда каждый должен думать о своем спасении.

В этих условиях люди, ничего другого, кроме способности к труду не имеющие, начинают очень серьезно задумываться над тем, как им быть в дальнейшем? И делают такой вывод, что им остается один путь: примкнуть к одной из действующих в экономике сил — к государственной либо теневой экономике (к государственной — в смысле вхождения в аппарат управления, пользующийся благами по механизму их аппаратного распределения)- Первый путь является ограниченным. Зато возможности второго достаточно широки. Но что в таком случае остается от правового государства? Можно ли всерьез говорить об этом государстве, если в основаниях его действуют силы, не учтенные законодательно (конституционно)?..

Если с этих позиций вернуться к вопросу о формах собственности и экономической деятельности, то единственным решением проблемы остается открыть простор всем действующим в экономике силам, допустить

функционированию все формы собственности и возможные с ними экономические отношения и механизмы. С этим заключение об эффективности экономической формы выносится из административно-кабинетной сферы и переносится на рынок, т. е. эффективной и жизнеспособной признается та форма, которая побеждает на рынке. Рынок есть тот механизм, который адекватно «аттестует» всю экономику в условиях ее свободного функционирования, т.е. функционирования по своим собственным законам. Ничего другого, кроме рынка, в этом вопросе до сих пор не изобретено, хотя к этому «изобретательству» была подключена вся мощь человеческой истории. К сожалению, в нашей идеологии и общественном сознании утвердилось глубоко негативное отношение к рынку. Было сделано все, чтобы дискредитировать саму идею свободной рыночной экономики. Это надо было и для того, чтобы ликвидировать все другие возможные здесь альтернативы, превратить командную экономику в единственную форму экономической деятельности. Но сегодня все эти доводы против рыночной экономики потеряли свою убедительность.¹ Взят, наконец, курс на нормальную, т. е. рыночную, экономику. Правда, с такой оговоркой, что это «регулируемый» рынок. Не скрывается ли за этим стремление в завуалированной форме командовать экономикой? Рынок этого, естественно, не потерпит.

С переходом к рыночной экономике, вместе с этим процессом, а, точнее, даже опережая его, начинает утверждаться и плюрализм политический. Отказ КПСС от руководящей роли в обществе, от монополии на власть,

¹ Лекторский В., главный редактор журнала «Вопросы философии», подчеркнул в интервью, что «продолжительное время у нас считалось, что рынок – это специфически капиталистический способ развития экономики, а правовое государство – буржуазная идея...» (Правда, 1989, 30 декабря)

ориентация на демократию, гласность и свободу создают впервые за 70 лет новую политическую ситуацию в нашей стране. Но пока дальше самого провозглашения новых принципов дело не пошло. Нужен правовой и социальный механизм осуществления реального политического плюрализма, возвращения власти и свободы народу и каждому отдельному члену общества, отобранных у них вождем и всей системой командного социализма. Думается, что это время уже не за горами. Мы на пороге новой эры, которая начинается в нашей политической истории...

Панченко О. Г.
ЦИУУ (г. Москва)
**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ**

Современная политическая культура представляет собой явление, в основе формирования которого лежат процессы, вошедшие в нашу жизнь с перестройкой, обновлением социализма и всей системы нашего мировоззрения, идеологии. Эти процессы в сути своей обусловлены курсом на демократизацию общественной жизни, политический плюрализм, гласность. Осознание необходимости перемен, связанных с ними, формирует соответствующий им способ мышления, входящий в нашу практику в понятии «нового мышления». В итоге политическая культура ориентируется на это мышление, которое, и свою очередь, является порождением идущих в обществе, его политической сфере обновленческих процессов.

Процессы эти — новое явление в нашей жизни. С ними мы вступаем в современную цивилизацию. В этом смысле можно сказать и так, что новое политическое мышление имеет своей целью создать концептуальную политическую модель жизни, адекватную современной цивилизации, модель, которая могла бы естественным образом вписаться в эту цивилизацию. В этом же плане современная политическая культура представляет собой такой способ организации политической деятельности, функционирования политических институтов, механизмов, систем и процессов, который позволяет всем им встать на уровень форм, характерных для современной цивилизации с ее весьма развитой в демократическом плане политической культурой, базирующейся на общечеловеческих и гуманистических ценностях. Поскольку мы только начинаем приобщаться к современной политической

культуре, для нас просто неизбежны издержки, с которыми мы, собственно, и сталкиваемся в нашей повседневной практической жизни. Наиболее рельефно это проявляется в политических дискуссиях, в печати, парламенте. Особенно же остро уровень политической культуры дает знать о себе в межнациональных отношениях. Сложность здесь состоит и в том, что эти отношения были деформированы и сама эта деформация порой зашла достаточно глубоко. В этом плане достижение цивилизованного уровня в межнациональных отношениях связано, прежде всего, с решением целого комплекса вопросов, связанных с восстановлением поправных прав народов. Аналогичная картина наблюдается и в межгосударственных отношениях в связи с вопросом о дальнейшей судьбе Союза.

Еще один аспект в политической культуре следует выделить особо. Это даже не «аспект», а нечто большее. Речь идет об экономической основе общественной жизни. Если экономика есть нечто первичное в жизни, то таковой она остается и в отношении к политике. В данном случае это значит, что современная политическая культура и современная культура экономики оказываются понятиями, неотделимыми друг от друга. Говоря иначе, для достижения высоты современной политической культуры требуется адекватная ей культура экономических отношений, которая формируется путем периода от командной экономики к рыночной.

Такое понимание современного характера политических процессов должно найти себя, как это естественно предположить, и в практике преподавания. Если взять здесь всего две формы — вуз и послевузовское повышение квалификации, то и формы преподавания здесь сообразны задачам преподавания. Но в любом случае принципом преподавания остается принцип творческого критического и осмысленного обучения. Имело бы смысл

ориентироваться и на принцип свободы выбора изучаемых дисциплин (разумеется, в пределах данной учебной программы), а также форм аттестаций знания со стороны обучаемых. В свою очередь и преподаватель должен быть свободен в предложении и трактовке материала. На этих путях одномерное обучение, характерное для всей прошлой эпохи социализма, трансформируется в многомерное, «объемное», что вполне отвечает духу перемен. В итоге в аудитории не только формируется современная теория политической культуры, но и присущий ей способ политического мышления. Достигается это методами самого же нового мышления, явившего себя в сфере образования.

Hyseynov Q. İ.
Ç. İldırım adına AzPİ
DİSKUSSIYA MƏDƏNİYYƏTİ

Həyata keçirilən demokratikləşmə prosesləri ictimai həyatın bütün sahələrinə dair diskussiyaların, canlı fikir mübadiləsinin, tənqid və özünütənqidin, aşkarlığın geniş tətbiqini zəruri etmişdir. Rəylərin, mylahizələrin, emosiyaların bu müxtəlifliyi görünməmiş miqyasda və ən ayrı-ayrı formalarda, ilk əvvəl isə diskussiya formasında öz ifadəsini tapır.

Bu vəziyyət sağlam və mütərəqqi fikrin, baxışın tələbəsi üçün mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Doğrudan da fikri açıq demək, başqasının rəyini öyrənmək, onları müqayisə etmək, həqiqət axtarışları aparmaq, problemlərə ictimaiyyətin diqqətini cəlb etmək baxımından çox mühüm əhəmiyyətə malikdir.

Diskussiya sadəcə olaraq müxtəlif fikirlərin toqquşması deyil, o, adamların biliyinin və dünyagörüşünün artması, onlarda intellektual səviyyənin və yaradıcı təfəkkürün inkişafı üçün əsas şərtlərdəndir. Bu isə adamlarda inam yaratmağın ən gözəl üsuludur. Diskussiya zamanı adamlar siyasi cəhətdən yetkinləşir, onlarda rəngarəng siyasi baxışlar şəraitində sağlam və mütərəqqi fikir yürütmək qabiliyyəti formalaşır. Diskussiya aparmaq, dəlillərlə adamları öz mövqeyinə inandırmaq bacarığı hər bir adamın mühüm intellektual keyfiyyətlərindən biridir.

Diskussiya mədəniyyəti anlayışına təxmini olaraq aşağıdakı cəhətlər daxildir.

Birincisi, hər bir diskussiyanın kifayət qədər əsası olmalıdır, yəni diskussiyalar elə mühüm problemlər ətrafında aparılmalıdır ki, o, cəmiyyət həyatının ümdə niyyətlərini özündə birləşdirmiş olsun, keçici hisslərə, bayağı əhvali-ruhiyyələrə xidmət etməsin.

İkincisi, diskussiyalar məntiqi qanunlara uyğun olaraq aparılmalıdır. Belə ki, diskussiyanın hansı obyektə yönəldiyi ilkin olaraq aydınlaşdırılmalı, tərəflər arasında aparılan polemikanın ümumi məğzi müəyyənləşdirilməlidir. Yəni

təfəkkür ziddiyyətləri doğura biləcək söhbətlər diskussiyaların ümumi predmetini təşkil edə bilməz. Üçüncüsü, diskussiya səlahiyyətli səviyyələrdə aparıldıqda lazımı səmərə verə bilər. Yüksək intellektual hazırlıq səviyyəsinə malik adamlar, ağıldan kəm, yarımçıq və nadanın diskussiyası çətin ki, alınsın və konsensusa aparıb çıxarsın.

Dördüncüsü, diskussiya aparan tərəflərin ümumi mədəni səviyyələri arasında da yaxınlıq olması mühüm əhəmiyyətə malikdir. Cahil və tərbiyədən kəsad tərəf — müqabil sivilizasiyalı diskussiyalar üçün əlbət ki, yaraya bilməz. Əksinə, beləli diskussiyaları mənasız hay-küyə və ixtilafli qarşıdurmaya çevirirlər.

Beşinci, diskussiyalar ümumi əxlaq normaları çərçivəsində aparılmalı, ədəb və nəzakət qaydaları, böyük-küçük, qadın-küçük münasibətləri hökmən nəzərə alınmalıdır. Əks təqdirdə, diskussiya deyil, söyüş və qarşılıqlı təhdid atmosferi yarana bilər.

Bütün bunlar təsdiq edir ki, diskussiya şəraitində, hər şeydən əvvəl, bir-birimizə hörmət bəsləməliyik, emosiyalara yol verməməliyik, tənqidi dinləməyi bacarmalıyıq.

Bu gün ictimai həyatımız siyasi təlatümlü dənizi xatırladır. Rəylərin və fikirlərin hədsiz geniş palitrası, ictimai-siyasi həyatın dinamik inkişafı ilə bərabər, emosiyaların və hislərin baş alıb getməsi halları, ifrat tələbkərlilik platformasından hər şeyin üzərindən xətt çəkmək cəhdlərilə də rastlaşırıq. Belə adamlar öz fikirlərini həqiqətə yeganə meyar kimi təqdim etməyə səy göstərir, başqalarının, xüsusən də, tərəf müqabilinin fikirlərinə məhəl qoymaq istəmir. Çox zaman impulsiv, çılğın emosiyaların təsiri altında yaranan və kortəbii instinkt səviyyəsində olan belə mövqelər ictimai abu-havanı, ümumi əhvali-ruhiyyəni korlayır, mənasız diskussiyaların, həm də məsuliyyətsiz qara-qışqırıqların səbəbinə çevrilir. Təəssüflə qeyd etmək lazım gəlir ki, bu cür çıxışlara nəinki adi auditoriyalarda, hətta parlamentin sessiyalarında da rast gəlmək

olur. Bu isə daha təhlükəlidir. Çünki onun xoşagəlməz nümunəsi televiziya vasitəsilə geniş kütlələrə sirayət edir.

Diskussiya və polemikanın şəxsi hisslərə, şəxsi niyyətlərə, xudbin məqsədlərə tabe edilməsi də acınacaqlı nəticələrə aparır. Belə ki, şəxsi haqq-hesabın çürüdülməsi, qisas alınması yeganə məqsədə çevrilir. Belə bir vəziyyət mənəvi-psixoloji iqlimi sarsıtmaqla yanaşı ictimai fikri də azdırır, həqiqət axtarışı yollarını xeyli çətinləşdirir.

Diskussiya mədəniyyətinin formalaşdırılması köhnə stereotiplərdən xüsusən də «mənəm-məcəmlik» psixologiyasından cəsarətlə azad olmağı, bütün problemlərin müzakirəsi zamanı yekənə həqiqəti tapmaq xatirinə qarşılıqlı hörmət və məhəbbət psixologiyası ilə hərəkət etməyi tələb edir. Belə bir davranış şüurəti müasir ictimai-siyasi prosesləri, mənəvi iqlimi tənzimləməyə geniş imkanlar açır. Bunu son dövrün ağır hadisələri bir daha təsdiq etdi. Yalnız siyasi davranış mədəniyyətinə yiyələnməklə, emosiya və hisslərin deyil, ağıl və zəkanın hökmü ilə hərəkət etməklə həqiqətin köklərinə çatmaq, auditoriyada, tərəf mübaqilində əsl inam yaratmaq olar.

Османзаде Р. М.

Кафедра философии АН Азербайджана

Даизаде Х. М.

АзЭ

ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Важной составной частью нового мышления является историческое сознание (в данном случае мы выделяем только его научно-теоретическую составляющую). Но и новое мышление существующее историческое сознание пойти не может. Сюда входит его обновленная форма.

Приглаживаемая десятилетиями история была превращена в «служанку» идеологии и пропаганды (этой участи подверглись, впрочем, и все другие общественные дисциплины, входящие в круг «официальной науки»). Она утратила научность и выродилась в апологию. Целью ее стало «историческое обоснование» решений власти, какими бы протвиеостественными и абсурдными они ни были сами по себе (одна только коллективизация чего стоила, которую надо было истории, вместе с другими науками, вплоть до философии и политэкономии, а также вкупе с искусством, оправдать и преподнести как «историческое свершение»). Движимая этими целями, история не останавливалась даже перед прямой фальсификацией фактического содержания исторического процесса и объективной логики его развития. Все это в итоге и привело к тому разрушительному состоянию исторической науки, которое мы сегодня имеем.¹

«Отец народов» хорошо понимал роль исторического фактора в проведении своей политики. Потому он держал

¹ См.: Иного не дано. Судьбы перестройки: глядявываясь в прошлое, возвращение к будущему. – М., 1988; Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма, – М., 1989 и др.

его постоянно в поле своего зрения, проявляя поистине «отеческую» заботу о том, чтобы история развивалась «в правильном (читай — угодном) направлении». Произвольно перебирая факты истории, выдвигая на первый план одни из них и убирая с поля зрения другие, постоянно тасуя их, как карты в колоде, и всегда вытаскивая из этой колоды нужную для себя карту, чему мог позавидовать даже цирковой фокусник, сталинизм манипулировал историей, как хотел. И делал это как в части построения фактического содержания истории, так и в интерпретации ее смысла. Цели всего этого манипуляторства сводились к тому, чтобы еще раз показать «мудрость» вождя, возвеличить его как «гениального» теоретика и практика, подвести людей к мысли о том, что вождь — и только он один — в состоянии решить те задачи, которые выдвинули на передний план научная теория и практика жизни. Одновременно с этим закладывалась и мысль о том, что ход решения этих задач, как в теории, так и на практике, естественным образом вытекает из идеологии марксизма-ленинизма. Так сталинизм перебрасывал мост от себя ко всей прошлой истории. Пытаясь представить себя «продолжателем традиций», сталинизм навязывал нам и свое понимание будущей истории. Он как бы программировал нашу жизнь еще и на многие годы и десятилетия вперед. Это тоже трагическая сторона нашего исторического сознания.

Уровень падения нравов в истории, науке, духовной жизни и культуре в целом можно видеть на примере «Краткого курса истории ВКП (б)». Кстати, внимание Сталина к этому «Курсу», его тщательная редакция им наглядно демонстрируют ту роль, которую он придавал историческому фактору. «Курс» должен был замаскировать двойственную сущность сталинизма — между тем, чем он был на самом деле, и чем хотел казаться. Он должен был

придать новый смысл всей истории большевизма как находящего свое завершение и итог в личности вождя и предложенных им решениях. Тем самым он превращался в своего рода рекламу режима. Но и это еще не все. «Краткий курс» взял на себя функции теоретического руководства к жизни. По его положениям строилось отношение к науке, искусству, культуре, вырабатывались соответствующие критерии. На их основе разворачивалась практическая деятельность во всей социальной сфере (экономика, политика, мораль, право и др.). Воистину, не «краткий» курс, а самая настоящая энциклопедия жизни! Своего рода монстр псевдонауки, который своим безмерным величием и каноническими формулами должен был подавить живую человеческую мысль, сведя ее к догматике «Курса», сделать ничтожным самого человека перед мнимым и неестественным величием стоящего вне критики циклопического сооружения псевдотеории. На какой-то период этого удалось добиться. Но праздновать победу еще рано. И сегодня ух «Краткого курса» витает над нами, он не выветрился и.) нашего сознания до конца.

Этот лицемерный принцип построения истории путем подбора нужных фактов и выстраивания их в требуемый ряд, с помощью которого создавался требуемый концепт исторического бытия и исторического сознания, пережил сталинизм и перешел в последующую эпоху. Из истории убрали лишь самое одиозное, оставив практически неизменным механизм формирования исторического сознания, его методологию, а также «услужнические» функции. Потому назначение истории, как и прежде, виделось в том, чтобы доказывать «объективный» характер происхождения социально-исторических доктрин и решений аппарата власти. Понятно, что при этих условиях трудно говорить о возврате истории в лоно научного сознания. Выправление положения начинается здесь с

внесения изменений практически во все элементы исторического сознания.

И это должно начаться уже с уровня фактографии (объектами исследования которой являются исторический документ, текст, материальный предмет, материальный или духовный памятник и т.д.). Тенденции сокрытия и произвольного трактования фактов должна быть противопоставлена тенденция их полного и объективного представления в историческом сознании. Должен войти в научный обиход материал, десятилетиями пролежавший в спецхранах и только в наше время, в связи с перестройкой, сделавшийся достоянием гласности. С этим процессом связано и то, что мы называем ликвидацией «белых пятен» в нашей истории. Но здесь есть еще один момент. Одни и те же факты социальной жизни используют ведь разные формы познания. Каждый такой факт привносит что-то новое в целый ряд духовных сфер. Потому открытие новых фактов благотворно влияет на всю систему общественных наук.

Факты истории могут стать объектами исследования как сами по себе, так и в связи с необходимостью построения целостного образа истории, рассматриваемого в том или ином своем воплощении (конкретном проявлении). Но в обоих этих случаях не уйти от необходимости поставить вопрос о смысле истории, ее концептуальной идее, о той логике, которая лежит в ее основаниях и которой она следует с необходимостью. Но это уже не вый аспект исторического сознания, аспект формирования концептуального принципа. Определенное значение здесь, безусловно, принадлежит фактическому материалу. Но только — определенное. Формированию концептуальной идеи истории способствуют и свои собственные предпосылки. Именно по этой причине складывается такое положение вещей, когда один и тот же фактический

материал обслуживает разные концептуальные идеи истории и когда разные такие идеи могут основываться на одном и том же фактическом материале, апеллировать к нему в целях доказательства своей жизненности, К сожалению, этот момент не всегда оценивается должным образом.

Таким образом, можно сказать так, что фактография и описание истории в форме «идеи» (принципа), соединяясь друг с другом, образуют собой то, что мы могли бы назвать «картиной» истории или просто «историей» (как учением об объективном историческом процессе) Они нужны как друг для друга, так и для «третьего», в роли которого, собственно, и выступает эта «картина» (история). В этом плане можно сказать и так, что рассматриваемые сами по себе «фактография» и концептуальное содержание истории (т. е. ее содержание в значении принципа) выступают как абстрактные моменты исторического сознания, как формы целостного мышления о мире. Истинным значением обладает только их синтетическое единство. Но оно уже есть нечто неразложимое, есть сама история как «схваченная в мыслях» действительность. Тогда понятие «разложимости» истории на отмеченные ее составляющие, которые формируются как содержание мышления, есть процесс чисто теоретический.

Если от этих методологических рассуждений перейти теперь к вопросу о том, каковы конкретные задачи, стоящие сегодня перед историей как наукой, то в ответе на него надо исходить из приоритетов нового мышления. В этом плане выдвигаются на первый план две фундаментальные задачи. Одной из них является идея социализма коммунизма). Прошедшие 70 лет нашей истории дают, как нам кажется, достаточный фактический материал для того, чтобы судить о том, что есть социализм. В этом плане мы имеем очевидные преимущества перед всеми социалистическими

мыслителями, которые лишь теоретизировали о социализме, но в нем самом не жили ни дня. Мы в нем прожили десятилетия. И у нас есть историческое и моральное право судить об этой системе. К тому же практика ведь выше теоретического сознания, которую оно в себя еще и известным образом включает. И в этом плане у нас есть преимущество перед социалистическими мыслителями. Если даже нам скажут, что мы жили совсем не в том социализме, о котором они говорили, то и в этом случае мы не можем поступиться своим опытом. А то ведь нам обещали скорее «светлое будущее». И будущего этого не построили, и свою жизнь принесли неизвестно в жертву кому или чему. Можем ли мы после этого не учитывать опыт истории? А носителем этого опыта и является историческое сознание. Этот опыт, кроме всего прочего, со всей наглядностью продемонстрировал всю утопичность и реакционность социалистической идеи, ее экстремистскую направленность в том ее виде, как она сложилась в большевистской практике. Потому, сегодня расставаясь с этой идеей, мы расстаемся еще и с принципами насилия в нашей жизни. А вместо нескончаемого «строительства» с его трудностями» и «этапами» провозглашаем курс на полноценную человеческую жизнь в условиях ее собственной истории. Ориентирами здесь для нас являются достижения современного цивилизованного общества.

Другой проблемой сегодня является распад СССР и возникновение на месте бывших республик суверенных тональных государств. Этот процесс сопровождается обострением национальных отношений, переходящим порой в межнациональные конфликты. Корни этих явлений лежат во всей прошлой истории нашего общества, в ущемлении прав народов и осуществлении насилия над ними в качестве государственной политики. Преследуя и всячески унижая человека, тоталитарная система сделала

для себя естественной и политику насилия над целыми нациями и народами.

Историческое сознание оказывается здесь «весьма кстати». Оно должно со всей правдивостью раскрыть и показать нам всю историю национальных отношений в царской России и последующую их деформацию в системе командного и авторитарного социализма. Таким образом станет ясно, с чего мы начинали в этом вопросе, какой путь прошли и к чему пришли, что мы на сегодня здесь имеем. Этим будет сделан важный шаг для адекватного разрешения национального вопроса в параметрах современной культуры.

В контексте этих задач историческое сознание могло бы задуматься еще над одним вопросом. Перестройка была задумана как демонтаж тоталитарной политической и социальной системы, как путь решения всей гаммы социальных проблем с привлечением опыта современной мировой цивилизации. Но на сегодня, если опять же не обманывать себя, мы имеем только первое — «демонтаж, т. е. разрушение без конструктивной программы созидания. А такой демонтаж опасен переходом в хаос, произвол и насилие, проявления которых мы уже видим и в экономике, и в политике, и в социальной сфере, и в национальных отношениях. И тут мы поневоле задаемся вопросом о том, дает ли право на перестройку такое же право на дестабилизацию нашей жизни? Если нет, то в чем тогда причины этого крена от перестройки к ухудшению жизни человека в нашем обществе? Действительно ли все рычаги были задействованы, чтобы избежать очередной деформации уже на этапе перестройки, а если нет, то какие силы помешали тому и в чьих интересах?..

В итоге задачи, стоящие перед историческим сознанием, носят «вневременной» и исторически-конкретный характер. История постоянно направляет себя на совер-

шенствование своей методологии и познавательных возможностей, стремясь сделать себя адекватной складывающейся в обществе форме науки. С другой стороны, она всегда подключена к современности. Сочетание этих тенденций — исторически-вневременного и исторически-конкретного, — собственно, и составляет искусство исторического мышления.

Но это, в свою очередь, возможно, если не мешать истории (как впрочем, и всей общественной науке) быть наукой. Утверждение нового исторического сознания как элемента нового мышления должно начинаться с того пункта размежевания между историей и политикой. Пусть истории останется область «чистой» науки, а политика пусть занимается своим делом, не принуждая историю к тому, чтобы давать ей только тот материал, в и тором она нуждается по конъюнктурным соображениям. Ведь такая позиция в отношении истории вынуждает ее покинуть сферу объективного познания и превращает ее саму «в служанку» политики. То есть надо, наконец, преодолеть услужливо-угодническую функцию общественной науки и создать для нее такие условия, когда бы она на деле могла стать наукой в подлинном значении этого слова. Тогда наукой станет и история...

Бархалов Г. Н.
АПИРЯЛ им. Ахундова
**МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА**

Обеспечение человеку условий для выживания — предельная задача на пороге третьего тысячелетия, в которое вступает наша переломная историческая эпоха. И значительной мере именно обстоятельства определяют необходимость усовершенствования экологической культуры, выяснения её методологической и мировоззренческой роли в системе общественной жизнедеятельности и воспитания человека.

В обобщенном виде экологическая культура — резюмированное духовно-практическое выражение социально-исторического опыта человечества по освоению и социализации природных сил. Она образует «механизм» регуляции совокупных отношений между обществом и природной средой, способ организации этих отношений — в процессе взаимодействия их с природой. Содержание экологической культуры составляет предметный мир преобразованной обществом природы, материально-производственные и духовно-практические формы её освоения, социально-культурные качества человека, а также некоторые программные элементы, выражающие тенденции и перспективы процесса оптимизации взаимодействия природы и общественно-исторической практики.

Воспитание в человеке экологической культуры предполагает в качестве необходимого условия формирование его мировоззренческого сознания путем усвоения научного мировоззрения. Без научного мировоззрения, выработки и усвоения его не может быть подлинной экологической культуры, как и подлинной личности.

Научное мировоззрение является духовно-практическим компонентом человеческой жизни, который формирует в человеке идеальные образы освоения мира. Тем самым мировоззрение создает в сфере сознания и духовно-практических чувств человека те желаемые для него «состояния мира», которые затем воплощаются в его практических действиях и поступках. «Практичность» мировоззрения состоит как раз в том, что оно отражает мир в форме творчества—целенаправленно формирует об разы будущего мира, в которых отражается действительность, подлежащая преобразованию и воплощению. В русле сказанного экологическую культуру можно интерпретировать как особого рода мировоззренческий «образ мира», в котором отражено такое состояние социально-природных зависимостей, которое характеризует их гармоническое единство-рациональное освоение человеком природной и социальной действительности и утверждение в этом процессе своей собственной индивидуальности и самобытности.

Экологическая культура — составная часть духовно-практической культуры общества в целом, и как таковая она не ограничивается предметной областью знания всеобщих закономерностей взаимодействия общества и природной среды. Она включает определенный «срез» общественно-выработанного способа самореализации человека в природе, культурные традиции, жизненный опыт, нравственные чувства и моральную оценку отношения человека к окружающей среде. Природа которая вовлечена практикой в общественный мир людей, составляет неотъемлемую часть человеческого жизненного мира, поэтому и отношение к ней должно быть человеческим отношением.

Экологически моральное поведение (самотивированная деятельность) повелевает человеку относиться к

природной среде должным образом не в силу внешнего принуждения, а основывается на внутренней потребности человека в природе. В этом состоит различие отношения человека к природе, определяемого подлинной нравственностью, от отношения, базирующегося на правовых нормах. Это тот фактор, который действует в человеке изнутри, постоянно полагает и контролирует его отношение к природе, как целесообразное и осуществляется им каждодневных поступках непринужденно, самопроизвольно, естественно.

Будучи компонентом нравственно-мировоззренческой культуры личности, экологически моральное поведение характеризует тот уровень общественного самосознания, который проявляет отношение человека к природе, к другим людям как отношение человека к самому себе, к общественной и естественной природе. В экологически моральном поведении природа выступает для человека не только средством к жизнедеятельности, но в известной мере и самоценностью её, так как только трансформируя закономерности природы в живые формы целесообразной жизнедеятельности, человек в состоянии создавать материальные и духовные богатства, утверждать себя в качестве творца.

Экологическая культура и её нравственные элементы формируются в человеке в процессе экологического воспитания. Последнее является процессом целенаправленного действия общества на индивидуальную природу человека, в котором он присваивает исторически выработанную общественную и экологическую культуру, объективированную во «второй природе» и совокупности форм общественной практики. Поэтому экологическое воспитание, его объект, субъект, сферы, методы и средства необходимо рассматривать в форме деятельности практического процесса.

Как известно, ещё французские материалисты XVIII в. подметили, что человек получает воспитание от природы, людей и вещей.

Специфика экологического воспитания состоит в том, что оно, в отличие от материального и духовного производства, воспроизводит природную и социальную среду в форме самой человеческой жизни.

Ныне совершенно ясно, что экологическое воспитание должно рассматриваться как особый срез общественной жизнедеятельности и культуры, отражающий характер отношения людей к природе через их внутрисоциальные отношения. Как таковое, экологическое воспитание выступает составной частью общественного воспитания, но проявляет его специфично — как отношение человека внешней природе через развитие и самоутверждение человека как природного и общественного существа.

Содержание и цели экологической культуры и воспитания определяются преимущественно через необходимость гуманизации мышления, выработку целостных представлений о биосфере, формирование соответствующих навыков и умений, определенных оценочных критериев.

Ахмедли Дж. Т.
БГУ им. М. Э. Расулзаде
**УРОВНИ И СТАТУС ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ**

1. Ныне все человечество знает о том, что нашей земле и цивилизации в целом грозит гибель. Причем опасность эта не сверхъестественного происхождения, а дело наших собственных рук, нашего бездумного, безответственного отношения к среде обитания. Однако не все хорошо себе представляют всю широту и глубину этой опасности, она не полностью им осознана. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что люди продолжают безжалостно эксплуатировать природу.

Современное экологическое сознание своими слабостями и разноуровневостью обязано относительной «молодости» экономической проблемы, которая лишь в последние десятилетия приобрела общепланетарный масштаб и столь значительную опасность.

2. Вся предшествующая история прогресса человечества и развития взаимоотношения человека и природы способствовали выработке в сознании людей представления о внешних природных условиях как вполне преодолимых в любых масштабах посредством всемерного развития социальных и технических факторов. Другими словами, ни в теоретическом, ни в практическом плане перед человеком не стояла экологическая проблема как таковая с её сегодняшней остротой, а следовательно не было более или менее оформившегося экологического сознания. Ныне природа впервые предстала перед человеком как сложная глобальная целостная система, которая развивается на основе собственных системных законов и которая обладает вполне определенными и легко нарушаемыми со стороны техногенной деятельности

человека условиями своей целостности и жизнеспособного состояния, своей всеобщей гармонии и равновесия. Стало очевидным, что человек должен знать не только законы освоения и преобразования природы, но, в еще большей мере, законы самосохранения и самовоспроизводства, словом, законы саморегулирования природы. Это обстоятельство и послужило основанием для формирования экологического сознания как отражения экологической ситуации. Именно поэтому экологическое сознание носит на себе печать сложности, многоплановости и противоречивости, характерных для современной экологической проблемы.

3. Основными компонентами экологического сознания являются экологическое знание, представляющее собой познание условий, законов, норм экологического бытия и убеждения людей, основанные на этих знаниях. Экологическое же сознание составляет основу целенаправленной экологической деятельности, включающей как оптимальное природопользование, так и воспроизводство природных возможностей, поддержание нормального функционирования природы как целостной системы.

4. Понятие «экологическое сознание» в нескольких плоскостях нуждается в пояснении: в чем сущность его и особенности, каково его место в общей системе форм общественного сознания, каковы пути и средства его формирования?

Прежде всего отметим, что мы не рассматриваем дологическое сознание как одну из форм общественного сознания, каждая из которых имеет четкий статус. Экологическое сознание мы рассматриваем как условное название сегодняшнего экологизированного сознания. Это — скорее всего одна из существенных всеобщих характеристик общественного сознания, появившаяся в ус-

ловиях НТР и означающая, что экологический угол рассмотрения вопросов и подхода к реалиям дня пронизывает все формы и уровни сознания и действия людей, т. е. дологическая оценка любого явления выступает важным параметром критерия его оценки, и в этом смысле все формы общественного сознания имеют экологическую окрашенность различных оттенков.

В этом, относительном, понимании экологическое сознание можно рассматривать как совокупность взглядов, теорий и эмоций, отражающих содержание, характер, состояние и особенности взаимоотношения общества и природы на каждой исторической ступени развития цивилизации.

5. Каковы же основные особенности современного экологического сознания?

Одной из главных характеристик современной экологической проблемы является ее глобальность, что, несомненно, отражается на глобальности экологического сознания, ибо в общегносеологическом плане экологическое сознание есть отражение экологического бытия. Глобальность экологического сознания включает два ракурса: **во-первых**, то что оно ныне не может ограничиваться лишь отражением отдельных локальных проблем, затрагивающих «интересы» той или иной части природы, отдельного региона или страны. Оно должно формироваться, развиваться и функционировать в **планетарных масштабах**; **во-вторых**, глобальное экологическое сознание должно превращаться в элемент или общую характеристику **всех уровней и всех форм** общественного сознания. Следовательно, первой важной особенностью экологического сознания является глобальность, из которой прямо вытекает и другая, не менее важная, особенность — ее интегративность, синтетический характер. **В** настоящее время понятия «глобальная экология», «социальная

экология» выражают не отдельную науку, а скорее **определенный общенаучный подход к решению фундаментальных теоретических и практических задач**. В этом смысле, в той или иной мере, все науки имеют экологическую окрашенность; разрешая свои конкретные **физические, химические, географические и др. задачи**, эти науки, непременно, должны учитывать их экологическое **«звучание»**, возможные экологические последствия. Экологическая обусловленность и мотивированность, стало быть, отныне выступает одним из существенных показателей успешности решаемых проблем. Эта же особенность обуславливает интеграцию наук и синтез знания.

Указанная особенность экологической проблемы находит свое отражение в таких важнейших особенностях экологического сознания, как системность и комплексность. Как бы велико ни было значение знания отдельных явлений, сопровождающих жизнь человека, оно не создает полного представления о поведении системы, которое порою не только резко отличается от поведения элемента, но оказывается противоположным ему. Именно поэтому экологическое сознание для успешного функционирования в своем развитии должно возвыситься до уровня системности. Оно же должно обладать комплексностью, т. е. отражать то обстоятельство, при котором все глобальные проблемы составляют звенья единого комплекса, в частности, например, «чисто» экологическая проблема связана в единой цепи с демографической проблемой, проблемами продовольственного обеспечения населения Земли, войны и мира и другими проблемами современной глобалистики.

Важной особенностью экологического сознания является его мощное предвиденческо-прогностическое свойство. Оно должно опережающе отражать не только

ближайшие позитивные или негативные следствия изменений, производимых в природе техногенной деятельностью человека, но предвидеть последствия более отдаленные от нас, прямые и обратные связи. Это тем более важно, что **довольно часто положительные при повседневной оценке, или при непосредственной отдаче, явления**, оборачиваются как крайне нежелательные и катастрофически вредные при оценке их с позиции перспективы человечества.

В связи с этим отметим еще одну особенность экологического сознания, вытекающую из предыдущей: в прошлом познание природы, а, следовательно, сознание человека были направлены на усиление целеположенного преобразования природы, на расширение границ природопользования. Экологическое же сознание в силу создавшейся ситуации призвано выполнять противоположную функцию — предельно ограничить преобразовательную нацеленность познавательной и практической деятельности человека на базе максимальной оптимизации природопользования.

Экологическое сознание должно ломать веками сложившийся стереотип отношения к природе, лейтмотивом которого было неограниченное изменение и использование природных богатств любыми средствами, оно должно стремительно формировать новый стереотип отношения к природе; сохранять и воспроизводить природные ресурсы, ее гармонию и равновесие, выработать оптимальные методы, формы и средства природопользования в допустимых самой природой пределах. Сохранение природы, как видим, является необходимым условием нового сознания и нового мышления.

Такая деятельность должна опираться на разумный учет требований объективных экологических законов и обеспечить, тем самым, сохранение природных условий

жизни общества, достижение социально значимых целей. Это и будет означать свободу действий человека в условиях современной экономической ситуации.

6. Все вышеуказанные особенности экологической проблемы и экологического сознания должны лечь в основу современной экологической политики. Очевидно, современная экологическая политика не может быть локальной, она должна носить общепланетарный характер. «Парниковый эффект», «озоновая оболочка», чернобыльская катастрофа — их действительные и возможные последствия — яркое тому свидетельство.

7. Экологическая политика должна носить системный и комплексный характер, она должна включать систему и комплекс мер, охватывающих все сферы народнохозяйственного комплекса. Любые экономические, технические, технологические, демографические, социальные и другие решения должны быть экологически обоснованы, в целом же вся внешняя и внутренняя политика государства должна строиться с учетом мировой экологической ситуации.

Ramazanov F. F.
Ç. İldırım adına AzPİ
EKOLOGİYA—HÜQUQ—ETİKA

XX əsri həm də ekolojiya əsri adlandırmaq olar. Belə ki, elmi-texniki inqilab şəraitində ətraf mühitin intensiv şəkildə çirklənməsinin qarşısını almaq, təbii sərvətlərdən səmərəli istifadə etmək, təbiəti gələcək nəsillər üçün qoruyub saxlamaq getdikcə daha aktual xarakter kəsb edir.

Ekoloji problem çoxdandır ki, rekional çərçivədən çıxaraq qlobal miqyas kəsb etmiş və bütün cəmiyyəti narahat etməyə başlamışdır. Aydın ki, dövlətlər arasında ekoloji əhəmiyyət kəsb edən sədlər çəkmək qeyri-mümkündür. Bir ölkədə ətraf mühitə tullanan zəhərli maddələr çaylar, dənizlər və küləklər vasitəsilə o biri ölkələrə də yayılır və bütün dünyanı bürüyür. Odur ki, bu problem bütün dövlətlərin birgə səyi ilə həll edilə bilər.

Alimlərin hesablamalarına görə, dünya miqyasında zavodlardan hər il ətraf mühitə təqribən 32 milyard kub metr çirklənmiş su, 250 milyon ton toz, 70 milyon ton zəhərli qazlar, 120 milyon ton kül, 200-300 milyon ton aerosol tullanır. Sənaye və nəqliyyatda işlədilən yanacaqlardan hər il atmosfərə 10 milyon tondan çox karbon qazı buraxılır. İstehsalatdan hər il ətraf mühitə atılan on min tonlarla azot, kükürd, civə və qurğuşun birləşmələri atmosfer havasını, su tutarlarını, torpaqları zəhərləyir. Akademik A. Vinqradovun məlumatına görə ətraf mühitə tullanan bərk maye və qaz halındakı zəhərli kimyəvi birləşmələrin sayı 600 mindən çoxdur. Bütün bunlar müxtəlif yollarla insan orqanizminə daxil olur, təhlükəli xəstəliklərin törənməsinə və yayılmasına səbəb olur. Planetimizin üstündə əmələ gəlmiş və getdikcə genişlənən ozon yırtığını, turşulu yağışları, «istixana» effektini bu deyilənlərə lavə etdikdə planetin ekoloji mənzərəsini daha aydın təsəvvür etmək olar.

Əlbəttə, istehsal prosesində tullantılar labüddür. Təkcə bu faktı qeyd etmək kifayətdir ki, inkişaf etmiş ölkələrdə istehsal üçün əhalinin hər nəfərinə orta hesabla 30 tona qədər təbiət maddələri, xammal cəlb edilir. Bunun yalnız faiz yarımı hazır məhsul-halın salınır, qalan hissəsi yenidən təbiətə qaytarılır. Əlbəttə, təbiət bu maddələri yenidən özünə qovuşdurmaq, onları neytrallaşdırıb zərərləşdirmək qabiliyyətinə malikdir. Lakin bunun da bir həddi var. Odur ki, qarşıda duran vəzifə tullantıların ümumi kütləsini azaltmaq, onun zəhərli komponentlərini minimuma endirməkdən ibarətdir.

Ətraf mühitin təhlükəli dərəcədə çirklənməsi yalnız indiki nəslə deyil, gələcək nəsillərə də mənfi təsir göstərəcəkdir. Əslində bu, bəşəriyyətin genetik fondunu korlayaraq ciddi mutasiyaların baş verməsinə səbəb ola bilər.

Bir vaxt bunları demək ekoloji pessimizmi təbliğ etmək kimi qiymətləndirilir, qəbahət hesab olunur, həm də qlobal miqyasda baş vermiş ekoloji böhranın təqsiri bütövlüklə kapitalizm cəmiyyətinin üzərinə qoyulurdu. Halbuki bizim ölkədə də ekoloji vəziyyət gərgin olaraq qalırdı. İndi aşkarlığın işığında bütün bunlar nisbətən aydın görünür, baxmayaraq ki, hələ bu günün özündə də bu haqda bütün həqiqət ictimaiyyətə çatdırılmır. Çernobil fəlakətinin nəticələri haqqında heç də tam olmayan məlumatlar buna misal ola bilər.

İnsan yaşadığı təbii mühitin vəziyyəti haqqında dürüst təsəvvürə malik olmalıdır. Belə olmasa o, yaxınlaşan ekoloji fəlakət haqqında həyəcan təbili çalmaz, dövlət orqanlarından bu təhlükənin qarşısını almaq üçün ciddi tədbirlər görməyi tələb etməz.

Bəs Azərbaycanda ekoloji vəziyyət necədir? Son zamanlar burada dövlət orqanları və ictimai təşkilatlar tərəfdən təbiəti mühafizə məsələlərinə diqqət xeyli artırılmış, ətraf mühitin çirklənməsini azaltmaq üçün bir sıra tədbirlər həyata keçirilmiş, bəzi zərərli istehsal sahələri bağlanmış, atmosfera son dərəcə zəhərli tullantılar buraxan sexlərin işi dayandırılmışdır.

Aqrar-sənaye kompleksində tətbiq olunan kimyəvi preparatların zərərli təsirini azaltmaq, əhalinin sağlamlığını onlardan qorumaq üçün kompleks plan işlənib hazırlanmışdır.

Lakin bütün bunlara baxmayaraq hələ də respublikada ekoloji cəhətdən təhlükəli zona olaraq qalır, Xəzərin məlum problemləri hələ də həll edilməyib. Təkcə qonşu respublikalardan hər il Kür çayına 522 milyon kubmetr çirкли sənayə və məişət suları axıdılır. Bakının milyon yarımliq əhalisi isə yalnız bu su ilə yaşayır. Bundan əlavə hər il külli miqdar torpaqlar eroziyaya uğrayır, külək və yağışlar onların humus təbəqəsini yuyub aparır, xeyli torpaq sahələri şoranlaşır, meşələr qırılaq azalır, çaylar kanallara çevrilərək yoxa çıxır. Bütün bunlar insanların gözü qarşısında, həm də əsasən onların səmərəsiz aparılan təsərrüfat fəaliyyəti nəticəsində, antropogen amillərin sayəsində baş verir. Beləliklə, insanın dərinədən ölçülüb-biçilməmiş fəaliyyəti bumeranq kimi onun özünə qarşı yönəlmiş olur. İnsan təbiətdəki ahəngi, tarazlığı pozduqda təbiət ondan qisas almağa başlayır. Unutmaq olmaz ki, təbiətin qisası yaman olur. Bu fikirlər Azərbaycan Təbiəti Mühafizə cəmiyyətinin V qurultayında da ucadan səslənmiş, nümayəndələrdə ciddi təşviş doğurmuşdur. Qeyd olunmuşdur ki, işlər bu cür gedərsə, ekoloji böhran-dan çıxmaq üçün ciddi tədbirlər həyata keçirilməzsə, gələcəkdə Azərbaycan quru səhraya çevrilə bilər.

Respublikada yaranmış ictimai-siyasi və iqtisadi gərginlik, erməni millətçilərinin ərazi iddiaları, quldur dəstələrinin sərhədyanı rayonlara ardı-arası kəsilməyən hücumları ekoloji problemlərin həllini daha da çətinləşdirir. Bəs çıxış yolu nədədir? İndi bu sual hamını düşündürür.

Bizə belə gəlir ki, ekoloji böhrandan çıxmaq heç olmasa bu sahədəki gərginliyə azaltmaq üçün ən azı aşağıdakı tədbirlər həyata keçirməlidir:

1. Respublika parlamentinin nəzdində fəvqəladə və səlahiyyətli Komitə yaratmaq. Təbiəti mühafizə işlərinə rəhbərlik edən bütün dövlət orqanlarının fəaliyyətinə, bu

sahədəki qanunlara riayət edilməsinə daimi nəzarət etməyi, qanunçuluğu təkmilləşdirərək dövrün tələblərinə uyğunlaşdırmaq üçün təklif hazırlayıb Ali Sovetə təqdim etməyi bu Komitəyə həvalə etmək.

2. Təbiətin mühafizəsi üçün ayrılan maliyyə vəsaitini artırmaq və onun səmərəli istifadə olunması üzərində ciddi nəzarət qoymaq.

3. Zərərli istehsal sahələrində, xüsusilə neft və qaz emalı müəssisələrində, metallurgiya zavodlarında müasir texnoloji proseslər, qapalı su dövriyyələri, tamizləyici qurğular tətbiq etmək. Bu işdə və eləcə də Xəzər dənizinin təmizlənməsində xarici firmaların köməyindən istifadə etmək.

4. Meşələrin qorunmasını təmin etmək, onların anacaq məqsədilə qırılmasının qarşısını almaqdan ötrü dağ kəndlərinə elektrik və təbii qaz xətləri çəkilməsini başa çatdırmaq.

5 Aqrar-sənaye kompleksində hazırlanmış təbiəti mühafizə proqramını, kənd təsərrüfatında işlədilən herbisit və pestisidlərin zərərli təsirindən insanların sağlamlığını qorumaq tədbirlərini yenidən nəzərdən keçirmək, onları həyatın tələblərinə uyğunlaşdırmaq.

6. Təbiəti mühafizə sahəsindəki qanunların gücündən tam istifadə etmək, onları təkmilləşdirərək günün tələblərinə uyğunlaşdırmaq.

7. Əhalinin ekoloji tərbiyəsini gücləndirmək, ekoloji mədəniyyətini yüksəltmək, ekoloji təhsilin keyfiyyətini artırmaq üçün xüsusi proqram hazırlayıb həyata keçirmək. Bu işin zəruriliyi ekologiya problemləri üzrə keçirilən Ümumittifaq və Beynəlxalq müşavirələrdə, xüsusilə də, bu sətirlərin müəllifinin iştirak etdiyi XVIII Ümumdünya fəlsəfə konqresində xüsusi qeyd edilmişdir. Odur ki, sonuncu iki məsələ üzərində bir qədər ətraflı dayanmaq istərdik.

Respublikada ekologiya problemlərini həll etmək, atmosferin, su hövzələrinin və torpaqların bu cür intensiv şəkildə çirklənməsinin qarşısını almaq üçün əmək kollektivlərinin,

xüsusilə də müəssisə və idarə rəhbərlərinin məsuliyyətini artırmaq çox vacibdir. Ətraf mühiti çirkəndirən zavod və fabriklərə, kolxoz və sovxozlara qarşı iqtisadi sanksiyalardan cərimələrdən, bir sözlə qanunun gücündən dönmədən istifadə olunmalıdır. İnzibati orqanlar bu sahədəki qanunları pozanlara qarşı ciddi cəza tədbirləri tətbiq etməlidirlər. Bu orqanlar tərəfindən qanunçuluğun pozulması hallarının üzə çıxarılması haqqında ayrı-ayrı yığıncaqlarda və mətbuatda məlumat verilir. Lakin çox zaman həyata keçirilmiş cəza tədbirləri haqqında demək olar ki, heç nə deyilmir. Şübhəsiz ki, aşkarlıq dövründə geniş ictimaiyyətə bu haqda ətraflı məlumat vermək çox vacibdir. Bu sahədə qanun pozuntularına qarşı tətbiq olunan inzibati tədbirlər barədə məlumatın əhaliyə çatdırılması təsərrüfat rəhbərlərinin və bütövlükdə əhəlinin məsuliyyət hissini daha da artırmağa bilər. Biz belə hesab edirik ki, təbiətin mühafizəsi ilə əlaqədar olan qanunvericilik günün durmadan artan tələblərinə uyğun deyil. Bu qanunları təkmilləşdirmək, təbiəti korlayanlara qarşı daha sərt qanunlar qəbul etmək, mövcud qanunların gücündən tam istifadə etmək zəruridir. Əlbəttə, indiki şəraitdə kənd təsərrüfatında kimyasız keçinmək qeyri-mümkündür. Odur ki, kimyəvi vasitələrin istehsalında, daşınmasında, saxlanılmasında və xüsusən torpağa verilməsində istehsal mədəniyyətini və məsuliyyəti qətiyyətlə artırmaq, qanunları pozanlara qarşı ciddi mübarizə aparmaq lazımdır. Bunu təbiətin və xalqın sağlamlığının mühafizəsi tələb edir. Belə ki, aqrotexniki qaydaların pozulması nəticəsində, bir tərəfdən, torpaqlar korlanır, digər tərəfdən isə, məhsullarda azot birləşmələrinin nitrat və nitritlərin miqdarı normadan arxıq olur, nəticədə əhali arasında xəstəliklər artır. Yəqin ki bazar iqtisadiyyatına keçməklə əlaqədar olaraq ekoloji saflığı olmayan məhsullar alınmayacaq və bu, kefiyyətli kənd təsərrüfatı məhsulları yetirməyə təkan verəcək.

Bununla belə qeyd etmək lazımdır ki, təbiətin mühafizəsini lazımi səviyyədə təşkil etmək, ekoloji tarazlığı bərpa etmək

üçün təkcə hüquq qanunlarından istifadə etmək kifayət deyil. Bu işə hamını, bütün əhalini cəlb etmək lazımdır. Bu o zaman mümkün ola bilər ki, biz onlarda ekoloji şüur formalaşdırmağa bilək, ekoloji etika prinsiplərini işləyib hazırlayaq və geniş tətbiq edək.

Ekoloji etikanın əsaslarını hələ alman təbiətşünas mütəfəkkiri A. Şveytser, amerikan ekoloqu O.Leopold və sovet biologu D.Filatov hazırlamışlar.

Biz mütərəqqi alim və mütəfəkkirlərin ekoloji etika haqqındakı fikirlərini daha da inkişaf etdirməli, müasir dövrün tələblərindən irəli gələn yeni ideyalarla zənginləşdirməliyik. Bu baxımdan gənclərlə, böyüməkdə olan nəsillə aparılan iş olduqca vacibdir. Çalışmaq lazımdır ki, gənclər həyata təkcə ekoloji həqiqətləri nəzəri cəhətdən mənimsəməklə deyil, həm də təbiətin sağlamlığı, mühitin gözəlliyi naminə, mənəvi məsuliyyət hissi ilə silahlanaraq qədəm qoysunlar.

Bizim yaşadığımız, işlədiyimiz, qurub-yaratdığımız bütün yerlərdə ətraf mühitə qayğıkeş münasibət ailədə, məktəbəqədər uşaq müəssisələrində tərbiyə edilir. Burada, şübhəsiz, məktəb başlıca rol oynayır. Uşaqları məhz məktəb illərində təbii sərvətlərin artırılmasında fəal iştirak etməyə, onları səmərəli işlətməyə alışdırmaq lazımdır. Bütün məktəblərdə «Yaşıl dost», «Təbiəti mühafizə» kurslarının tədris edilməsi məqsədə müvafiq olardı.

Əhmədli H. T.

V.İ. Lenin adına API

MÜASİR ŞƏRAİTDƏ İNSAN AMİLİNİN ROLU

1. Cəmiyyətimizin yenidən qurulmasının ən mühüm parametrlərindən və amillərindən biri ictimai fəaliyyətdə insan amilinin gücləndirilməsidir. Ümumiyyətlə, ictimai fəaliyyət maddi və şəxsi amillərin vəhdətidir və ictimai fəaliyyətin müvəffəqiyyətli olması üçün bu iki amilin ahəngdar surətdə bir-birini tamamlaması zəruridir. Maddi-mənəvi istehsal məhsulu olan maddi nemətlər və mənəvi sərvətlər əslində həm istehsal fəaliyyətinin əşyevi ünsürünün keyfiyyətindən, həm də şəxsi amilin keyfiyyətlərindən – ümumi və peşə mədəniyyətindən, təhsil dərəcəsindən, intellektinin tipi və inkişaf səviyyəsindən, təşəbbüskarlığından, mədəni-texniki vərdiş, qabiliyyət və biliyindən asılıdır. Başqa sözlə desək, istehsalın maddi əsası – texnika və texnologiya, alət və vasitələr, əmək predmetləri, mexanikləşdirmə və avtomatlaşdırma necədirsə, nə səviyyədədirsə, istehsaldan alınan məhsul da elə olacaqdır. Digər tərəfdən, istehsal subyektinin şəxsi keyfiyyətləri necədirsə, onun əməyinin məhsulu da elə olacaqdır. Burada təəccüblü bir şey yoxdur: istehsal, onun nəticələri insanın subyektiv keyfiyyətlərinin obyektivləşməsi deməkdir. Əgər insanın subyektiv şəxsi keyfiyyətləri aşağıdırsa, onun istehsal etdiyi məhsul yüksək keyfiyyətə malik ola bilməz.

2. Söylədiklərimizdən aydın olur ki, cəmiyyətimizin həyatının bütün sahələrinin kompleks yeniləşdirilməsi üçün **iki xarakterli** vəzifələr həyata keçirilməli, həll edilməlidir. Onlardan **bir qrupu** istehsalın maddi əsaslarının inkişaf etdirilməsinə, istehsal mədəniyyətinin yüksəldilməsinə, **digəri** isə istehsal subyektini olan insanların şəxsi keyfiyyətlərinin inkişaf etdirilməsinə aiddir. İndi həmin sahələrdən olan vəzifələri bir qədər konkretləşdirək.

Birinci qrupdan olan vəzifələrə aşağıdakılar aiddir:

– istehsalın texniki əsası təkmilləşdirilməlidir. Elmi-texniki tərəqqinin nailiyyətlərinin istehsala tətbiqi yolunda olan hər cür maneələr arada qaldırılmalı və elmlə istehsalın birbaşa əlaqəsi yaradılmalıdır. Elmi ideyanın irəli sürülməsi, onun texniki vahidlərdə təcəssümləşməsi və nəhayət, tətbiqi müddəti daim optimallaşdırılmalıdır;

– istehsalda ən səmərəli texnologiyalar tətbiq edilməlidir. Texnologiyanın səmərəliliyi və optimallığı onun qalıqsız və qapalı, az materialtutumlu və az enerjitutumlu olması ilə ətraf mühiti az çirklənməməsi ilə müəyyən edilir. Bu baxımdan mexaniki və kimyəvi texnologiyaların bioloji texnologiya ilə əvəz edilməsi ən perspektivli istiqamət hesab edilir;

– hələ də cəmiyyətimizdə hökm sürməkdə olan mülkiyyət münasibətləri hərcmərcliyini aradan qaldırmaq lazımdır. Mülkiyyət münasibətlərini tənzim edən qanunlar yalnız iqtisadi qanunların tələblərinə əsaslandırılmalıdır. Mülkiyyət plüralizmi real surətdə həyata keçirilməlidir. Bütün tiplərdən olan mülkiyyətlərə əsaslanan təsərrüfat sahələrinin fəaliyyəti üçün eyni iqtisadi və sosial zəmin yaradılmalıdır. Yalnız bu əsasda onların hansının həyatqabiliyyətli olması obyektiv iqtisadi prosesdə təsdiq və təsbit edilməlidir;

– əməyin təşkili və həyata keçirilməsi tam elmi əsaslar üzərində qurulmalıdır. Yalnız bu yolla hər kəs öz qabiliyyəti və marağı dairəsində ictimai zəruri iş yeri ilə təmin edilər, və deməli, onun əməyi maksimum səmərəli olar;

– nəhayət, ictimai istehsalda çalışan adamların əməyinin kəmiyyət və keyfiyyətə görə ödənilməsi prinsipi tam həyata keçirilməlidir. Bunun üçün əməyin mürəkkəblik dərəcəsi, iş şəraitinin zərərlik dərəcəsi, insanların hazırlıq səviyyəsi və s. nəzərə alınmalıdır.

İkinci qrupdan olan vəzifələrə aşağıdakılar dahildir:

– istehsal subyekti olan insanların bilik və mədəni-texniki səviyyəsini yüksəltmək üçün təhsil sistemi kökündən dəyişdirilməli və yeniləşdirilməlidir. İlk növbədə belə bir cəhət

nəzərə alınmalıdır ki, təhsil müasir tələblərə tam uyğun təşkil edilməlidir. Hazırda SSRİ-də fəaliyyətdə olan təhsil sistemi bütün parametrlərinə görə inkişaf etmiş ölkələrdəki təhsil sistemindən geridə qalır. Məhz ona görə də bizim ölkəmizdə verilən təhsil diplomlarını həmin ölkələrdə etibarsız sayırlar. Belə ki, tədris edilən fənlərin çoxu zərurətini itirmişdir. Tədrisi zəruri olan bir çox digər fənlər isə tədris edilmir;

– elmi-texniki tərəqqinin nailiyyətlərinin səmərəli tətbiq edilməsi üçün insanların mədəni-texniki səviyyəsi kəskin şəkildə yüksəldilməlidir. Ədəbiyyatdan belə bir fakt məlumdur ki, xarici ölkələrdən valyutailə alınmış texnika və texnologiya nümunələrinin əksəriyyəti müvafiq mütəxəssislər olmadığından quraşdırılmamış qalmışdır. Quraşdırılanların əksəriyyəti isə yenə də istehsal subyektinin aşağı səviyyədə olması üzündən son dərəcə səmərəsiz istifadə edilir. Deməli, tamamilə aydındır ki, texnika və texnologiyanın inkişafı və təkmilləşdirilməsi yük səksəviyyəli mütəxəssislərin hazırlanması ilə yanaşı aparılmazsa, onun faydalı iş əmsalı çox aşağı olacaqdır;

– ictimai fəaliyyətin səmərəliliyinin yüksəldilməsi üçün idarəetmə sistemi əsaslı surətdə yeniləşdirilməlidir. Bunun üçün idarə aparatı optimallıq dərəcəsinə qədər sadələşdirilməli və deməli, ixtisar edilməlidir; idarəetməni həyata keçirmək üçün yüksəkixtisaslı xüsusi kadrlar hazırlanmalıdır;

– nəhayət, cəmiyyətin yenidən qurulması prosesində sosial infrastrukturun bütün sahələri, xüsusilə məişət, xidmət sahəsi, tibbi xidmət, mədəniyyət və s. yeni prinsiplər əsasında təşkil olunmalı və inkişaf etdirilməlidir.

Haqverdiyev B. Y.

Azərbaycan EA Fəlsəfə və hüquq İnstitutu

ŞƏXSİYYƏTİN HƏYAT İDEALI VƏ REALLIQ

Yenidənqurmanın indiki mərhələsində qarşıda duran ən vacib vəzifələrdən biri geniş xalq kütləsinin cəmiyyətin inqilabi yeniləşməsində yaxından iştirak etməsinə nail olmaqdır. Bununla əlaqədar olaraq sovet adamlarının mədəni-siyasi, mənəvi-psixoloji hazırlığının öyrənilməsi və onların məqsədyönlü şəkildə formalaşdırılması mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Müasir şəraitdə ideoloji və ideya-tərbiyə işinin bu təxirəsalınmaz vəzifələrinin həyata keçirilməsində adamlarda yeni həyat oriyentirlərinin, ideallarının tərbiyə olunması kəskin bir problem olaraq qalır.

Həyat idealları şəxsiyyətin mühüm mənəvi-sosial keyfiyyətlərindən olub, onun psixoloji dünyasına nizamlayıcı, sistemləşdirici təsir göstərir. İdealların olması şəxsiyyətin həyat və fəaliyyətinə mütəşəkkillik və ardıcılıq verir. Həyat idealları şəxsiyyətin öz potensial imkailərini səfərbər etməsinin və onlardan məqsədyönlü şəkildə daha səmərəli istifadə etməsinin vacib şərtlərindən biridir.

Həyat idealları şəxsiyyətin həyat reallığının və həyat tərzinin subyektiv inikası olub, onun gələcəyə yönəlmiş istək və arzularının meyllərinin məcmusunu özündə əks etdirir. Şəxsiyyətin idealları ilə onun real həyatı arasında dialektik əlaqə özünü konkret vəziyyətlərdə müxtəlif şəkildə təzahür etdirir. Sosial gerçəkliyin daima dəyişməsi və eyni zamanda şəxsiyyətin özünün təşəkkülü idealla reallıq arasında olan əlaqə və münasibətlərə müvafiq dinamiklik verir. Həyat ideali ilə reallıq heç vaxt üst-üstə düşmür və E.V.İlenkovun qeyd etdiyi kimi,

«insan idealın timsalında ancaq həqiqətə doğru istiqamətə malik ola bilər, həqiqətin özünə isə — heç bir vaxt».¹

Şəxsiyyətin həyatının bir-biri ilə üzvi surətdə bağlı olan bu tərəfləri arasındakı dialektik ziddiyyət şəxsiyyətin və onun fəaliyyətinin inkişafını şərtləndirir. Belə ki, şəxsiyyətin öz idealına nail ola bilməməsi və yaxud onun istəyi, tələbatı ilə malik olduğu real imkanların uyğun gəlməməsi ondan narazılıq əhvali-ruhiyyəsi yaradır. Bu isə şəxsiyyətin və onun fəaliyyətini yeni səviyyədə inkişaf etməsinə daxili bir təkan olur və şəxsiyyət öz idealının həyata keçirilməsi üçün yeni potensial imkanlarını, şəxsi və işgüzar keyfiyyətlərini səfərbər edir.

Qeyd etmək lazımdır ki, ideal ilə reallıq arasındakı ziddiyyətlər optimal xarakter daşımır və həmişə arzu olunan dəyişikliklərə səbəb olmur. Belə ki, ideal ilə reallıq arasında olan əlaqə zəifdirsə, onlar arasında yaranmış ziddiyyətlər şəxsiyyətə və onun fəaliyyətinə mənfi təsir göstərir və nəticədə bir sıra neqativ sosial-psixoloji hallar yaranır. Belə vəziyyətdə şəxsiyyətin idealları onun real həyatına istiqamətləndirici və nizamlayıcı təsir etmir, onun həyat tərzini idealların dəyişməsinə, inkişafına gəyirib çıxartmır. Həyat idealları ilə reallıq arasında yaranan ziddiyyətin qeyri-optimallığı özünü bir də onda göstərir ki, bəzən şəxsiyyətin öz qarşısına qoyduğu məqsədlər onun hal-hazırda malik olduğu potensial imkanlara uyğun gəlmir.

Şəxsiyyətin həyat idealları ilə reallıq arasında olan münasibəti düzgün başa düşmək üçün onun həyat perspektivlərini, yəni ideal ilə reallığın zaman intervalını, yaxın və uzaq məqsədlərinin nə dərəcədə qarşılıqlı əlaqədə olmasını müəyyən etmək tələb olunur. Bir halda şəxsiyyətin idealları həyat reallıqlarından daha uzaq zaman intervalında yerləşir və onun hal-hazırkı həyat qayğıları ilə zəif əlaqələnməmiş olur. Digər halda isə, əksinə, şəxsiyyətin qarşısına qoyduğu məqsədlər ancaq bu

¹ Э. В. Ильенков. Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984, с. 133.

günün problemləri ilə bağlı olur, yəni o əsasən bu günün qayğıları ilə yaşayır.

Şəxsiyyətin öz tələbatını necə ödəməsi ilə onun həyat ideallarının zaman perspektivi arasında qarşılıqlı təsir və əlaqə mövcuddur. Belə ki, əgər şəxsiyyətin tələbatı yaxşı ödənilirsə, onun idealları daha yaxın zaman perspektivində yerləşir və ya əksinə bugünkü həyatından razı olmayan şəxsiyyət öz ideallarını uzaq həyat perspektivi ilə əlaqələndirməyə daha çox meyl göstərir. Həyatda ciddi çətinliklərlə qarşılaşan şəxsiyyətlər real gerçəklikdən uzaqlaşmağı üstün tutur və öz həyat nailiyyətlərini və səadətini çox vaxt təsəvvürlərində yaratdıqları illüзор aləmdə axtarırlar. Şəxsiyyətin real həyata qarşı bu cür psixoloji münasibəti onu bir növ mümkün ola bilən əsəbi gərginliklərdən və sarsıntılardan qoruyur. Əgər şəxsiyyətdə bu cür psixoloji müdafiə mexanizmi formalaşmayıbsa, onda mövcud həyat onun üçün dözülməz bir reallığa çevrilir. Bunun nəticəsində şəxsiyyətdə onu əhatə edən sosial gerçəkliyə qarşı neqativ münasibət formalaşır, mövcud həyat normaları onun gözündə nüfuz və qüvvəsini itirir. Şəxsiyyət öz fərdi həyatını və davranışını qurarkən, əsasən, öz şəxsi prinsiplərini rəhbər tutur və onun ümüdlərini doğrultmayan reallığa qarşı yönəlmiş hər hansı bir qüvvəyə rəğbətlə yanaşır. İndiki şəraitdə yaranmış xalq hərəkətinin və qeyri-formal təşkilatların geniş kütlə arasında böyük nüfuzə malik olması bununla izah oluna bilər. Cəmiyyətin özünü daha düzgün dərk etdiyi və gələcək inkişaf yollarını dəqiqləşdirdiyi bir vaxtda hər bir şəxsiyyət də öz həyat oriyentirlərini, ideallarını yenidən araşdırır və qiymətləndirir. Şəxsiyyətin bu günkü maddi və mənəvi tələbatının dolğun ödənilməməsi onun daha çox bu günün qayğıları ilə yaşamasına tələbatının tezliklə ödənilməsi meylinin güclənməsinə səbəb olur. Buna görədir ki, geniş xalq kütləsi bu yaranmış vəziyyətdən çıxmaq üçün daha cəsarətli və təxirəsalınmaz tədbirlərin həyata keçirilməsinin və yenidənqurmanın nəticələrini ən yaxın kələcəkdə görmək istəyir.

Cəmiyyətdə sosial sərvətlərin yenidən qiymətləndirildiyi bir vaxtda şəxsiyyətin mənəvi dünyasında, onun həyat ideallarının məzmununda mühüm dəyişikliklər verir. İctimai həyatın bütün sahələrində demokratiyanın daha da genişlənməsi adamların yaradıcı fəallığının xeyli dərəcədə artmasına səbəb olmuşdur. Bu özünü şəxsiyyətin sosial sərvətlərə tənqidi yanaşmasında, onun həyat yollarını və ideallarını müəyyənləşdirərkən mövcud real vəziyyəti nəzərə alınmasında göstərir. Belə bir şəraitdə şəxsiyyətin sosial ideallarının formalaşmasında səmərəli və təsirli yollardan biri onun öz potensial imkanlarından daha dolğun şəkildə istifadə etməsi üçün əlverişli bir şəraitin yaradılmasından ibarətdir.

Адыгезалова С. М.

Институт философии и права

СООТНОШЕНИЕ НРАВСТВЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

До недавнего времени социальная активность взаимосвязывалась с нравственностью самой по себе, а не с нравственной активностью личности. Между тем в литературе, особенно последнего периода получила значительное развитие проблема деятельности человека. В ракурсе проблемы деятельности наша проблема может получить новое определение как проблема соотношения ценностно-ориентационной и преобразующей деятельности человека. Уже само это изменение названия показывает, что в основе активности человека лежат механизмы, которые требуют творческого, созидательного подхода к решению любых теоретических и практических задач. Как известно, ранее вся трактовка сводилась подстраиванию человека под спускаемые «сверху» нормы и требования поведения и деятельности. В этих условиях взаимосвязь внутренней нравственной активности и внешней социальной активности носит номинальный, декларативный характер, основанный на замене подлинной творческой активности личности конформистским соглашательством и молчаливой поддержкой спускаемых нормативов. В таком виде сама по себе социальная активность теряет ценность как общественная практика духовного развития личности и превращается в механизм вторичного управления, точнее подчинения человека принятым рамкам поведения. Именно такая практика взаимоотношения государства с личностью признавалась за правило. Идеалом социальной активности становились глубоко безнравственные поступки и прямые акции, уничтожающие фундаментальные основания мораль Но и

этого казалось мало, следовало, во-первых, перевеет] мораль, нравственность и этику, как философскую дисциплину, исследующую эти феномены, в русло заданных идеологических штампов, во-вторых, посредством этого оказывать постоянное воздействие на нравственную активность личности, с целью сгладить противоречия внутренней убежденности и внешнего несоответствия. Однако это приводило лишь к разрыву этих двух взаимосвязанных и диалектически зависимых сфер деятельности человека, порождало ложную убежденность для внешней демонстрации и глубоко «законспирированную», часто иллюзорную нравственную позицию. Сама личность деформировалась в сфере духовной жизни под нарастающим воздействием внешнего принуждения. Этическая и публицистическая литература последнего времени буквально заполнена описаниями и критикой этого разрыва сознания и действия. В нем усматривают современные трудности раскрепощения внутреннего потенциала человека, его творческого начала для созидательной деятельности. Вообще в застойное время сложилась целая группа устойчивых стереотипов по данной проблеме, которая, видимо, и сегодня продолжает в неявном виде довлеть над сознанием личности. Например по вопросу нравственной активности главное упущение было связано с полным подчинением ее направляемой? социальной активности. Между тем, из практики и теории предшествующих поколений, особенно из философии марксизма, было хорошо известно, что сама по себе социальная активность, не опирающаяся на ценностно ориентационные и познавательные основания, представляет, попросту говоря, рутинную, механическую, нетворческую деятельность, «рабский труд», — как охарактеризовал бы это К. Маркс. Такой механический труд даже опасен, ибо общество, построенное на таком

способе производства, безусловно должно скатиться в застойность, а затем и деградацию. Эта проблема напрямую снижена с ролью творческого начала во всех сферах деятельности личности. Выборочная степень допустимости творчества по областям социального и иного знания приводит к неодолимым противоречиям в жизни и духовным коллизиям личности. По сути дела речь идет о сознательном или бессознательном вычеркивании целого пласта сущности человека, может быть, самого значительного. Творческий характер сущности человека означает, в первую очередь, развивающийся характер всех сфер его деятельности, что касается и ценностно-ориентационной деятельности. Ее развитие и определяет диалектический характер проблемы соотношения нравственной и социальной активности, ибо подвижный, живой, человеческий стимул постоянно продвигает это соотношение дальше под влиянием расширяющейся практики. Но кроме того, на нравственную активность личности оказывает постоянное воздействие, тесно переплетаясь с ней, весь комплекс форм общественного сознания, поступающий через каналы обучения и воспитания. Культура, наука, религия, право, политика, искусство и т.д. создают широкое интегративное поле взаимодействия и нравственной активностью личности. Как известно, нравственные основания личности фундируются ее сознанием, чувствами и волей, именно поэтому в моральном синтезе как бы присутствуют «следы» всей духовной и материальной деятельности человека. Интеграционный характер нравственной активности человека проявляет свою роль в детерминации социально-преобразующей деятельности, во-первых, как определенный исторический опыт предшествующих поколений, проверенный практикой, во-вторых, как ценностно-значимое, мировоззренчески содержательное

указание предпочтительных действий. В этом проявляется как бы коллективный исторический опыт человечества, но есть и другая сторона – индивидуальный опыт самого человека как творца и реализатора своей человеческой сущности. Вопрос о личности, индивидуальности вообще один из узловых моментов проблемы, так как без понимания индивидуальных характеристик человека невозможно разобраться и механизме взаимодействия внутренней и внешней активности. В «этике застойного времени» все было наоборот: происходил размыв индивидуальной нравственной активности за счет коллективистских устремлений. В этих условиях почти не выделялась роль самосознания личности, человеческого достоинства в детерминации преобразующей деятельности. Этика приобретала все больше догматический характер, который всю проблематику личности сводил к служению обществу. Но и под самим этим обществом, в конечном итоге, подразумевался административно-командный аппарат. Любопытно, что в застойные годы этот аппарат превратил этическую проблематику в узкую вотчину своих корыстных интересов. В этой связи официальная этика вообще предпочла заявить об отказе от связей со всей мировой историей развития этического знания домарксистского периода, от всех исторических форм нравственности, провозглашая свою, особую мораль развитого социализма, в которой специально подобранные и слаженные цитаты классиков должны были подкреплять правоту данной морали в ее претензиях называться марксистско-ленинской. В этой этике не было места проблеме объективных и субъективных противоречий, которые не только порождают вопросы, но и способствуют дальнейшему развитию нравственной проблематики. Реальная жизнь требовала анализа этих противоречий, выявления их регрессивного и прогрессивного воздействия

на мораль, а официальная этика их вообще не замечала или же списывала на пережитки прошлого.

Итак, можно подвести некоторые итоги, которые выявят изменения, необходимые для возвращения этике ее истинного предназначения. Мораль, нравственная активность личности представляют собой форму исторического развития культуры, т. е. выступают как феномены культуры, понятой в широком контексте ее духовного и материального начала. Нравственная активность может пониматься только как индивидуальный, личностный акт, характеризующий творческое начало, самовыражение сущности человека и заложенных в нем потенциалов. Как определенный исторический опыт человечества, мораль входит неделимой составной частью в мировоззрение, осуществляя взаимосвязь современных проблем опытом их разрешения. Как определенный подход к решению ценностно-ориентационных, познавательных и преобразующих задач, нравственность, должна обладать и методологическими функциями. Вместе с тем, нравственность, давая санкцию на потребные предстоящие действия, должна обладать прогностическими функциями, взаимосвязывать не только настоящее с будущим, но подводить под эту взаимосвязь опыт прошлого. Прогностическая функция нравственности, хотя и уступает по понятным причинам научному предвидению, и же в ряде случаев может быть точнее, или скажем, более целенаправленно «заглянуть» в будущее. Дело, отчасти, состоит в том, что нравственный прогноз включает в себя желания, интересы человека, в то время как научный прогноз более склонен к предвидению объективного хода развития событий. Как бы то ни было, прогностическая функция нравственности является чрезвычайно нужным инструментом в ценностно-ориентационной деятельности человека и способна оперативно связывать новые области познания с

моральной проблематикой. Именно на эту сторону следует обратить внимание, так как в последнее время разрастающееся научное познание в условиях взаимосвязанных процессов интеграции и дифференциации знания требует постоянного взаимодействия с проблемами этики. Можно сказать, что мы являемся свидетелями ситуации, при которой постоянно нарастает значение ценностно-ориентационной деятельности человека. Не случайно в философских исследованиях различных направлений все чаще звучит мысль о необходимости пересмотра мировоззренческих и методологических принципов научного познания в сторону большего его наполнения гуманитарным содержанием.

Проблема соотношения нравственной и социальной активности от узкоэтической становится общечеловеческой проблемой, имеющей непосредственно практическое значение при любой деятельности человека.

Ландесман П. А.

АПИ им. В. И. Ленина

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ, ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ЕЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ДОМИНАНТ

Дальнейшее развитие советского общества, объемлющий перевод нашей экономики на преимущественно интенсивный путь развития, совершенствование общественных отношений, бесспорно предполагает и возрастание социальной активности. В этом находит свое выражение общесоциологический закон, открытый основоположниками марксизма. «Вместе с основательностью исторического действия, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе», — будет расти и объем массы делом которой оно является».¹

Придавая огромное значение раскрытию механизма действия этого закона общественного развития, В. И. Ленин развил его содержание применительно к условиям социализма, открывающего немислимые прежде просторы для сознательного исторического творчества масс. Отмечая единство коренных интересов трудящихся с задачами созидания нового общества, В. И. Ленин подчеркивал закономерную обусловленность неуклонного возрастания «той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем».²

Росту масштабов социальных преобразований в ходе созидания нового общества и расширению соответственно массы социально активных борцов за их реализацию Ленин уделял особое внимание. «...Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, — подчеркивал В. И. Ленин, — тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 2, с. 90.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. т. 2, с. 539-540.

отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов».¹

В современных условиях, когда основательность и темп преобразований в социально-экономической и духовной сферах жизни общества глубоко и всесторонне зависят от деятельного участия широких масс в этих процессах, исследование проблем социальной активности, форм ее проявления, путей и средств дальнейшего развития приобретает первостепенное значение.

Раскрытию истоков, сущности и направленности социальной активности посвящены глубокие исследования в нашем общественном сознании. В них убедительно раскрывается природа социальной активности на основе анализа функциональной и мотивационной структур человеческой деятельности. Правоммерно предложение различать понятие социальной активности в широком, социально-философском и узком, конкретно-социологическом смысле - в этом находят отражение реально существующие проявления как активно-деятельной сущности человека и как мера участия личности в материальной, социально-политической, духовной сферах жизни общества. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что развитие социальной активности является не только средством, но и целью формирования личности.

Из широкого комплекса сторон рассматриваемой проблемы особое внимание заслуживает вопрос ее мировоззренческих доминант, без исследования которого невозможно раскрыть сущность социальной активности.

Человеческая жизнедеятельность не сводима к механической сумме разобщенных поступков, и побуждается она отнюдь не преходящими ситуациями или мимолетными мотивами. Она представляет собой целостную и

¹ Там же, т. 42, с. 140.

чрезвычайно сложную систему актов, образующих внутренне сцементированную линию поведения.

Управление своей жизнедеятельностью предполагает не только умение выдвигать близкие и отдаленные цели, пели дня и цели жизни, но способность к их иерархизации, определению различий между ними по их значимости.

Социальная активность может, разумеется, глубоко и ярко проявляться в достоинстве и принципиальности отдельного поступка, а не только в идейно-нравственной монолитности генеральной линии поведения: в системе ценностных ориентаций деятельности существует диалектическая взаимосвязь между этими двумя уровнями принятия решения и реализации его — в поступке и линии поведения. Вместе с тем важно учесть, что этим двум уровням ценностных ориентаций присуща неодинаковая природа мотивирования, им присущи разные способы формирования и механизмы действия. Именно это обстоятельство обуславливает необходимость особо выделить вопрос о мировоззренческих доминантах социальной активности.

Мировоззрение, направляя духовную жизнь личности, класса, общества, представляет собой синтезированный результат осмысления мира, социального бытия. Помимо философских взглядов, оно объемлет и убеждения людей, их знания и представления о своем месте в мере и своем отношении к нему.

Ахмедли Дж. Т., Гусейнова Л. А.

БГУ, Институт социально-экономических проблем
**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРЫ ТРУДА И ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ
ЛИЧНОСТИ**

Важнейшей характеристикой культуры труда является социально-психологическое состояние производственного коллектива, проявляющееся в характере наиболее устойчивых социальных установок, позиций, ценностных ориентаций и других феноменов сознания, а также в характере межличностных, внутриколлективных отношений, в формах и способах общения. Естественно, что все эти феномены сознания, межличностные отношения находятся в разных коллективах на различных уровнях развития, и в этой связи можно говорить о социально-психологической культуре коллектива, отдельной личности как об одном из ответвлений культуры труда. Важнейшим элементом социально-психологической культуры труда является социально-психологический климат.

Социально-психологический климат коллектива является одним из решающих условий преодоления тех психологических барьеров, которые мешают развертыванию, реализации и развитию огромного творческого потенциала как отдельной личности, так и целых коллективов. Критерием здорового социально-психологического климата является преобладание атмосферы взаимопонимания, уважительного отношения к человеку, духа творчества, сочетающегося с высокой внутренней дисциплиной, принципиальностью и ответственностью, с требовательностью к себе и к другим. Исходя из этого критерия оценки социально-психологического климата в коллективе, нами были проанализированы материалы

социологического исследования, в одну из задач которого входило выяснение влияния различных компонентов климата на уровень трудовой активности личности.

Приведем некоторые результаты исследования¹.

Прежде всего отметим, что 68,9% опрошенных определили трудовую активность на низком уровне. В коллективах, где они трудятся, отсутствуют товарищеские взаимоотношения, взаимопомощь и сотрудничество, процветают эгоизм, индивидуализм, угодничество перед руководителем, т. е. весь тот комплекс отрицательных социально-психологических механизмов, которые сегодня серьезно тормозят процесс роста трудовой активности субъектов производства.

Важным социально-психологическим фактором формирования трудовой активности коллектива является такой элемент социально-психологического, как взаимоотношения членов коллектива. Суть вопроса в том, что межличностное общение выступает как условие существования и одновременно как потребность человека, и если человек испытывает на себе негативное отношение окружающей социальной среды, то, как следствие, у него эта потребность «затухает», уступая место психологической замкнутости, одиночеству, чувству неудовлетворенности и даже вражды. И здесь возможны два случая. В первом из них человек в подобной ситуации становится индифферентным, он апатичен в отношении к труду и делам коллектива, уровень его культурно-трудовой активности весьма низок. Для второго случая характерна так называемая минусовая активность индивида, направленная на поступки и действия, наносящие пред

¹ Исследование было проведено на 35 предприятиях промышленности с охватом 3500 человек. Результаты его отражены в научном отчете: Показатели социального развития трудящихся Азербайджанской ССР. – Баку, 1987.

коллективу и тормозящие рост культуры труда субъектов производства.

Далее, высокая степень включенности индивида в общение с коллективом в социально-психологическом плане, как показало исследование, является важным фактором эффективности коммуникативной деятельности как необходимого условия повышения трудовой активности коллектива. При этом весьма существенную роль играет социальный контроль, самоконтроль. Поскольку продуктом общения индивидов со своими коллективами является познание, то, очевидно, ухудшение социально-психологических условий общения отрицательно должно сказаться и на развитии сознания. Ибо сознание «есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и особенно ограниченной связано с другими лицами...»¹, и нарушение этой связи естественным образом ведет к ограничению возможностей развития сознания индивида со всеми вытекающими отсюда последствиями: как способ проявления человеческой сущности, как условие человеческого существования и как ограниченная человеческая потребность, общение индивидов со своими коллективами перестает играть роль во всех указанных качествах в процессе развития " трудовой активности личности.

Если коллектив плохо относится к какому-то своему члену, то зачастую возникающая обратная реакция индивида такова, что он перестает считаться с мнением самого коллектива. Разумеется, это не улучшает, а напротив, серьезно ухудшает социально-психологическую атмосферу развития трудовой активности коллектива. Так, 56,3% лиц, которые не считаются с мнением своего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.29

коллектива, дали самую низкую оценку уровню трудовой активности последнего. Таковых среди лиц, считающихся с мнением коллектива — 27,9%. Соотношение — 2:1.

Таким образом, коллектив из-за невнимательной нечуткого отношения к отдельным своим членам, их повседневным нуждам несет значительный моральный урон. О высоком уровне трудовой активности может идти речь только лишь в отношении того коллектива, где прочно утвердилась эмоциональная непосредственность в гармоничном сочетании с устойчивой ориентацией на ценности социалистического образа жизни.

Одним из существующих противоречий в современном общественном развитии является то парадоксальное положение, когда, с одной стороны, набирают силу тенденции перестройки, а с другой — происходит усиление тенденции к накоплению и обострению социальных проблем, доставшихся, так сказать, в наследство от застойного времени. Так вот, зачислив эти проблемы в категорию «застойных», почему-то пытаются от них отмахнуться. Одной критикой дело не поправишь. Между тем эти проблемы столь же социально злободневны, как и проблемы, порожденные в ходе обновления социализма, и от решения их в наибольшей мере зависит судьба перестройки. Одной из таких проблем и является проблема, связанная с дестабилизирующим влиянием возникающих в производственных коллективах конфликтных ситуаций на уровень трудовой активности субъектов производства. Самоочевидно, что в коллективах, где часто случаются конфликты, отсутствует дух товарищеской взаимопомощи и сотрудничества, там вряд ли имеются условия и возможности для активного решения вопросов культуры труда, ибо для этого необходимы такие предпосылки, как хорошее самочувствие, психологический настрой и взаимопонимание между членами коллектива. Так, 16,7%

опрошенных лиц, которые постоянно находятся в состоянии конфликта с членами коллектива, дали крайне низкую оценку уровню трудовой активности и в то же время более чем в 2 раза меньше таких оценок среди тех, кто трудится в коллективах, где отсутствует конфликтная ситуация.

В исследовании были вскрыты и другие аспекты проблемы. Однако в рамках статьи не представляется возможным их полное изложение. В целом же отметим, что анализ различных социально-психологических факторов развития трудовой активности субъектов производства позволил заключить, что и в современных условиях в производственных коллективах проявляют себя множество негативных явлений, ухудшающих атмосферу межличностных отношений. Совокупность этих явлений отражает по существу уровень социально-психологической культуры как руководителей, так и подчиненных. Стало быть, исходной социальной проблемой в ходе обновления жизнедеятельности производственных коллективов является также проблема становления и развития социально-психологической культуры как составной части культуры труда субъектов производства.

Лемберанская Л. М.

БГУ им. М. Э. Расулзаде

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ХАРАКТЕРА

В процессе перестройки нашему обществу предстоит преодолеть трудности не только экономического, но и нравственного характера. Утрата нравственных идеалов, подмена истинных, общечеловеческих ценностей узкоклассовыми критериями, «двойная» мораль оказывают развитие общества не менее, а может быть даже и более разрушительное воздействие, чем низкие производственные показатели. Без общего подъема нравственного уровня людей нам не решить экономических задач, так как сама цель улучшения материального благосостояния народа и средства ее достижения не должны быть безнравственными,

Нравственная культура общества не определяется директивами сверху. Она обусловлена, с одной стороны, политической и экономической структурой общества, а с другой — уровнем развития личности. В то же время формирование личности, ее характера во многом определяется уровнем нравственной культуры общества. Каждое общество, несмотря на бесконечное многообразие личностей, его составляющих, продуцирует определенную направленность человеческих характеров, общую тенденцию их развития, что дает возможность говорить об историческом или национальном характере.

Чтобы раскрыть взаимообусловленность нравственной культуры общества и формирования характера личности, обратимся к понятию характера. Прежде всего, разграничим понятия «личность» и «характер», которые не являются тождественными, но часто употребляются как синонимы. Личность — это универсальное понятие,

характеризующее человека в целом, но главным образом, как члена общества, со стороны его общественных отношений. Характер же представляет собой способ отношения человека к действительности, включает систему отношений и способ их осуществления. Личность — более широкое понятие. Если каждое свойство характера является свойством личности, то не всякое свойство личности есть в то же время свойство характера. Для того, чтобы черта личности могла рассматриваться как свойство характера, она должна быть не только отчетливо и стойко выражена, но и закономерно и систематически проявляться не в одном, а в различных видах деятельности данной личности. В характер входят только такие стойкие свойства личности, которые обуславливают особенности ее социальных взаимоотношений, в нем подразумевается сравнительно постоянная направленность личности, стимулирующая человека в каждой измененной среде поступать в соответствии с его внутренней природой.

Характер не относится к числу генетически заложенных качеств человека, но тем не менее в его формировании большую роль играют такие врожденные качества личности, как темперамент и способности. Можно сказать, что характер является связующим звеном между психикой человека и его мировоззрением, единством биологического и социального, сознательного и бессознательного.

Какие стороны характера являются социально обусловленными, зависимыми от нравственной культуры общества? В характере каждого человека можно выделить его динамичную и содержательную стороны. Динамическая сторона характеризует то, насколько человек проявляет энергию и неутомимость, насколько он проявляет уравновешенность в поведении, гибкость, динамичность и т.п. То есть это те функциональные, энергетические возможности, которые определенным способом

называются на деятельности индивида. Содержательная же сторона выражает конкретную направленность личности и ее поведения и представляет собой систему парализованных мотивов. Если задатки динамических особенностей характера имеются уже при рождении в виде свойств нервной системы, темперамента, то содержательная сторона складывается прижизненно и во многом обусловлена совокупностью социальных явлений (общественные отношения, идеология, моральные нормы, особенности семейного воспитания, обучения и т. д.).

Как складывается направленность личности? Характер можно определить как отражение в индивидуальном сознании общественного бытия человека. Основным мощным поведением человека являются потребности. Удовлетворение этих потребностей у каждого человека происходит по-разному, в зависимости от его социального окружения, моральных норм и т.д. На основе частой встречи потребности и соответствующей ей ситуации у личности фиксируется установка, то есть определенный способ отношения к предметам, общественным явлениям, самому себе и т. п. Характер является способностью актуализации фиксированных установок большой личностной ценности. Поэтому в огромной степени он связан с той системой ценностей, которые складываются в сознании человека и куда входят все виды общественных ценностей. Таким образом и происходит социализация характера, потому он и является отражением общественного бытия в индивидуальном сознании человека.

Особо важную роль в формировании характера играют ценности высшего порядка, то есть понимание смысла жизни, так называемые стратегические, перспективные ценности. Личность, теряющая нравственные ориентиры, оказывается без опоры, неустойчивой, теряет свое «Я».

Отсюда и слабохарактерность, бесхарактерность, так часто встречающиеся в нашей жизни. Человек, не видящий смысла жизни, не нуждается в качествах, необходимых для защиты высоких идеалов, и потому они отмирают за ненадобностью, «без тренировки» не превратившись в черты характера личности, в ее генерализованные установки. Благотворное влияние на социальную активность характера оказывают процессы демократизации общества, укрепление основ социалистической законности, гласности, расширение прав личности,

Муслумов Р. И.

Институт философии и права АН Азербайджана

**ИНТРОВЕРТНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ
«КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНИ» ЛИЧНОСТИ**

Грандиозность перемен, происходящих в жизни нашего общества, все более настойчиво требует отхода от прежних взглядов на него, ликвидации несоответствия теоретических представлений реальным процессам. Масштаб и качество этих несоответствий оказались слишком большими, чтобы можно было надеяться на безболезненную ликвидацию сложившегося «практико-теоретического» барьера. Общественная наука оказалась в непривычных условиях, когда, не просто в сферу исследования вовлекаются новые явления, скажем, бывшие «зоны вне критики» или «белые пятна» истории, но меняется точка зрения на них, становясь все более адекватной сущности процессов и менее идеологизированной. Во весь рост: встает задача ревизии всего наработанного нашим обществом знанием и многое будет отринуту из того, что десятилетиями считалось незыблемым. Рано еще претендовать на разработку концептуальных моделей общества, тем более, что осталось множество проблем, ждущих своих исследователей, в том числе «сквозных» вне которых затруднительно составить достоверную социальную картину. К подобным проблемам относится весь комплекс, напрямую связанный с внутренним миром личности и путями его выхода вовне. Сюда входит анализ индивидуального уровня детерминации человеческой деятельности, структуры и ориентации ценностей, предпочтений и притязаний, жизненных планов, короче, всего того, что включается в субъективную сторону образа жизни личности.

Вовлечение индивида в общественные структуры от-

нюдь не ограничивается просветительским аспектом социализации, усвоением принципов человеческого общежития, а представляет собой освоение общественных отношений, требуя от индивида самодеятельной активности, вне которой невозможна интериоризация социума, присвоение родовой человеческой сущности. По своей направленности индивидуальная активность в самом общем виде может быть классифицирована на внешнюю, фиксируемую преимущественно в мировоззрении, и внутреннюю—в «концепции жизни» личности. Между ними нет «берлинской стены», более того, они взаимополагаются, сохраняя в то же время свою направленность, будучи экстравертным и интровертным аспектами субъективной стороны процесса становления, функционирования и развития личности. Этот процесс осуществляется на перекрестке внешнего, социального воздействия на индивида и его личного, интимного саморазвития. Последний канал непосредственно восходит к «концепции жизни» личности — категории, хотя и недостаточно разработанной, в значительной мере метафорической и не вполне строго очерченной, однако эвристически способной высветить некоторые внутренние детерминанты личностного развития и их реализацию в деятельности.

Применительно к рассматриваемой проблеме под «концепцией жизни» личности понимается некоторое тождество элементов — личные установки индивидов, их представления о себе и окружающих, своем месте в жизни, программа ближайших и отдаленных действий на основе выработанных в течение жизни ценностных приоритетов и предпочтений, жизненно-смысловых ориентиров в целом и их более или менее детальной конкретизации, шкалы ценностей и идеалов... Элементы эти настолько разноуровневы и нерядоположенны, что отсутствует возможность их выстраивания в определенной линейной

последовательности и по единому основанию; объединяет же эти элементы одно—все они находятся под крышей» личности и в этом своем качестве выходят шире, детерминируя ее деятельность. Правда, такой роли «концепции жизни» не так уж мало, чтобы оставить попытки ее автономного анализа. В обыденном понимании «концепция жизни» вполне укладывается в формулировки «житейской мудрости», как правило, не только не совпадая, но зачастую разительно контрастируя о предписанными «сверху» характеристиками личности круг которых особенно рьяно декларировался в самое недавнее время. Рецидивы впрочем, еще не преодолены вспомним обращения ГКЧП... К числу характеристик «спускаемых сверху», относились и «активная жизненная позиция», и «самоотверженный труд», и «политическая сознательность», и «патриотизм» вкупе с «интернационализмом» и мн. др., которыми едва ли кто оперирует в действительности за исключением замшелых фарисеев. «Закавыченные» выше понятия просто органически чужды «жизненной концепции», представляющей собой «антипонятийный» конструкт чувственно конкретного и глубоко интимного среза; если «концепция» и декларируется, то только в самом узком кругу поскольку предназначена для собственного употребления, да и то не всегда адекватно осознается, а скорее постигается интуитивно-эмпирически.

«Концепция жизни» личности как «мировоззрение обращенное вовнутрь», имеет самый непосредственный выход на поведение, каждодневную деятельность, являясь наряду с объективными условиями и общественными предписаниями, личными потребностями и иными социальными регламентами, ближайшей внутренней детерминантой. Это выражается и в том, что когда «концепция жизни» входит в противоречие с

перечисленными факторами, именно ей отдает предпочтение личность (разумеется, в случае представления ей реальной возможности самостоятельного выбора в противном случае имеет место так называемая бинарность сознания со всеми вытекающими последствиями — разрывом между словом и делом, девиантным поведением, деструктурированием целостности личности и т. д. Впрочем, и эта бинарность включится в «концепцию жизни» и даже весьма органично!). Говоря о «концепции жизни», следует учитывать ее явно выраженный рефлексивный характер что необходимо принимать во внимание, рассматривая возможные способы и направления ее переориентации. Если «обыкновенная» рефлексия заключается в том, что поступок, действие, деятельность становятся самостоятельным предметом сознания, оставаясь в первом ранге рефлексии, то рефлексивность «концепции жизни» в целом выражается еще в большей степени. Она отнюдь не ограничивается первым рангом, охватывающим предметную деятельность личности, но проникает много глубже, поскольку и самая «концепция жизни» также становится объектом рефлексии ее личности. Следовательно, рефлексивный объект сам в свою очередь становится отрефлексированным, повышая ранг рефлексии. Личность не только осмысливает собственную жизнедеятельность в целом и отдельные свои действия, но вовлекает в сферу осмысления также систему и механизм этого осмысления, хотя, разумеется, не в теоретическом аспекте, а интуитивно — через «жизненную концепцию» и обращение к ее элементам. Многое, конечно, здесь зависит от степени развития способностей каждого к рефлексии, но эти различия едва ли могут поставить под сомнение данный вывод, а скорее свидетельствуют о наличии индивидуальных «разбросов» способностей тех или иных

субъектов и порогах восприятия ими действительности. Сложность, иррациональность и произвольность расположения элементов «концепции жизни» и «завышенность» рангов рефлексии не стоит однако избыточно переоценивать — в ней наличествуют также и упорядочивающие структуры, в первую очередь, индивидуальная шкала ценностей, их рейтинг — аксиологическая основа переориентации предпочтений субъекта.

Общество в целом не может индифферентно относиться к «жизненным концепциям» своих членов. Однако путь прямого идеологического вмешательства в жизнь и сознание индивидов доказал свою относительную эффективность лишь в построении «красноказарменного социализма» с его игнорированием личностного богатства и культивацией тотального недоверия к человеческой индивидуальности, не говоря уже об инакомыслии, которое рьяно подавлялось и не только идеологически. Только на пути обеспечения реальной свободы людям в их естественном стремлении строить себя и свою жизнь можно вернуться к магистральному направлению человеческой цивилизации, переориентировать «концепцию жизни» каждого в соответствии с принципами гуманизма.

Алавердова Л. Л.

Институт философии и права АН Азербайджана

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ: ТРАГИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛИЗМА

В собственном, «чистом» виде нравственное творчество – явление чрезвычайно редкое. Реальное его существование как бы «растворено» в жизни, социуме и проявляется почти исключительно анонимно, «задним числом» и «явочным порядком». И все-таки оно существует! В нелегкую, трагическую пору социального и национального неблагополучия, когда всё и вся вопиёт, по меткому выражению известного ученого, можно и должно говорить об «экологии нравственности», о глубинах падения человеческого духа, равно как и о его нравственных вершинах. Без нравственности в любых — высоких или низких ее проявлениях — жизнь «опресняется», лишается самой человеческой сущности, дегуманизируется, превращаясь в пресловутый «способ существования белковых тел»... Именно нравственное творчество способно вернуть смысл жизни, преодолеть диктат внешних, чуждых человеку трагических обстоятельств, реализовать лучшие стороны своей натуры.

Как влияют те или иные условия на нравственное творчество личности? Прекрасно сознавая глобалистичность и, следовательно, невыполнимость самой постановки вопроса о всем комплексе внешних условий (тем более — в жестких тезисных рамках), сосредоточим внимание исключительно на экстремальных условиях нравственного творчества как на составной части специфической триады: экстремум — норма — идеал. В качестве предварительной гипотезы рискнем высказать предположение, что экстремальные условия способствуют

выявлению нравственного творчества, т. е. на войне, при пожаре, наводнениях, землетрясении и пр. социальных и стихийных бедствиях имеет место массовый героизм. Поскольку, однако, упомянутые бедствия не зависят от собственно социального строя, попробуем на центр исследования ввести «типично социалистическое явление»: а именно — советские концентрационные лагеря; в качестве же источника воспользуемся «Колымскими рассказами» В. Шаламова — человека, о котором в краткой аннотации к упомянутой книге сказано: «Писатель семнадцать лет провел в сталинских лагерях «Колымские рассказы» не только своеобразная энциклопедия лагерной жизни, но и книга о мужестве и достоинстве человека». Учитывая, что в отечественной этической литературе наблюдается вполне объяснимый дефицит исследований, обращенных к экстремальным условиям человеческого существования, а моралеведческие же изыскания исключительно проводились на базе стабильного социума, то, видимо, более подходящего источника, чем проза В. Шаламова, не найти. Разумеется, автора интересуют не сами по себе устройство и условия лагерного и тюремного содержания, но их нравственный срез, их сопряжение с моралью. «Новая проза» В. Шаламова насквозь документирована, абсолютная правдивость повествования позволяет рассматривать рассказы как идеальный материал для исследований подобного рода, пусть даже вопреки мнению самого писателя, отрицавшему познавательное значение собственных произведений.

Итак, что дает социалистический концентрационный исправительный лагерь для морального творчества обитателей? как он влияет на нравственную жизнь личности? как лагерь выпрямляет нравственность?

Главная мысль писателя, опровергающая фальшивую сентенцию «люди остаются людьми», и проходящая через

все его произведения — прямо противоположна: в лагерях люди людьми не остаются, лагеря созданы вовсе не для этого! Вся лагерная жизнь рассчитана на низведение личности до растительного, биологического существования, на дегуманизацию, росоциализацию, расчеловечивание ее. Человек низводится до положения скота, раба, вещи; процесс этот начинается уже на воле, набирает обороты в момент ареста — вспомним «В круге первом» А. Солженицына. Лагерь лишь логически довершает его — ведь не каждому удавалось вырваться на волю, не говоря уже о «нравственном перерождении»...

Лагерная мораль находится под доминирующим растлевающим влиянием морали блатного мира. Еще бы — социально близкие! Мораль в лагере представляет собой причудливую мешанину из уголовной морали, из догматически зазубренных принципов новоизобретенных социализмом и приписываемых пролетарскому классовому чутью, а также фрагментов и осколков общечеловеческой, житейской и религиозной морали. Лагерная мораль — мораль блатного мира — это, в сущности квази-мораль, растлевающая душу каждого, кто с ней соприкоснется.

Лагерь наглядно показал, как скоро неудовлетворенные физиологические потребности подавляют и вытесняют социальные, духовные, нравственные потребности личности. Происходит полный переворот в иерархии ценностей, даже жизнь перестает восприниматься как ценность. Весь лагерный опыт внушает отвращение к жизни, к людям, оставляя лишь жажду удовлетворения самых элементарных животных потребностей. Лагеря показали, что человек может выдержать больше, чем животное, но выживание дается ему ценой утраты человеческой сущности. Эта сущность оказывается непосильной обузой, препятствующей выживанию. Происходит естественная девальвация и утрата нравственных чувств: жалости,

сострадания, дружбы, любви...

Прежняя мораль полностью утрачивает свою силу. Воцаряется культ грубого принуждения, насилия. Человек перестает ощущать себя субъектом, превращается в объект чужого насильственного влияния. Утрачивается чувство ответственности, требовательности к себе, критичности. Растет уровень конформности и апатии. Внутриличностные контрольно-императивные механизмы, обеспечивающие индивидуальную моральность, подавляются извне — социальным окружением и нравами лагеря, и изнутри — снижением жизненного тонуса, физическим упадком, деструктурированием личности. В необратимом процессе расчеловечивания остается только сущее. Должное позабыто или представлено фрагментарно, подавлено, подавляемо.

Совершенно очевидно, что подобные условия никак не способствовали гуманизации межличностных отношений; человечность вообще в лагерях редкая гостья. Растянутые на долгие годы отсидки условия лагерной жизни закономерно порождали безысходность, истощали и губили остатки нравственных чувств, вели к нравственному вырождению. Люди не просто не могли оставаться людьми: перед ними вставала во весь рост неосознаваемая трагическая дилемма — выжить, став животным, или погибнуть человеком в первые дни...

Наша сегодняшняя действительность, занимающая промежуточное место между экстремумом и нормой (похоже, это привычное и естественное для социалистического общества положение), предлагает нам явления, сходные с шаламовскими картинками. То же всеобщее озлобление, подпитываемое скудостью повседневного существования, вернее борьбой за существование. То же пролетарски-уравнительное стремление к справедливости», реализуемое в посягании на кусок изо рта ближнего, в

боязни, как бы кто не стал жить лучше его. И — та же всеобщая апатия к духовным ценностям, понижение порога нравственных ощущений, притупление и потеря нравственных чувств. Обесмысливается бескорыстный труд, теряет сакральный смысл идеологическая догма, а вместе с ней — и моральный авторитет. Отношения приобретают характер морального отчуждения. Конечно, нельзя забывать об относительной самостоятельности морали, духовной жизни вообще по отношению к экономике и политике общества. Но самостоятельность относительна, а зависимость абсолютна. Это трагично подтверждено всем лагерным опытом социализма. Экстремальные условия, а общество наше три четверти века отдало им, создавая предпосылки для нравственного творчества, одновременно препятствуют массовидности этого творчества, хотя идеология всю трубила об обратном. Для нравственного творчества, скорее, нужны обычные цивилизованные условия. Чем свободнее и цивилизованнее общество, тем скорее личность обретает в нем поддержку в самых благородных и гуманных устремлениях.

Багирова С. С.

Институт философии и права АН Азербайджана

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА

Переломные моменты истории связаны с переосмыслением духовного содержания жизни, одной из важных составляющих которой является искусство вообще и киноискусство в частности. Основной акцент этого переосмысления связан в современных условиях и с новым пониманием творческого метода в искусстве. Таким методом у нас до недавнего времени провозглашался метод «социалистического реализма». Но коренное изменение «нашей точки зрения на социализм» не могло не поставить вопроса и об изменении наших представлений о методе художественного творчества. И это вполне естественно. Если видоизменяются наши представления о социализме, то в стороне от этого процесса не может оставаться ничего из того, что несет в себе черты этого общества, включая сюда, разумеется, и понимание метода творчества в искусстве.

Тот социализм, который мы прожили за 70 лет пашен истории и который мы называем теперь казарменным (лагерным), командно-административным, бесправовым (ибо только сейчас ставится вопрос о переходе к правовому государству), застойным и т. д., был таким не только в сферах, скажем, экономики и политики. Эти его принципы распространялись на все без исключения стороны жизни, в том числе и на искусство. Здесь можно отметить и то, что произвольно-волюнтаристский и человекоподавительный, скажем так, механизм управления социальным процессом, как он имел место в системе командно-административного социализма, особенно жестоко сказывался на духовной сфере, в фокусе которой во все времена находилось

искусство. Поэтому все те трудности и лишения, через которые прошло общество, испытало и искусство. Трагизм жизни оказался и трагизмом художественного мышления.

Под перестраиваемым ныне социализмом понимался общественный строй с фактическим отречением от человека, от настоящей, реально существующей жизни, принесением стремления к нормальным человеческим благам в жертву мифическому «светлому будущему». Такое понимание социального назначения человека и путей исторического прогресса, будучи перенесенное на почву художественного сознания, собственно, и сформировано метод «социалистического» искусства, поименованный методом «социалистического реализма». Под «социалистическим реализмом» стал пониматься такой метод однозначного-прямолинейного отражения действительности в искусстве, который непосредственно ориентировался на догматические установки господствующей идеологии, воспринимаемые под углом их преломления в текущих партийных документах. Поскольку у истоков этих решений стоял сам вождь, то искусство заняло фактически коленапреклоненную позицию перед вождем, а после него — аппаратом власти. Из искусства выпала его главная фигура — человек, а на передний план выступило то, как им управляют в целях строительства «нового общества», а еще точнее, — то, как строится это общество, в котором человек-винтик «преодолеывает» «одну высоту за другой», ведомый умелой рукой «мудрого» вождя или команды управления.

Так как больше в мире такого общества нигде не строили и таким способом человека не вели «до цели», то художественный метод нашего искусства фактически стал средством все большей изоляции нашей культуры от культуры мировой цивилизации. В итоге мы стали противопоставлять себя человечеству не только в

экономике и политике, но пытались добиться того же и в сфере искусства и духовной жизни в целом. Именно в этом надо видеть основное предназначение «социалистического реализма» как метода творчества в нашем искусстве. То, что ость «социалистический реализм» переносил наши представления о мире и истории на сферу художественной жизни. Он проводил «линию партии» в искусстве. Тем самым линия на общечеловеческое в искусстве была подменена линией партократии. В этом смысле возврат искусства на почву общечеловеческого содержания связан с отказом от тех принципов, которые видели в нем однозначное идеологическое орудие.

И еще здесь есть одна особенность. Она связана с признаком реализма. «Социалистический реализм» требовал не только реалистического отражения бытия. С этим требованием вполне может согласиться любое искусство, ибо оно не противоречит его целям. Под требованием «реализма» здесь скрывалось нечто другое. Это другое связано с ограничением методов художественного отражения действительности только такими из них, которые допускают художественные образы, строящиеся на эмпирическом, бытовом, так сказать, реализме. Тем самым накладывался запрет на целый пласт художественных методов, с помощью которых можно было бы добиться более яркой художественной убедительности, не сходя с позиций реализма. В свою очередь, эти методы требовали выхода за рамки непосредственного эмпиризма бытия. С их помощью отражение действительности стало бы носить метафорический характер. Они тяготеют к символическому языку, сюрреалистическим образам. Всех их активно использовал авангард, хотя они уже стали проникать и в «реалистическое» искусство (взять, к примеру, фильм «Покаяние» Т. Абуладзе). Такое понимание художественного метода было связано еще с одной

несвободой. Она затрагивает как автора, творца произведения искусства, так и их потребителей. Речь идет о свободе автора в творческом процессе, равно как и о свободе лица в гражданском обществе и восприятии произведения искусства. Автор имеет право творить, не спрашивая на это разрешения ни у властей, ни у кого другого. Это относится ко всем элементам творчества, начиная с выбора темы, приемов и среде и художественного творчества и т. д. Точно также и потребитель художественных произведений обладает совершенной свободой в восприятии произведений искусства, созданных по требованиям самых разных художественных методов. Но «социалистический реализм» здесь все порешил по-своему, поставив с ног на голову как отношение между художником и потребителем художественных ценностей, так и посягнув на собственную свободу каждой из этих сторон.

Широко использовался и такой политический прием, как «осуждение» «неугодных» произведений искусства от имени «рабочего класса», «трудящихся масс». Тем самым из искусства был удален последний намек на возможность несогласия с господствующей идеологией и текущей политикой властей. А все, что осталось, стало именоваться «искусством социалистического реализма».

Разумеется, не все, что создавалось в искусстве в годы командного социализма, ложилось однозначно в прокрустово ложе метода «социалистического реализма». Мир правды и общечеловеческой жизни создавался эзоповским языком как в рамках самого искусства «социалистического реализма», так и за его пределами. Так, за рубежом продолжалась художественная деятельность таких мастеров кино, как А. Тарковский, А. Михалков-Кончаловский и др.

В этом плане в соответствующих изменениях нуждается

и подход к литературной классике в случае ее экранизации. Надо отказаться переделывать произведения литературы в такие произведения киноискусства (телеискусства), которые носят исторически неадекватный характер, перенося на сами эти произведения черты героев нашего времени и слегка маскируемые наши политические и социальные идеалы. Разумеется, момент общечеловеческого связывает между собой все этапы истории, тем более если они являются этапами жизни одной страны, одного народа или культуры. Но при всем этом момент конкретной историчности не только не стирается, а выступает еще более рельефно. Поэтому очень неуклюжую услугу оказывают литературной классике те ее интерпретаторы (экранизаторы), которые, так сказать, расширительно трактуют верный сам по себе принцип ее прочтения «глазами современника». Действуя бесталанным и механическим образом, они пытаются вложить в классику современное историческое содержание — политическое, социальное, нравственное, культурное и т. д., которого у нее, естественно, нет и не могло быть. Раньше это еще «как-то могло быть оправдано» ссылками на метод «социалистическому реализма», будто-де «вся история движется к коммунизму», потому и художник «может» подправить историю «в требуемом» направлении. Сегодня мы рассуждаем иначе. Поэтому и акценты в экранизации делаются более адекватными. На первом месте здесь стоит требование адекватного исторического воспроизведения столь же адекватными художественными методами, в системе которых есть все то, «что считает необходимым сам художник. Ориентиром при этом служит сам человек и все то, что им достигнуто в системе мировой цивилизации. Вот такое отражение действительности и лежит в основаниях метода современного киноискусства (и искусства вообще)...

Шейх-заманова Н. М.

АзИНЕФТЕХИМ им М. Азизбекова

ИСКУССТВО И НРАВСТВЕННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

На протяжении всей истории художественная культура рассматривалась как непреходящая ценность, аккумулирующая нравственный опыт человечества. Через освоение и умножение этого опыта выявлялся смысл человеческой жизни, утверждалось человеческое в человеке. «Предметно-развернутое богатство человеческого существа» наиболее концентрированно проявляется в искусстве. Исторически сформировавшись, искусство становится самой яркой страницей в «раскрытой книге человеческих сущностных сил».

В силу чувственной конкретности художественных образов искусству присуща незаменимая способность воздействовать непосредственно на самые сокровенные мысли и чувства человека. Этическое богатство живого, трепетного поэтического слова не ищет опоры в логической или просветительской сентенции. В этой независимости художественного образа — объяснение эстетической действенности произведений искусства, их огромной преобразующей силы. Именно в этом качестве искусство становится необходимым в жизни общества и приобретает особую актуальность на переломных этапах истории.

В процессе революционного преобразования нашего общества с небывалой остротой встала задача всемерного развития художественной культуры как могучего средства активизации творческих сил народа, его нравственного потенциала. В обществе накопилось много социально-нравственных проблем, и едва ли не первым на эти проблемы откликнулось искусство, ибо в центре его внимания — неизменно человек.

Поиск путей нравственного обновления жизни с необходимостью предполагает свободу творчества. Нравственное основание перестройки готовили именно самостоятельно мыслящие художники (В. Дудинцев, В. Быков, Н. Думбадзе, Ч. Гусейнов, Ф. Искандер, А. Герман, Э.Рязанов...). Обостренное чувство ответственности за судьбы Родины явили нам проникнутые жаждой правды и справедливости произведения В. Астафьева, В. Распутина, Ч. Айтматова, Ю. Самедоглу, И. Мустафаева и других.

Сегодня совершенно ясно, что все богатство нашего многонационального искусства никак не вписывается в метод социалистического реализма. Рожденный в полемике с рапповцами, социалистический реализм, перейдя в литературоведение, стал средством регламентации искусства, инструментом некомпетентного и грубого руководства им. Из культуры вычеркивались такие великие художники, как Б. Пастернак, М. Булгаков, А. Ахматова, Г. Джавид, Д. Шостакович, А. Платонов.

Вместе с тем нельзя отрицать концептуально-эстетическую общность и ценность большого круга советских (Горький, А. Фадеев, М. Шолохов, С. Эйзенштейн) и зарубежных (Б. Брехт, П. Элюар, И. Бехер) художников только потому, что бюрократия использовала социалистический реализм как орудие уничтожения других художественных ценностей.

Сейчас, обращаясь к этому периоду нашей истории, мы глубоко осознаем, что именно тогда вступили в неизбежное трагическое противоборство социалистический идеал, вдохновлявший первопроходцев советской литературы и искусства, и сталинская модель социализма. Отсюда такие явления в творчестве мастеров той «двухслойной» поры, как элементы социального компромисса у Шолохова, идеализация колхозной нови в ранней лирике А. Твардовского, дозированная правда некоторых

по-настоящему талантливых художников (К. Симонов).

Призывы к идейности и палки в колеса действительно идейному искусству — один из парадоксов художественной жизни прошлых лет. Идейность понималась как восхваление нашей реальности. Недлинное же искусство жаждало правды, действительной свободы человека. В прозрениях А. Платонова мы открываем приметы того планетарного гуманизма, которым ныне определяются нравственные критерии миропонимания.

Преодоление классовых узости, идеологических штампов, признание приоритета общечеловеческих ценностей и, как следствие, совершенствование критериев художественной прогрессивности — таковы важнейшие, определяющие тенденции развития искусства. Ждановская политика культурной изоляции и унифицированных вкусов осуждена историей. Сейчас мы стремимся судить о многообразных направлениях искусства более трезво, объективно, отдавая должное подлинному мастерству, бережно присматриваясь к мировому художественному опыту (М. Пруст, Ф. Кафка, С. Дали).

Почувствовавшая реальную силу своего влияния на судьбы страны художественная интеллигенция активно включилась в поиски путей нравственного обновления нашей жизни, демократизации и гуманизации всех ее сторон.

Казумова Г. К.
БГУ им. М. Э. Расулзаде
**РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В
СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДУХОВНОГО МИРА
ЛИЧНОСТИ**

Проблема совершенствования духовного мира личности посредством классического наследия — одна из актуальных проблем современности. Это объясняется наличием в современной эпохе таких социокультурных детерминант, при которых человек приобретает не только возможность, но и потребность во всё более глубоком освоении накопленного веками духовного богатства человечества.

Выработка системы общения человека с классическим наследием, критериев ее духовно-нравственной результативности — объективно сложный процесс. Тем не менее он отвечает потребности общества — формирование субъекта с богатым духовным миром, который совершенствуется в процессе активного и глубокого овладения культурным наследием прошлого

Анализ проблемы совершенствования духовного мира личности в результате приобщения к культуре прошлых эпох, т. е. личностный аспект данной проблемы актуален также с точки зрения перспектив развития общесоциального процесса освоения культурного наследия.

На формирование духовного мира личности в каждый конкретный исторический период оказывают влияние не только духовные ценности того времени, в котором он живет, но и ценностный опыт всего предшествующего развития человечества. Приобщаясь к классическому наследию, в котором интегрируются общечеловеческие духовные ценности, субъект обогащается в процессе распредмечивания результатов исторически пред-

шествующей духовной деятельности. В этом процессе классическое наследие представляет собой в какой-то степени поисковое поле с определенным содержательно-смысловым контекстом, в который погружается человеческая индивидуальность. Прием на качество и содержание воспринятой информации оказывает воздействие сознательная избирательность внимания, выделяющая те объекты, которые признаны им наиболее ценными для личностно-духовного самоопределения.

Из всего спектра богатейшего классического наследия актуализируются те пласты совокупного ценностного опыта человечества, которые в наибольшей степени созвучны ценностным установкам современного человека. В общении с инокультурными историческими эпохами происходит наращивание содержательного аспекта духовного мира, что ведет к качественному изменению и обогащению «собственного культурного тезауруса» (Лихачев Д. С.). В силу определенных условий развития и социального функционирования культуры в современных условиях одной из кардинальных проблем исследователи считают проблему понимания. Понимание в данном случае духовного своеобразия инокультур в исторической ретроспективе является необходимым условием общения личности с культурным наследием. В этом случае немаловажным является вопрос о границах возможной культурно-эстетической адаптации образов, приемов и средств различных исторических культур к современным условиям, к уровню развития духовной культуры современного человека. При этом перевод духовных ценностей из сферы общекультурной, внеличностной в личностную, т. е. их интериоризация, становится непременным условием прогресса самосознания.

Осуществляемая как на осознанном, так и на неосознанном уровне, интериоризация духовных ценностей мо-

жет оказать действенное влияние на мотивационные установки, определяющие направленность социально-культурной ориентации личности. Воспринятые духовные ценности вплетаются в различные структурообразующие элементы духовного мира, содержательно изменяя их в одном случае или подвергая определенной переакцентировке смыслового аспекта — в другом.

Чем чаще общается человек с классическим наследием, тем большую информацию он черпает из него. Если учесть тот факт, что в классическом наследии, как правило, запечатлевается все лучшее и наиболее прогрессивное, что было создано в ту или иную историческую эпоху, то становится ясно: полученная культурно-эстетическая информация способствует расширению и обогащению общественно-ассоциативного фонда, духовного опыта личности. Более того, система ценностей и представлений, лежащая в основе картины мира определенного исторического времени и воспринимаемая человеком в процессе историко-культурного познания, становится неотделима от его индивидуальности и служит основой познавательной активности личности.

При рассмотрении роли классического наследия в совершенствовании духовного мира личности возникает проблема механизма и средств общения с духовными ценностями прошлых эпох. В современных условиях интенсивной визуализации художественных впечатлений особо возрастает роль технических средств распространения культуры и искусства. Они способствуют приобщению огромного количества людей к ценностям прошлого, к распространению культуры «вширь». Однако даже там, где массовое тиражирование и применение технико-коммуникативных средств почти не изменяют содержательную фактуру духовных ценностей, могут происходить существенные изменения в сфере их восприятия.

Данный факт можно объяснить следующим обстоятельством.

Специфической особенностью явления культуры и искусства как системы является неразрывное единство канала связи и собственно информации в отличие, например, от научных сообщений). Любое малейшее изменение средств информации влияет на духовно-эстетическую часть информации. В случае сильных деформаций структуры духовно-эстетическая информация может дойти до абсолютного минимума. Кроме того, явление культуры и искусства, являясь средством передачи информации, само есть часть этой информации. Данные методологические положения имеют важное значение в практике социального функционирования культуры, в процессе ее распространения по каналам средств массовой коммуникации.

Перевод духовной информации из одной знаковой системы в другую связан с изменением канала связи. В этом процессе духовная информация не может остаться неизменной. Это иная информация, не адекватная первоначальной; она связана с оригиналом лишь генетически. В этом случае с изменением канала связи можно говорить только о степени адекватности и соотнесенности с первичной духовной информацией.

На сегодняшний день нет таких технико-коммуникативных средств, которые не влияли бы существенным образом на тиражируемые оригиналы и их восприятие. При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать не только какими средствами передается культурное наследие, но и то обстоятельство, что технические средства не нейтральны по отношению к содержанию тиражируемых и репродуцируемых явлений культуры, так как такой нейтральности вообще не существует.

Таким образом, потребление классического наследия посредством технико-коммуникативных средств (тиражирование, репродуцирование и т. д.) накладывает определенный отпечаток как на сам процесс восприятия классики, так и на проникновение в содержательные глубины потребляемой духовной продукции.

Делая краткие выводы по рассматриваемой проблеме, следует отметить, что усвоение классического наследия ведет к расширению и качественному изменению социокультурного опыта личности, активизации ее познавательной деятельности, видоизменению системы духовных ценностей, идеалов, потребностей и др. Приобщение к духовному богатству человечества в конечной счете сказывается на содержательных характеристиках духовного мира личности в целом и служит основой его дальнейшего совершенствования.

Гусейнова Р. К.

БГУ им. М. Э. Расулзаде

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Современные процессы демократизации и гласности оказали мощное воздействие на развитие национальных отношений и явились сильным импульсом подъема национального самосознания. В ходе общего протеста против этнической унификации нации добиваются возрождения своей самобытности, тянутся к национальной дифференциации. Немаловажную роль в этом процессе играет художественное творчество. Национальное самосознание выступает прежде всего как определенный способ видения действительности, как определенная форма ценностного отношения к миру. Любой же вид художественного творчества всегда также является формой ценностного отношения к действительности. Это и обуславливает их тесную взаимосвязь. С одной стороны, художественное творчество является отражением национального сознания общества и национального самосознания творца, с другой стороны само национальное самосознание личности в значительной степени обусловлено той системой ценностей, которую человек воспринимает через искусство.

Чувство принадлежности к нации является важным компонентом духовного мира человека. Оно связано с желанием точнее определить свое положение в жизни, и общество, отыскать свои корни. Принадлежа к нации, человек не чувствует себя одиноким, он — часть большого целого, общности.

Начальная форма национального самосознания — этническое самосознание — результат влияния многих факторов: генетического, языкового, социально-культур-

ного, пространственно-территориального, социально-психологического и некоторых других. Этническое самосознание предстает как соотнесение индивидуумом себя с данной совокупностью этнической специфики и осознание своей принадлежности к этнической общности, обладающей этими специфическими этноопределяющими признаками. Национальное самосознание, в отличие от этнического, выражено более отчетливо и отражает совокупность взятых в единстве социально-экономических, этнолингвистических характеристик национальной общности людей буржуазной и социалистической общественных формаций.

Национальная принадлежность индивида, как и его интернациональные связи, органически включенные в систему его более общих общественных связей, является одной из важнейших характеристик личности, закрепленных в сознании, внутреннем духовном мире, во всем образе жизни. Как формируется национальное самосознание? Национальное самосознание является отражением специфической социальной информации, содержащейся в национальных идеях, чувствах, традициях, исторических знаниях, политических концепциях, то есть в национальной культуре. Национальная культура всегда предстает как определенная система ценностных ориентаций. Познавая путем чувственного отражения и мышления окружающую среду, люди вместе с тем осознают свое место в ней, в том числе и свою национальную принадлежность. При этом формируются специфические, обусловленные особенностями отражаемого, образы, проявляющиеся в художественной культуре в виде типичных для данной культуры эпитетов сравнений, символов, обобщенных категорий и т. п. У каждого народа имеются свои, не всегда совпадающие с другими, национальные представления о добре и зле, прекрасном и бе-

зобразном, о пространстве и времени и т. д., которые и обуславливают национальное своеобразие художественной культуры.

История художественной культуры убедительно показывает, что разные исторические эпохи и социально-экономические условия порождают различные культурные системы, которые определяют сущность и формы художественно-эстетического освоения и идеал прекрасного. Национальное своеобразие в искусстве определяется, в основном, следующими параметрами: это язык, выражающий поэтическую мысль или мелодию данного народа, а также определенное видение мира с позиций национального эстетического идеала. Также сюда входят и важнейшие моменты исторической судьбы нации, и специфика исторически сложившихся связей с другими народами.

Вступая в активную духовную деятельность, субъект попадает в имеющуюся уже систему определенных духовных ценностей, многие из которых воспринимает через искусство. Это — накопленный веками запас знаний и идей, сложившихся норм и принципов социализированного отношения к действительности, то есть все то, что является условием индивидуальной и общественной духовной деятельности. Начало национального самосознания, а также и самой человеческой духовной деятельности, лежит в освоении этих наличных духовных ценностей.

Советская культура состоит из множества самобытных национальных культур, каждая из которых по-своему уникальна и неповторима. Национальная культура, чтобы быть такой, какой и следует ей быть — жизнедеятельной, жизнетворящей, — должна сама непосредственно встречаться и общаться со всеми иными национальными культурами. Только непосредственно включаясь в межнациональное общение, национальная культура

обретает интернациональное самосознание. Иного интернационализма нет. Субъективизируя интернациональные явления, факторы, ценности, личность опредмечивает их в своей деятельности, обогащая национальное интернациональным.

Важной особенностью воздействия художественного творчества на формирование национального самосознания является его чувственно-эмоциональный характер. Оценочные элементы национальных образов определяются не в процессе научного анализа всей совокупности сторон того или иного явления, а на основе сугубо эмоционального отношения к объектам восприятия, часто на неосознаваемом уровне. Это тем более важно, что национальное самосознание нередко выступает по отношению к объективным условиям объективной силой, влияющей на ход межнациональных отношений. Необходимой стороной национального образа является восприятие представителей других наций и народностей. Восприятие является важнейшим компонентом структуры межнационального общения. Именно перцептивная сторона наиболее очевидно и полно связана с национальными особенностями и характеристиками людей. От того, как воспринимаются друг другом представители контактирующих национальностей, во многом зависят установление взаимоотношений между ними, характер сложившихся межличностных отношений, формирование чувств симпатии или антипатии, уважения или недоверия и т. д.

Шафиева Э. И.

Институт философии и права АН Азербайджана

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПУТИ ИХ СТАБИЛИЗАЦИИ

В последнее время в связи с обострением межнациональных отношений, кризисом в социально-экономической области, мы все чаще сталкиваемся с социальным поведением людей, формирующимся на эмоциях. И поэтому не нуждается в обосновании актуальность изучения проблемы эмоциональных отношений.

Что же такое эмоция? Действительно ли человеческая эмоция способна побудить процессы такого масштаба? «Эмоции — это наслаждение, радость, бесстрашие, уверенность, отвращение, горе, страх, ненависть, это — переживание человеком его отношения к окружающему миру и к самому себе».¹ Именно благодаря эмоциям человек стремится ко всему, что полезно для него, что способно доставить радость и удовлетворение и, напротив, избегает воздействий вредных и опасных. Для этого на до прежде всего знать, что именно полезно, а что воедино. Если человек не знает, с чем имеет дело, он не способен испытывать ни радости, ни страха, ни огорчения. Именно дружеские отношения складываются тогда, когда при встрече, общении из-за общности интересов человек испытывает удовольствие и радость. А распад эмоциональных отношений, наоборот, является для человека исключительно тяжелым переживанием огорчения, ненависти, агрессии и оказывает деструктивное воздействие на его психическое и соматическое состояние. Распад и прекращение взаимодействия не означают, что

¹ БСЭ, т. 49, с. 31.

друг, товарищ или даже партнер в диаде (состоящей из людей разных национальностей) становится эмоционально нейтральной фигурой. В течение определенного времени человек испытывает к «бывшему» другу, партнеру агрессивные чувства, гнев, ненависть и вину за распад взаимодействий. При распаде стабильных эмоциональных отношений наряду с негативными чувствами человек испытывает и некоторые позитивные. При встрече «бывших» друзей, партнеров наблюдается стремление к восстановлению эмоциональных отношений в той или иной форме.

В чем же причины распада эмоциональных отношений между людьми разных национальностей?

Прежде всего, в качестве такового выдвигается некое событие, имевшее место на межнациональной почве. Это событие может быть или результатом каких-то действий или накопившихся годами неприязню, ненавистью друг к другу, или социально-экономическими проблемами или нарушением социальной справедливости и т. п. В этом случае распад эмоциональных отношений рассматривается фактически как одномоментное событие, крах. Иногда событие, которому приписывают роль причины распада эмоциональных отношений, в действительности является не более чем последним толчком или даже поводом для разрыва. Точнее, если событие приводит к немедленным действиям, направленным на распад эмоциональных отношений, то можно с уверенностью сказать, что внутренняя готовность к разрыву к этому моменту уже была сформирована. В противном случае эта информация (событие) просто не была бы принята или была бы просто обесценена. То есть она была бы преобразована таким образом, что позволило бы ей сохранить стабильность в эмоциональных отношениях.

Другая причина в распаде эмоциональных отношений

может состоять в наличии у представителей обеих наций таких характеристик, которые делают их неспособными к длительным эмоциональным отношениям. Распад таким образом оказывается предопределенным. Этими характеристиками могут выступать, например, личностные характеристики, которые приводят к «несовместимости» этих наций. Действительно, некоторые соотношения психологических и психофизиологических характеристик двух наций могут осложнить их взаимодействие, и, следовательно, увеличить вероятность распада.

Еще одной причиной может выступать просто отсутствие тех факторов, которые способствуют развитию эмоциональных отношений. Ими могут быть и внешние, и внутренние факторы.

В качестве следующей причины может выступать взаимодействие двух наций в процессе общения. Здесь имеется в виду как ежедневное очное общение, так и общение заочное (общение на научной почве, при обмене теориями, взглядами, методами, при изучении истории своих народов, своих корней, особенно когда имеют место общие корни, исторические события, одновременно важные для обеих наций). Споры, возникающие на научной почве, неприятие точек зрения, теории другого могут привести к распаду эмоциональных отношений.

Еще более остро стоит проблема закономерностей стабилизации эмоциональных отношений.

Можно выделить три группы факторов, стабилизирующих, собственно, эмоциональные отношения:

- адекватная организация взаимодействия;
- наличие у представителей обеих наций определенных личностных свойств;
- включенность их в совместную деятельность.

И распад, и стабилизация эмоциональных отношений представляют собой разные стороны одного и того же

процесса развития их, результат которого — сохранение или прекращение отношений — зависит от активных целенаправленных усилий его субъектов. Даже сам распад не есть патология развития эмоциональных отношений; его результатом не обязательно является их прекращение, он может привести и к стабилизации этих отношений при соблюдении ряда условий, среди которых— адекватная организация взаимодействий, наличие у людей разных национальностей определенных личностных свойств и включенность их в совместную деятельность.

Сулейманова Л. А.

Институт философии и права АН Азербайджана

**ОБ ОДНОМ ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К
ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ**

Разрабатываемый нами подход к исследованию проблемы этнических особенностей личности и группы (малой и большой) в условиях социальных изменений является социально-психологическим. Поэтому исходным пунктом для нас является вопрос перестраивания самой социальной психологии как науки, прежде всего ее предмета. Мы придерживаемся точки зрения, что в определение предмета социальной психологии следует ввести понятие «социальный процесс». Предмет социальной психологии должен быть дополнен изучением психологических аспектов социальных процессов. В связи с указанным дополнением, этническая психология из-за динамичности своего предмета наиболее тесно смыкается именно с этой проблематикой социальной психологии. Представляется, что эту составную часть социальной психологии можно обозначить как социально-этническая (Б. Ф. Поршнев) психология.

Для исследования этнических особенностей личности и группы требуется разработка соответствующего метода. Метод в методологическом плане взаимосвязан с предметом. Вопрос о методе в этом аспекте разрабатывался одним из крупнейших русских философов первых десятилетий начала нашего века Г. Г.Шпетом в работе «Введение в этническую психологию». В ней автором сформулирована гуманная мысль, что индивид как представитель этнической общности, как тип является выразителем коллективных переживаний и репрезентантом многих индивидов. Таким образом, изучение этнического в

человеке как личности можно рассматривать как метод.

Начавшаяся в обществе перестройка привела к активизации усилий психологов в направлении изучения его гуманизации. Если до недавнего времени можно было говорить об исследованиях отдельных психологов по проблемам эмпатии, альтруизма и взаимопомощи, то сейчас мы являемся свидетелями становления у нас гуманистической психологии, которая за рубежом существует как особое направление. На наш взгляд, изучение психологии народа, его самобытности путем исследования личности и конкретных контактных групп, членом которых она является, следует проводить исходя из универсального принципа гуманизма.

В социальной психологии наиболее распространены сравнительно-культурные исследования, которые принято проводить путем сопоставления этнических общностей с различной культурой. Разрабатываемый нами подход заключается в сравнительном изучении представителей одной этнической общности (азербайджанцы) в зависимости от типа социализации. Тип социализации учитывается в двух планах: 1. степень этнической однородности институтов социализации (семья, дошкольное учреждение, школа, вуз, работа), 2. язык общения (в семье, учебно-воспитательных учреждениях, работе). Так, изучение этнических особенностей подрастающего поколения можно проводить путем сравнения азербайджанцев, обучающихся в однопациональных (на родном языке) и многонациональных (на русском языке) группах. Изложенный подход позволяет более четко и рельефно выявить особенности, присущие представителям данной этнической общности, а также выявить ассимилятивные моменты как у представителей коренной так и представителей некоренной национальности.

Изучая этнические особенности личности и контакт ной группы в контексте конкретной культуры, мы придаем важное значение ценностям и нормам. В период перестройки общества проблема ценностей привлекает внимание обществоведов разных специальностей. Ценности становятся центральным объектом эмпирического исследования в социальных науках. По мнению некоторых социологов и психологов, это — именно тот объект, в изучении которого могли бы объединиться их усилия. Что касается этнической психологии, то с точки зрения Г.Г.Шпета, нигде так ярко не проявляется психология народа как в отношении к им же созданным духовным ценностям. Следовательно, именно в этом ключ к изучению этнического сознания и самосознания. Среди ценностей, созданных народом, важное значение мы придаем этнокультурным нормам.

Сравнительный анализ образов «нормы—идеала» «специалиста и «счастливой семейной жизни» у студентов азербайджанцев из групп с обучением на родном и русском языках показал, что если у первых в образе «нормы — идеала» специалиста наблюдается чувствительность к любовно-семейно-родственной сфере, т. е. существует более целостное представление об учебной и семейной сферах образа жизни, то у вторых в образе «счастливой семейной жизни» наблюдается сдвиг в сторону общности интересов и интересной работы. Следует также отметить, что эти два условия азербайджанцы из группы с обучением на русском языке оценивают выше, чем представители других национальностей. Возможно, этот ассимилятивный момент можно объяснить по Д.Н.Узнадзе действием механизма контрастной установки.

Полученный эмпирический факт определенным образом перекликается с изменениями, которые были сделаны В.А.Ядовым и его группой в диспозиционной концепции

личности в соответствии с результатами эмпирического исследования.

В системе ценностей личности, а точнее — в системе ее ценностных ориентации, как показывают исследования В.А.Ядова, можно выделить особый концентр или «ось», организующую иерархию ценностей в специфически индивидуализированную структуру. Этот концентр представляет собой общую жизненную позицию личности, «баланс» направленности ее интересов в сферу труда и потребления (быт, досуг, семья). Доминирование направленности интересов в определенные сферы деятельности или их относительно равномерная направленность в конечном счете определяют наиболее значимые черты «социального качества» индивида в соотношении с главными особенностями образа жизни его социальной среды. Именно эти диспозиционные образования можно характеризовать как свойства «модальной» личности, т. е. наиболее распространенного субъектотипа, и как свойства «эталонной» личности — наиболее полно соответствующей данному этапу общественного развития.

Особенности ориентаций азербайджанцев, обучающихся на родном языке, к любовно-семейно-родственной сфере можно рассматривать как тенденцию к проявлению черт модальной или типичной для данной этнической общности личности, сдвиг в ориентациях азербайджанцев, обучающихся на русском языке, как тенденцию к проявлению черт личности, эталонной для данного этапа общественного развития.

Изложенный социально-психологический подход, на наш взгляд, может способствовать в конечном итоге собиранию на основе эмпирически полученных типичных черт личности образа воображаемого представителя конкретной этнической общности, который может служить «нормой» для выявления меры сходства и различия с ним

каждого индивида данной общности. В свою очередь, знание типичного образа личности этнической общности может помочь решению главной задачи социально-этнической психологии – познанию психологии народа.

Тагиев М. Н.

Институт философии и права АН Азербайджана

О СПЕЦИАЛЬНО ПРЕВЕНТИВНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НАКАЗАНИЯ

Эффективным можно считать только такое наказание, которое успешно достигает цели как специального, так и общего предупреждения. Причем предпочтение следует отдавать тем видам наказания, в специально превентивном воздействии которых доминирует способ исправления и перевоспитания не потому, что устрашено, а потому что сознательно встало на путь честной жизни и добровольного соблюдения законов. Исправление и перевоспитание преступника в период исполнения наказания гарантирует за исключением тех случаев, когда Лицо позже попадает под влияние криминогенных факторов, детерминирующих преступное поведение, незапрещенный уголовным законом образ жизни, служит надежным заслоном от совершения новых преступлений, является определяющей существо наказания по советскому уголовному праву релью, наиболее эффективным вариантом специально превентивного воздействия наказания. Нам представляется, что именно из этих соображений исходил законодатель, обособленно выделяя в ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующих статьях УК союзных республик среди целей наказания в одном ряду со специальной и общей превенцией исправление и перевоспитание, хотя последние являются лишь одним из способов достижения уголовным наказанием цели специальной превенции и структурно входят в неё, являются одним из каналов её осуществления. Специальное указание уголовного закона в этой статье на исправление и перевоспитание продиктовано не намерением структурного разобщения, разъединения

последних от специальной превенции и целью выделения их в качестве самостоятельной цели уголовного наказания, а необходимостью акцентировать внимание правоприменительных органов, что при назначении и исполнении наказания следует придавать, главное значение, добиваться в первую очередь исправления и перевоспитания осужденного.

Трудно согласиться с мнением И. С. Ноя о том, что если исправление и перевоспитание не будут признаваться одной из самостоятельных целей наказания и будут сведены лишь к одному из средств достижения цели предупреждения преступлений, то из этого логически следует вывод: исправлением и перевоспитанием можно не заниматься, если цель предупреждения достижима посредством кары¹.

Даже абсолютная уверенность в том, что карательное содержание наказания окажет необходимое устрашающее воздействие на осужденного и этим удержит его от совершения преступления, при всей сомнительности такого вывода в момент применения наказания, не дает никаких оснований отказываться от более эффективного и надежного в плане предупреждения новых преступлений, отвечающего интересам не только общественным, но и конкретного человека и соответствующего гуманным принципам советской уголовной политики способа специально превентивного воздействия на преступника: исправления и перевоспитания. Достижение цели специальной превенции способом устрашения не дает полной гарантии законопослушного поведения осужденного после отбытия наказания, не исключает совершение им нового преступления.

¹ Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. – Саратов, 1973, с. 136.

Только при исправлении и перевоспитании, как это признает сам И.С.Ной, цель специальной превенции может быть достигнута наиболее эффективно.¹ Все усилия правоприменительных органов поэтому должны быть направлены в любом случае, прежде всего, на исправление и перевоспитание преступника, а не на его устрашение, которое при специальной превенции должно выступать в роли запасного, резервного способа воздействия, вступающего в действие при невозможности исправления и перевоспитания преступника.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о специально предупредительном воздействии исключительной меры наказания — смертной казни. Поскольку каждое наказание оказывает воздействие не только на преступника, но и на других лиц, то каждое наказание в известной степени способно осуществлять задачи и общего, и специального предупреждения.² Определенным специально превентивным эффектом обладает и самое суровое из всех существующих наказаний — смертная казнь. В литературе мы встречаемся с различным пониманием превентивного воздействия смертной казни. Некоторые авторы (У.С.Джекебаев, Р.Н.Судаков а, С.А.Шапцева и др.) считают, что смертная казнь как институт уголовного права не удовлетворяет ни одной из целей наказания.³ И.И.Карпец считает, что смертная казнь оказывает только общепреупредительное воздействие.⁴

Существует также точка зрения, которая, не отрицая

¹ Там же, с. 139.

² *Пионтковский А. А.* Основные аспекты теории наказания. Сов. гос. и право, 1969, №7, с. 41.

³ Криминологические и уголовно-правовые проблемы наказания. Отв. ред. Маркелов В. Н., Алма-Ата, Наука, 1983, с. 35.

⁴ *Карпец И. И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы, — М.: Юрид. лит, 1973, с. 157.

специально превентивного воздействия смертной казни, главное место в ней отводит общей превенции.¹

Как и любое уголовное наказание смертная казнь при исполнении, прежде всего, на наш взгляд, служит специально превентивной цели. Цель специальной превенции наказания следует считать достигнутой в том случае, если в результате применения наказания осужденный вновь не совершает преступления. Такая цель при применении высшей меры достигается, общество ограждается от новых преступлений со стороны этого преступника, что наиболее важно, ибо, как отмечал К. Маркс, «наказание есть ни что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования.»⁷ Специально превентивное воздействие смертной казни признают и видные зарубежные ученые в области уголовного права и криминологии. Так, президент норвежской академии наук, профессор Иоганнес Анденес пишет: «Индивидуальное предупреждение (автор употребляет это понятие как синоним специальной превенции — М.Т.) имеет место и тогда, когда наказание делает наказанного безвредным ...навсегда путем применения смертной казни...»²

Следует признать, что цель ограждения общества от преступных посягательств, предупреждение нового преступления со стороны лица уже совершившего преступление, смертной казнью достигается не самым гуманным путем, физическим уничтожением преступника. Осуществленное воздействие при смертной казни делает рецидив физически невозможным, преступник лишается возможности совершать преступления навсегда.

¹ Кузнецов А. В. Роль уголовно-правовых норм в борьбе с преступностью. Труды высшей школы МВД СССР, – М., 1971, вып. 31, с. 8.

² Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М.: Прогресс, 1979, с. 31.

Юсубова У. М.
БГУ им. М. Э. Расулзаде
**ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В
МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

В международно-правовых документах разного периода встречается слово «справедливость».

В словаре международного права и в дипломатическом словаре, изданных в последние годы¹, содержатся разъяснения принципа справедливости. Эти разъяснения даны на основе исследований понятия справедливости в советской юридической литературе. Думается, что выделение принципа справедливости в межгосударственных отношениях является излишним, так как содержание этого принципа по существу сводится к необходимости соблюдения норм и принципов международного права, законных интересов государств и народов. Анализ указанных разъяснений принципа справедливости позволяет сделать вывод об отсутствии самостоятельного содержания этого принципа.

Сказанное, однако, не следует понимать как отрицание необходимости соблюдать при решении международных проблем требование справедливости, содержащееся в ряде международных документов.

Проблему справедливости в международном праве следует рассматривать в аспекте соотношения международного права и международной морали. При этом не следует забывать, что в понятие справедливости вкладывали различное содержание, не только в разные периоды истории, разные классы, но и отдельные представители одного и того же класса. Поэтому очень важно определить

¹ Словарь международного права. – М., №2, с. 212; Дипломатический словарь. – М., 1986, том III, с. 404.

критерии справедливости в современном международном праве. К решению этого вопроса правильно подходят те представители доктрины международного права (как социалистической, так и буржуазной), которые координируют справедливость с международным правом, а не противопоставляют их.

В соответствии с п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора». Приведенным положением следует руководствоваться и при толковании термина «справедливость».

Так, в ст. 38 Конвенции о мирном решении международных столкновений от 5 (18) октября 1907 г. термин «справедливость» используется для характеристики преимуществ третейского разбирательства. Здесь третейский суд признается самым действенным и «самым справедливым средством решения споров, не улаженных дипломатическим путем».

Известно также, что в ст. 1 и ст. 2 Устава ООН ссылки на справедливость были включены для того, чтобы оградить средние и малые государства от навязывания им против их воли решений со стороны более мощных держав, чтобы урегулированию споров и улаживанию ситуаций не приносились в жертву интересы средних и малых стран. В тех же целях термин «справедливость» включен в другие документы по вопросам мирного разрешения международных споров — Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г., и др.

В ст. 7 Гагской конвенции об учреждении Международной призывной палаты 1907 г., в Версальском мирном договоре 1919 г., в ст. 38 Постоянной Палаты Международного Правосудия, в ст. 38 Статута Международного суда ООН предусматривается возможность обращения к нормам справедливости в случае недостаточности позитивного права.

Буржуазные юристы-международники отводят моральным нормам, справедливости важную роль в деле упорядочивания международных отношений. Как было указано выше, в целом ряде документов предусматривается возможность обращения к нормам справедливости при решении международных споров. На основании этого буржуазные юристы объявляют моральные нормы источниками международного права, средством восполнения пробелов в международном праве.

В советской юридической литературе обосновывается, что лишь в случае связи с международным правом и юридическим закреплением ее требований мораль может использоваться в решении проблемы пробелов.

В решениях Международного Суда ООН по делу о Юго-Западной Африке, по делу о континентальном шельфе Северного моря указывалось на то, что Суд является судом права и может принимать во внимание моральные принципы лишь в той мере, в какой они получили достаточное выражение в правовых нормах.

Действительно, в силу универсального характера функций международной морали в международных отношениях и ее тесного переплетения с политическими и правовыми нормами, моральные нормы действуют в сфере правового регулирования не прямо, а опосредованно, через правовые нормы в процессе их создания и применения. Представляется, что обращение к такого рода нормам не может служить основанием для вывода о том, что мораль

может использоваться в решении проблемы пробелов, так как в основу решения конкретного вопроса, возникшего в межгосударственных отношениях, в рассматриваемых случаях в конечном счете кладутся всё же правовые нормы, отражающие требования международной морали и справедливости.

Вместе с тем, нормы международной морали и справедливости могут быть положены в основу судебного решения по конкретному делу, как это предусматривается в международных документах (например; в ст. 38 Статута Международного Суда ООН). Думается, указанное в ст. 38. Статута Международного Суда ООН положение рассчитано именно и а те случаи, когда в отсутствие каких-либо юридических норм стороны решение спорного вопроса доверяют суду. По смыслу п. 2 ст. 38 Статута Международного Суда ООН Суд может разрешить дело *ex aequo et bono*, то есть согласно принципам справедливости, а не по формальному закону, если стороны с этим согласны. Такое согласие может быть дано сторонами только в том случае, если они в высшей степени доверяют составу Международного Суда ООН.

Понятие справедливости в международном праве требует своего дальнейшего изучения

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛОГИКО-МЕТОДО- ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Кулиев Г. Г.

Институт философии и права АН Азербайджана
**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА
НАУКИ**

В последнее время в науковедении наметилось явное смещение акцента на социокультурный контекст динамики научного знания. Коллизии методологической рефлексии в какой-то мере обусловлены, с одной стороны, осознанием недостаточной эффективности традиционных имманентных установок, а с другой — пониманием необходимости всестороннего, комплементарного рассмотрения всего комплекса факторов, непосредственно определяющих механизм развития науки. В рамках традиционной методологии наука по существу интерпретировалась как относительно замкнутая система знания со своей внутренней логикой развития, устоявшимися рафинированными нормами научности. При этом считалось, что построение адекватной картины науки возможно на путях полной элиминации внешних (социокультурных и личностных) факторов из контекста рассмотрения. Но, как известно, наука представляет собой динамическое социокультурное явление и объективное (научное) знание приобретает в результате специфической познавательной деятельности ученых, образ жизни и стиль мышления которых обусловлены изменениями культуры эпохи. Прогресс в науке детерминируется сложной «суперпозицией» социокультурных, личностных и когнитивных факторов. Заметное усиление внимания к «человеку науки» и «научообразующей силе культуры»

выражает общую тенденцию современной методологии устранить явные просчеты традиционного подхода к науке. Радикальное переосмысление установок традиционной методологии науки предполагает постановку вопроса о внеимманентных, внелогических факторах динамики научного мышления. Новый подход вынуждает нас отказаться от статического взгляда на науку и акцентировать внимание на его исторический контекст — рассматривать науку как многоуровневую динамическую систему с широким спектром взаимодействия специфических личностных, социокультурных, когнитивных параметров.

Исследование науки в аспекте детального анализа социокультурного механизма детерминации её динамики не противопоставляется традиционной когнитивной методологии, а всего лишь дополняет традиционный образ науки важными штрихами и в ряде случаев привносит необходимые коррективы. Рассмотрение динамики науки в контексте анализа наукообразующего качества культуры открывает перспективы в понимании феномена научности, которые до недавнего времени игнорировались традиционной методологией. Стремление к адекватному пониманию сущности науки может быть успешно реализовано как при учете когнитивных и личностных факторов, так и при прояснении существующих имплицитных и эксплицитных связей между трансформациями поля культуры и динамикой идеалов личности ученого, образа науки и норм научности. Не подлежит сомнению, что наука развивается в лоне определенного типа культуры, которая формирует личность ученого и в логическом движении знания находят свое отражение в той или иной мере обусловленные динамикой культуры стили мышления, традиции когнитивной деятельности. По мере изменения типа культуры меняются нормы рациональности

в науке, происходят качественные изменения в системе стилей научного мышления. Так, например, проведенные в данном направлении исследования (работы Гессена, Бернала и др.) выявили определенные закономерности в становлении буржуазной культуры и классической парадигмы науки. Подобного рода исследования позволяют сделать вывод, что формирование классической науки осуществлялось под непосредственным влиянием самых различных феноменов буржуазной культуры и в этом плане она представляла собой исторический продукт той эпохи. Как подчеркивает С.Лилли, мышление физиков XIX века было отражением повседневного способа мышления индустриальных классов и, что, «если заняться поисками источника нового способа мышления, то выясняется, что он был, по существу, включением в физику навыков мышления людей, занятых в крупном промышленном производстве».¹

Несомненно, что наукообразующее качество культуры появляется на определенном этапе развития общества и коренные изменения в области сциентизированной культуры сопровождаются преобразованиями внутри научной системы. Культура с определенного исторического этапа формирует новый тип духовной деятельности — науку и в дальнейшем принимает непосредственное участие в её имманентных коллизиях. В этом плане особую методологическую значимость приобретает проблема начала науки: когда и в контексте какой культуры формируется первоначальное научное освоение мира? Решение данной проблемы определяется чаще всего доминирующими в сфере методологической рефлексии установками, исследовательской позицией ученого. Одни

¹ Цит. по: *Микилинский С. Р. Маркова Л А. О различном понимании движущих сил развития науки. Воросы философии.*, 1971. № 8 с. 11.

исследователи начало науки «отыскивают» в самых глубоких пластах шумеро-вавилонской или древнеегипетской культуры, другие локализуют процесс зарождения науки рамками античной культуры и отрицают наличие наукообразующего качества у других культур. Бесспорно, что наше современное научное мышление своими генетическими корнями уходит непосредственно в греческую парадигму научности, которая была сформирована в лоне специфических социокультурных коллизий полисной жизнедеятельности греческого общества. Вместе с тем следует признать, что «синхронно» с европейской научной традицией развивалась восточная наука (китайская, индийская и позднее мусульманская). С понятием «иная наука» в методологию автоматически привносится весьма сложная для осмысления проблема критерия научности. Известно, что сопровождающие Александра Македонского греческие ученые были шокированы тем, что варвары индийцы имеют достаточно развитую математику, логику, астрономию. Просвещенные китайцы XVIII века с иронией принимали рассказы иезуитов о триумфах европейской науки. Подобные факты свидетельствуют о наличии своеобразного «сциентистского шовинизма» как в западной, так и в восточной культуре. Каждая культура с позиции своего понимания научности скептически и с иронией оценивает инокультурные научные достижения. Если для восточного мыслителя кажется странным стремление европейского ученого к абсолютной точности и логической стройности, то у европейского ученого вызывает легкую усмешку наличие в восточном научном мышлении нестрогих, неточных когнитивных процедур. Как видно, включенность науки и социокультурный контекст содержит потенциальную опасность размывания границ и установок методологического анализа феномена научности. При таком подходе методологическая

рефлексия нагружается разными нормами научности (восточная и западная, античная и современная, строгая и гуманитарная) и в конечном счете возникает угроза полной релятивизации общепринятых представлений о науке. Методологический анархизм Фейерабенда является в какой-то мере логическим следствием подобной рефлексии. Над методологией науки довлеет «ужас истории» (Элиаде) который становится все труднее переносить, стоя на точке зрения социокультурного и историцистского понимания феномена научности. Нам сложно оставаться в рамках только лишь современного европейского понимания научности, ибо в сфере методологической рефлексии, историчной по природе, наличествуют и сосуществуют нормы и идеалы наук других культур, других эпох. Вот почему методологическая рефлексия функционирует всё время с оглядкой на прошлое: ведь была **иная наука**. Тем не менее мы интуитивно осознаем, что в понятии «иная наука», наряду с признанием различных норм научности, должно наличествовать общее представление о феномене научности, поскольку речь все же идет о науке независимо от социокультурного и эпохального контекста рассмотрения.

Асадов А. И.

Институт философии и права АН Азербайджана
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ И НАУКА

Каждая эпоха мировой истории по-своему понимает причину движения в мире. В античном мышлении миром правит разум. Этот разум у Гераклита выступает как логос, а у Анаксагора — как нус. В связи с этим перед античным обществом встала проблема познания логики функционирования этого сверхъестественного и сверхчеловеческого разума. Средневековье признает бога в качестве высшего управляющего начала всей действительности. И соответственно общество ставит перед собой цель подчинить свою волю божественной воле.

А в эпоху Нового времени формируется мировоззрение, согласно которому и окружающая природа, и человеческое общество подчиняются законам, последние управляют всем. Меняются цели общества. Теперь оно стремится «знать законы, управляющие движением заставляющие тело двигаться так, а не иначе»¹. Это стремление имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Последнее обусловлено возможностью через познание законов подчинить мир человеческим потребностям. Обыденное понимание мира в эту эпоху по существу выражало господствующее в ней аналитическое мышление.

Предпосылкой обыденного сознания Нового времени является характеристика предметов в качестве совокупности свойств. Эти свойства раскрываются через взаимоотношение предметов. Таким образом познание предмета сводится к познанию его свойств. Обыденное сознание познает вещи только в определенных связях и отношениях.

¹ Ландау Л. Д., Румер Ю. Б. Что такое теория относительности, – М., 1963, с. 15.

Для него эти связи и отношения определены и прочны. Оно считает, что одни и те же воз действия вызывают одни и те же реакции. Эти реакции были основанием возникновения понятий аналитического мышления. Для последнего, два отрицающих друг друга высказывания одновременно не могут быть истинными потому, что внешние воздействия определенного типа не могут вызывать две противоположных реакции, которые лежат в основе двух, отрицающих друг друга, суждений. Этот принцип под названием закона противоречия лег в основу формальной логики и являлся логической предпосылкой аналитического мышления.

Трудно переоценить функциональное значение аналитического мышления, и основанных на нем наук. На протяжении всего Нового времени эти науки были использованы как средство познания мира и решения встававших перед человеком проблем в его теоретической и практической деятельности. Под применением аналитических наук в практической деятельности человеческого общества мы понимаем применение открытых ими законов для достижения тех или иных социальных целей, а под законом — однозначное отношение между воздействием и реакцией на него. В аналитическом мышлении сущность предмета понимается как совокупность его от ношений к другим предметам. При этом выражающие однозначные, отношения (законы) научные понятия — система которых образует саму науку — выступают в качестве теоретических средств человеческой деятельности.

Рассмотрим это положение подробнее. Всякое истинное знание о предмете, в том числе и научное, здесь понимается как знание об отношениях этого предмета к другим явлениям и предметам. Каждое из этих отношений выражает определенное свойство предмета. Например, физическое познание связано с сознанием математической

модели отношений объектов природы. Следовательно, физика выступает как концептуально-математическая модель природы. Химия также раскрывает химические отношения предмета. Химические, физические и другие отношения называются законами потому, что предмет проявляет одно и то же отношение к одним и тем же явлениям.

Человек знал отношения между окружающими его предметами, с одной стороны, и с другой — между собой и предметами, и, следовательно, их свойства, задолго до того, как он выработал научные методы, посредством которых ему удалось моделировать эти отношения в научных понятиях. Человек пользовался свойствами предметов с самого антропогенеза, хотя их научное выражение осуществлялось гораздо позже. Практическое освоение законов действительно было донаучным развитием аналитического мышления.

Наука как субъективная модель объективных отношений не являлась и не является единственной теоретической предпосылкой человеческой деятельности. Последняя опирается на сами объективные отношения между предметами, а не на их субъективные модели. Использование этих моделей для установления необходимого сосуществования предметов требует практического мышления. В этом отношении характерно выражение Ф.Бэкона: «Сама по себе ученость не научает, — писал он, — как применять ее: на то есть мудрость особая, высшая...»¹. Наука играет значительную, но не определяющую роль в практической деятельности человека. Для решения той или иной практической задачи не всегда находится необходимый научный фундамент. Решение таких задач зачастую осуществляется путем практического

¹ Бэкон Ф. Соч. — М., 1978., т. 2, с. 464.

нахождения соответствующего решения.

Наличие научных понятий — аналитических моделей объективной реальности — выступает причиной развертывания многих новых направлений практической деятельности. В целом научное освоение действительности ускоряет ее практическое освоение. Сочетание этих двух форм освоения реальности дает мощный импульс развитию всей преобразующей деятельности человека.

В результате установления необходимых для человека связей между предметами их свойства приобретают прагматическое значение, эти свойства проявляют себя как полезные. Через полезные свойства удовлетворяются социальные потребности различного рода. В практическом мышлении осуществляется своего рода перевод от естественных свойств предметов в полезные характеристики. Оно состыковывает социальные потребности общества с естественными возможностями природы. Другими словами, в аналитическом мышлении предмет выступает, в конечном счете, актуальным, или же по меньшей мере, потенциальным средством человеческой деятельности.

В течение всей эпохи Нового времени предполагалось, что функционирование искусственных органов человеческой деятельности возможно на основании естественных законов. В этой связи заслуживает напоминания произведенный Б. И. Ивановым и В.В.Чешевым анализ взаимоотношений «искусственного» и («естественного»: «Граница «искусственного», — заключают они, — всегда определяется «естественным», то есть свойствами тел, поставленных субъектом в те или иные взаимоотношения и взаимодействия»¹. Когда

¹ *Иванов Б. И., Чешев В. В.* Становление и развитие технических наук. — Л, 1977, с. 9.

человеку удастся методом той или иной науки моделировать естественные свойства предмета, то полученную знаковую модель обычно называют законом данной науки. Постановка проблемы соответствия модели оригиналу как бы возрождает философский вопрос, восходящий к Гегелю и Канту, о степени соответствия мира человеческой логике. Если Кант считал, что содержание знания о предмете по своей природе отлично от содержания самого предмета, то, по Гегелю, человеческое мышление только воспроизводит существующее вне человека объективное мышление. В обоих случаях практическое созидание опирается на имманентные качества предметов.

Гусейнова С. Н.

Институт философии и права АН Азербайджана

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ НАУК И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Потребность человеческого разума в постижении объективной действительности системна, в ее целостности возникла давно, с расчленением научного познания на более чем две с половиной тысячи областей, и нашла свое практическое воплощение в реализации задачи интеграции.

История этого процесса показывает, что ее пытались осуществить на основе выделения лидирующей дисциплины. При этом в качестве лидера-интегратора всей пауки выдвигалась и механика, и физика, и химия, и биология, и кибернетика, и социология, и даже лингвистика. Каждая, выступающая в качестве интегратора, научная дисциплина старалась навязать другим наукам свой язык, исследовать их предметы на основе своих методов и выявить в их объектах свои законы. Механика пыталась доказать, что живой организм упорядочен не более чем кусок горной породы того же веса; физика объявляла себя эталоном научности, а все другие дисциплины считала коллекционированием марок; химики заявляли, что биология — это суперхимия; биологи занимались биологизацией социальных явлений; лингвисты утверждали, что только их дисциплина может претендовать на звание науки, потому, что ей удалось разработать позитивный метод, и грозились раскрыть через лингвистические структуры сущности даже экономических процессов. Сегодня по истечении достаточно длительного времени с начала формирования различных форм сциентизации и гуманитаризации отраслей научного познания, можно с уверенностью сказать, что ни одна из выступавших в качестве интегратора дисциплин не справилась с задачей

интеграции, хотя попытки осуществить это принесли познанию определенную пользу: были созданы так называемые «стыковые науки», типа химической физики, физической химии и т. п.

Казалось бы, несмотря на отдельные вспышки эмоций бывших лидеров, идея интеграции наук на основе лидирующей дисциплины должна была бы исчерпать себя и уступить свое место идее интеграции путем диалектизации. Но, к сожалению, этого не случилось. Произошла лишь смена лидера. Им стала математика. Математики, исходя из взрывоподобного вторжения математических методов в другие дисциплины, начали склоняться к признанию главенствующего положения своей науки среди других областей научного познания. Главное, что отличает понятия теоретического знания от понятий эмпирических, — заявляют они сегодня, — это математическая структура.

Выдвижение математической структуры в качестве главного критерия теоретичности — это не просто попытка дискредитировать те науки, которые давно простились со своей эмпиричностью, но более того, это — явная угроза подмять диалектику под математику. А ведь «там, где дело идет о понятиях, — пишет Ф.Энгельс, — диалектическое мышление приводит **по меньшей мере** (курсив мой — С.Г.) к столь же плодотворным результатам, как и математические выкладки»¹. **По большей же мере** математика по своей эвристической силе не может сравниться с диалектикой, ибо «положения первой, в отличие от категорий и законов второй, не являются предельно общими положениями человеческого мышления»². И совершенно не правы те ученые, которые

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2 ое, т. 20, с. 408.

² Бондаренко Т. М. Формальные и содержательные аспекты математического знания. В сб.: Научное знание. Понятия. Структура. Новосибирск, 1987, с. 139.

заявляют, что в скором времени вместо механики, физики, химии, биологии, кибернетики и прочих наук мы будем иметь одну единую науку, называемую Математикой. У математики нет единого аппарата, который был бы одинаково пригоден для глубокого раскрытия сущности любых явлений в природе и обществе, относящихся к различным структурным уровням и ступеням развития материи. Для достижения же интеграции необходимо углубляться дальше вглубь материи, и раскрыть самую глуболежащую сущность. Выявление этой сущности находится вне компетенции математики и подвластно только и только диалектике, в компетенции которой находится исследование содержательного аспекта знаний. Благодаря раскрытию этой выявленной сущности, диалектика может разработать искомую, вот уже на протяжении более сорока лет, единую для всех проявлений различных форм движения материи метатеорию, способную обеспечить интеграцию всех отраслей научного познания, и тогда естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание.

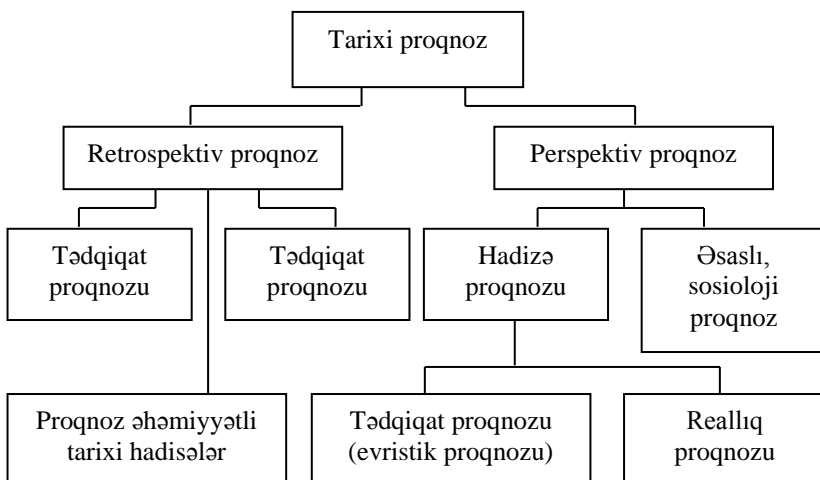
Babayev M. Ə.

M. Ə. Rəsulzadə adına BDU

TARİXİ İDRAKIN QABAQGÖRMƏ FUNKSİYASI

Qabaqgörmə və qabaqsöyləmə (biz bunları sinonim anlayışlar kimi işlədirik) və onların xüsusi, daha konkret halı olan proqnozlaşdırma tarixi idrakın nəticələrinə istinad edərək tarixi tədqiqatda və tarixi gerçəklikdə məlum olmayan yaxud hələ mövcud olmayan hal və vəziyyətlər haqqında nəticə hasil etməkdir. Ən ümumi əsasa görə, yəni istiqamətinə görə proqnozları retrospektiv (keçmişə yönəlmiş) və perspektiv (gələcəyə yönəlmiş) olmaqla iki qrupa ayırmaq olar. Öz növbəsində retrospektiv proqnozlar tarixi tədqiqat proqnozlarına və tarixi reallıq proqnozlarına ayrılır. Bundan əlavə, tarixi idrak obyektı olan proqnoz əhəmiyyətli hadisələr də mövcuddur. Perspektiv proqnozlar isə əsasına və əhəmiyyətinə görə hadisə proqnozlarından və əsaslı sosioloji proqnozlardan ibarətdir. Perspektiv hadisə proqnozları da tədqiqat proqnozlarına (bəzən bunlara evristik proqnozlar da deyilir) və reallıq proqnozlarına bölünür. Söylədiklərimizi aşağıdakı sxemdə göstərmək olar. Göstərilən sxemin məzmun təhlilini verək. Qeyd edək ki, Retrospektiv proqnoz anlayışını biz şərti mənada işlədirik. Məğzi bundan ibarətdir ki, biz həm tarixi tədqiqata, həm də tarixi reallığa nəzərən özümüzü fikrən keçmişə keçiririk və həmin tarixi mövqedən həm tədqiqatın, həm də reallığın mümkün «gələcəyi» haqqında fikir söyləyirik. Retrospektiv proqnozun ilkin və ən sadə forması sonrakı tarixi inkişafda hadisələrin təşkili və axını üçün müəyyən məna etalon kimi qiymətləndirilən tarixi hadisələrdir. Məsələn, 1812-1814-cü illər Vətən müharibəsi illərində rus xalqının işğalçılara qarşı apardığı partizan müharibəsi 1941-1945-ci illər Böyük Vətən müharibəsi illərində sovet xalqının alman faşizminə qarşı apardığı partizan müharibəsinin proqnozu kimi qiymətləndirilə bilər. Yuxarıdakı qəbildən olan proqnozların

tarixdəki rolunu və əhəmiyyətini şişirtmək olmaz, onlar nəticə etibarlı ilə məhdud dairədə təsir göstərilir. Bu proqnozların xarakterinə sosial qüvvələrin mənafeyi və tarixi mövqeyi də əhəmiyyətli təsir köstərir. Məhz buna görə də bu cür proqnozların təsiri müsbət və mənfi istiqamətli olur.

Retrospektiv tədqiqat proqnozu qarix elminin inkişafının mühüm vasitə və yollarından biridir. Məlumdur ki, xalqların, millətlərin, ölkələrin keçmiş tarixinin öyrənilməsi tarixi faktların və mənbələrin tədqiqi əsasında aparılır. Lakin heç də həmişə tarixi inkişafın istiqaməti və meyli haqqında nəticə çıxarmaq üçün kifayət qədər fakt və mənbə olmur, əlavə mənbə və fakta ciddi ehtiyac duyulur. Bu hal tarixi tədqiqat praktikasında iki cür həll edilir. Elmi tədqiqat tələblərinə əməl etməyi vacib saymayan və tədqiqatda ixtiyariliyə yol verən tarixçilər material çatışmazlığını özlərinin subyektiv qondarmaları ilə «ödəyir», tarixin mümkün gedişi haqqında öz xülyalarının məhsullarını tədqiqat proqnozu kimi qələmə verirlər. Aydın ki, bu cür proqnozların nə nəzəri, nə də praktiki heç bir əhəmiyyəti oda bilməz. Bir sıra «peyğəmbərliklər» də bu qəbildəndir. Məsələnin həllinin ikinci

yolu tarixi tədqiqatın istiqamətini proqnozlaşdırmaqdan ibarətdir. Elmi prinsipləri və obyektivliyi tədqiqatın zəruri şərti sayan tarixçilər tədqiqatın bütövlüyü və səlahiyyətliliyi üçün çatışmayan fakt və mənbələrin əldə edilməsi əməliyyatının özünü proqnozlaşdırır. Başqa sözlə desək, axtarışlar bir tərəfdən tədqiqatın daxili məntiqinə müvafiq aparılır, digər tərəfdən, tədqiqat əvvəldən müəyyən ilkin nəzəri prinsiplər, hipotezalar əsasında seçmə üsulu ilə aparılır. Tədqiqatın daxili məntiqi, ilkin nəzəri prinsipləri və hipotezaları proqnozun əsasını təşkil edir.

Retrospektiv reallıq proqnozunun əsasında deduktiv metod durur. Tarixi idrak tarixi reallığı əks etdirir. Fərz edək ki, hər hansı bir ölkənin tarixi inkişafının müəyyən bir dövrünü öyrənirik. Bunun üçün bizim əlimizdə müxtəlif xarakterli mənbələrdə ifadəsini tapmış çoxlu tarixi faktlar olduğundan onların tədqiqi və təhlili əsasında biz həmin dövrün iqtisadi, ictimai, siyasi, mədəni-mənəvi və s. quruluşu, xüsusiyyətləri haqqında əsaslı nəzəri müddəalar söyləməklə dövr haqqında az-çox əsaslı bilik əldə edirik. Buraya həmin dövrün inkişafının əsasında duran qanunauyğunluqlar, prinsiplər, meyllər haqqındakı biliklər daxildir. Sonrakı dövrün öyrənilməsi isə fakt və mənbənin azlığı, yaxud heç olmaması üzündən xeyli çətinləşir. Bu halda sonrakı tədqiqatı məqsədyönlü və fəal etmək üçün əvvəlki dövrün inkişaf qanunauyğunluqları və meylləri haqqındakı biliyimizi sonrakı dövrə münqər etmək yolu ilə bu dövr haqqında müəyyən proqnoz vermiş oluruq. Tarixi idrakın perspektiv proqnozları da iki əsas formada qoyulur: birincisinə hadisə proqnozu, yaxud ədəbiyyatda bəzən evristik proqnoz da deyilir. İkincisinə isə əsaslı sosioloji proqnozlar deyilir. hadisə proqnozlarının əsasında bir qayda olaraq tarixi inkişafdakı səbəbiyyət əlaqəsinin (qanunauyğunluğunun) öyrənilməsi durur. Məsələn, müharibələrin, inqilabların, iqtisadi böhranların baş verməsinin proqnozlaşdırılması bu qəbildəndir. Bu hadisələrin səbəbinin formalaşması onun mühüm əlamətlərinin

yaranması yolu ilə baş verir. Müharibənin səbəbinin mühüm əlamətləri olan imperialist ziddiyyətlərin kəskinləşməsi, siyasi blokların yaranması, təsərrüfatın militaristləşdirilməsi, hərbi fitnəkarlığın gücləndirilməsi və s. meydana gəlməsi gələcəkdə müharibənin olaçağı fikrinin söylənməsi üçün əsas təşkil edir. Göstərilən səbəblərin çulğalaşması onların bir səbəb kimi fəaliyyət göstərməsini şərtləndirir ki, bunun bilinməsi qabaqsöyləmənin zəminidir.

Nəhayət, perspektiv proqnozun bir növü də əsaslı sosioloji proqnozlardır ki, bunların əsasını tarixi inkişaf qanunları, müasir sosial fəaliyyət qanunları və müvafiq surətdə tarixi və müasir empirik faktlar təşkil edir. Bu cür qabaqgörmədəki nəticə hadisələrin xronoloji ardıcılığının şərhindən ibarət ola bilməz, çünki onun əsasını təşkil edən qanunların hər iki gözü sosial fəaliyyətin ümumi qanunlarıdır. Deməli, söylənilən qəbilli qabaqgörmə müəyyən zaman intervalında az-çox sabit olan sosial əhəmiyyətli fəaliyyətə, sabit strukturlara, sosial tiplərə və s. aiddir.

Гусейнов Н. З.

АПИ им. В. И. Ленина

ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ ПЕРЕРСТАНИЯ ОБЩЕНАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ФИЛОСОФСКИЕ

В современной научной литературе существуют различные мнения в изложении вопроса о соотношении общенаучных понятий и философских категорий. Одни исследователи включают в группу философских категорий такие общенаучные понятия, как система, информация, элемент и др. Сторонники подобного взгляда, утверждая, что общенаучные понятия находятся у порога философских категорий, ищут критерии включения их в состав философских категорий. Другая группа ученых до сих пор не может установить, что обуславливает формирование общенаучных понятий: углубление категорий по содержанию или расширение их по объему?

Мы полностью согласны с мнением о том, что «...главным условием признания какого-либо понятия философской категорией является его необходимое участие в решении основного вопроса философии, рассматриваемого во всем его объеме».¹

Действительно, философские категории выступают в указанной роли. Однако вместе с тем следует отметить, что если основной вопрос философии будем брать «во всем его объеме», то любое общенаучное понятие в той или иной мере участвует в его решении.

Всеобщность в содержании универсальных философских категорий является следствием отражения всеобщих законов природы, общества и мышления. Критерий всеобщности является необходимым условием различения

¹ Гот З. С., Семенов Э. П., Урсул А. Д. Общенаучные формы и средства познания // Философские науки, 1978, № с. 130.

философских категорий и общенаучных понятий, но не достаточным. Развитие общенаучных понятий до уровня философских категорий является объективным процессом, в котором наряду с критерием всеобщности, правомерно выделять и другие моменты. По степени общности ряд общенаучных понятий («система», «структура», «элемент», «функция», «множество» и др.) находится на уровне философских категорий; в познании различных явлений объективной действительности они составляют основу общенаучных подходов (системно-структурного, функционального, структурно-функционального и др.).

Философские категории возникли и развивались, во-первых, в результате обобщения всеобщих связей, отношений и сторон действительности, данных практики и познания, во-вторых, как историко-философский итог определенных философских систем и учений. В отличие от философских категорий общенаучные понятия возникли и развивались в результате математизации научного знания, а также в ходе развертывания научно-технической революции.

Превращение общенаучных понятий в новые философские категории представляет собой закономерный процесс. Вхождение общенаучных понятий в систему философских категорий сопровождается процессом изменений характера и степени обобщения. Особенность философского обобщения состоит в том, что оно направлено на раскрытие гносеологических, субъект-объектных отношений.

В ходе развития науки философия находится в отношениях взаимосвязи и взаимодополнения с естество-знанием, техникой и общественными науками. Поэтому на современном этапе развития науки не существует резких граней между частнонаучными, общенаучными понятиями и философскими категориями; они содержатель но взаимообогащаются,

взаимопроникают. При этом движение происходит в направлении как роста уровня абстрактности и обобщенности категорий, так и в направлении повышения их конкретности, избирательного отображения специфических особенностей определенного среза реальности.

Обобщив все сказанное, можно утверждать, что до уровня философских категорий могут подниматься только те понятия, которые выполняют следующие условия:

1. Выполнение логической, гносеологической и методологической функций в научном познании;
2. В пространственно-временном отношении обладание родовым характером;
3. Обладание степенью всеобщности в своем движении и развитии;
4. Наличие строгой субординационной связи.

Кулиева С. Т.

Институт философии и права АН Азербайджана

КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК В ВОСТОЧНОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

К наименее изученным страницам истории философской и естественнонаучной мысли относится классификация наук в странах средневекового, так называемого мусульманского Востока. Если история учений о систематизации и классификации научных знаний в европейских странах в значительной степени разработана, то классификация наук в странах Востока изучена крайне слабо.

С IX в. в мусульманской культуре начинается подлинный взлет научной мысли. С этого периода в динамике интеллектуальной жизни усиливается интерес к классификации наук, и на протяжении нескольких столетий идеи классификации наук занимают доминирующее положение в научной деятельности мусульманских ученых. Ал-Кинди, Фараби, Ибн-Сина, Братья чистоты, Кбн Халдун, ал-Хорезми и другие проявляли повышенный интерес к идее классификации наук. Для многих этот интерес приобретал принципиальное значение в контексте их собственных мировоззренческих установок, они рассматривали классификацию как важное условие разработки средств для решения иных проблем или как возможность нахождения ключей к проблемам самой науки.

На процесс становления мусульманской науки оказывали совместное влияние несколько научных традиций: собственно арабская интеллектуальная традиция, греческая, персидская, индийская, византийская. В силу этого уникального обстоятельства в мусульманском обществе сформировалась особая парадигма научности,

включающая множество разнородных в социокультурном отношении частных наук. Ситуация сама создавала объективную необходимость наведения порядка.

Мусульманские ученые избрали вполне естественный путь классификации наук: разведение множества частных дисциплин по двум парадигмам — традиционные арабские науки и иноземные, чужие. Обилие частных наук позволило каждому ученому, создавая на такой двупарадигмальной основе свою систему классификации, реализовать по-своему варианты возможности мусульманской научной традиции.

Одна система классификации отличалась от другой по внутреннему содержанию каждой парадигмы научности, а также по внутрипарадигмальному группированию частных наук по тем или иным критериям.

Например, в энциклопедии Братьев чистоты представлена попытка классификации научного знания, основу которой составляют свойства души, или знания.

В классификации, данной в трактате «О научных искусствах», науки подразделяются на три вида. Первый вид наук связан с причиной упорядочения жизни и правильности мирских дел и является, по их утверждению, пропедевтикой. Второй вид составляют знания, называемые шариатом, предмет которых связан с изучением того, что суждено испытать душе в потустороннем мире. Третий вид — философия.

А в своей классификации наук Абу Наср ал-Фараби делит все науки на пять крупных групп:

I. Наука о языке.

II. Логика.

III. Математика.

Естественные и божественные науки или метафизика.

IV. Наука об управлении городом.

Изучение разработки классификации наук крупными

мыслителями мусульманского Востока свидетельствует о том, что их работы в этой области явились одним из существенных компонентов их вклада в научную мысль.

Зейналова Ш. Ф.

Институт философии и права АН Азербайджана

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО

Существуют различные подходы к определению науки. Однако чаще всего ее определяют в качестве определенной системы по производству и воспроизводству научных знаний, где, как считает М.Г.Ярошевский, «человеческий фактор при таком подходе оказывается «за кадром».

Существуют и такие определения науки, в которых человек, ученый присутствует, но лишь в качестве одного из рядоположных структурных элементов, а не в качестве субъекта.

В последние годы науковедение обогатилось деятельностным подходом, в рамках которого оказалось возможным вычлнить особый предмет методологической рефлексии — субъект научной деятельности. В контекст изучения науки как социальной системы был введен человек.

В этом случае личность ученого является основополагающим элементом структуры субъекта научной деятельности в качестве особой сферы субъективности. Но в таком случае субъект научной деятельности должен быть представлен в качестве иерархической структуры, состоящей из некоторой совокупности взаимосвязанных между собой подсистем, различающихся как по уровню, так и по способам взаимодействия с объектом. Причем структура субъекта должна быть гомоморфна структуре осуществляемой ею деятельности.

1. Структура научной деятельности может выстраиваться по основанию соотношения «продуктивное-репродуктивное». Данное соотношение выступает как диалектическая взаимосвязь создания нового знания и обретение им социальной значимости, отражая способности субъекта

— единство его деятельно-творческих потенций.

2. Продуктивная деятельность представляет собой такое взаимодействие между субъектом, результатом которого оказывается полное тотальное «вхождение» объекта в субъект и субъекта в объект, что влечет с собой возникновение новообразования.

Своим творчеством ученый:

а) призван преодолевать возникающий хаос, ситуацию неопределенности и восстанавливать гармонию во взаимоотношениях между субъектом и объектом;

б) должен обладать способностью разрабатывать принципиально новые парадигмы, концепции, модели мира, позволяющие более целостно и всесторонне воспроизводить действительность;

в) должен владеть основными механизмами творчества (интуитивное и логическое мышление, воображение, ассоциативный механизм и т.д.), позволяющими наиболее эффективно продуцировать новое знание;

г) должен обладать высоким уровнем личностного знания, способного преобразовывать его в надличностные формы;

д) призван заботиться о формировании своей научной школы; формулировать основные требования к деятельности своих последователей, связанной с развертыванием неявного знания, содержащегося в выработанной им парадигме.

3. Субъектом научной деятельности в сфере продуктивно-репродуктивного мышления выступает уже не отдельная гениальная личность, а неформальное сообщество ученых, разделяющее основные принципы, лежащие в основании новой парадигмы знания.

Своим творчеством ученый призван:

а) выявлять и устранять «белые пятна» в новой парадигме знаний, достраивать ее сообща с другими членами

научного сообщества до завершенной целостности;

б) владеть основными принципами, содержащимися в методологии и логике научного исследования, умело применять различные методы познания;

в) обладать способностью оперировать различными формами надличностного знания, осуществлять перевод неявного знания в знание явное, доступное широкой научной общественности;

4. Субъектом репродуктивно-продуктивной формы научной деятельности выступает на более высоком уровне синтеза знания не личность ученого и не неформальная группа, объединенная поиском истины, а научная организация, имеющая свои специфические закономерности развития и функционирования в качестве структурного компонента социума, общества.

Ученый должен обладать способностями:

а) осуществлять творческую деятельность в рамках действия нормативов (научных, организационных, социальных);

б) в процессе открытия нового знания совмещать творческую деятельность с выполнением огромного объема нетворческого, рутинного труда.

в) являясь членом научной организации, обладать, способностями выполнять одну или ряд научно-социальных ролей.

5. Репродуктивная деятельность связана с простым воспроизводством предметного и знакового миров. В корпоративной научной организации нет ни демиургов (творцов), ни ученых, ни исследователей, а есть лишь руководители и исполнители. Личность ученого в данной деятельности должна обладать одним важным свойством: постоянно находиться в готовности выполнить любое поручение.

Эфендиев Ф. М., Фельдман И. И.

АЗИНЕФТЕХИМ им. М. Азизбекова

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ — ОСНОВНОЙ МЕТОД ФИЗИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня физика в известной степени поставлена в парадоксальное положение проблемой наблюдаемости и экспериментальной подтверждаемости физических явлений. Так, Н. Биррел и П. Девис указывают: «Если для пространственного и временного масштабов, характеризующих основные квантовые процессы, принять значение 10^{-13} см и 10^{-23} с., то мы приходим к выводу, что существенных квантовых эффектов можно ожидать лишь в окрестности микроскопических черных дыр или на самой ранней стадии расширения Вселенной. Таким образом, слабость гравитационного взаимодействия препятствует возможности изучения рассматриваемых эффектов в лабораторных условиях, и, если только микроскопические черные дыры не являются гораздо более многочисленными, чем следует из существующих оценок — прямая экспериментальная проверка теории совершенно исключена. Квантовой теории поля в искривленном пространстве-времени, по-видимому, суждено покоиться на чисто теоретических основаниях»¹. Аналогично проблему наблюдаемости и экспериментального подтверждения оценивает нобелевский лауреат Стивен Вайнберг. Он пишет: «Квантовая гравитация, по-видимому, недоступна любой экспериментальной проверке, которую мы способны придумать... Физика в основном вступает в такую эру, когда эксперимент уже не в состоянии пролить

¹ Биррел Н., Девис П. Квантованные поля в искривленном пространстве времени. — М.: Мир, 1984, с. 14.

свет на фундаментальные проблемы». ¹ Несомненно, что наши представления о принципе наблюдаемости и экспериментальном подтверждении теории нуждаются в уточнении, а возможно, и в существенной коррекции.

Действительно, касаясь проблемы экспериментального подтверждения некоторых теоретических положений квантовой механики, М.Борн еще в 1955 г. указывал, что современная физика достигла своих крупнейших успехов в немалой степени с помощью применения методологического принципа, согласно которому «..понятия, относящиеся к различиям за пределами возможного опыта не имеют физического смысла и должны быть элиминированные». ² Но должны ли мы на основе этого предположения удалять из физики все теоретические предсказания и объекты, которые как установлено теоретико-методологическими предположениями, не поддаются в принципе экспериментальному подтверждению? Не поддаваться в принципе прямой или косвенной экспериментальной проверке это значит осознавать, что подобная проверка не зависит от уровня технической оснащенности исследователя. Эксперимент, в этом случае, не будет реализован не только на основе техники сегодняшнего, но и техники завтрашнего дня. Требовать экспериментального подтверждения для каждого теоретического положения и каждого теоретического объекта в свете современных представлений физики, по меньшей мере, не корректно.

Так, известный советский физик, академик М.А.Марков еще в 1976 году писал: представления о том, что «в теорию должны входить только принципиально наблюдаемые величины, содержит существенный порок неодно-

¹ Цит. по книге: Девис П. Суперсила. – М.: Мир, 1989, с. 161.

² Борн М. Физика в жизни моего поколения. – М., 1963, с. 163

значности: какие величины считать принципиально наблюдаемыми?» Это исследователю еще предстоит выяснить.¹ И выяснение это носит иногда конвенциональный, а иногда субъективный характер. В теориях, — указывает М. А. Марков, — всегда существует «хлам» ненаблюдаемых понятий. Без него, как без «лесов», наука не может развиваться. И тут важна проблема: как отделить «хлам» от объективно реального, что невозможно без использования философской методологии и представлений об онтологическом статусе научной теории, ее понятий и объектов исследования. Фактически нет строго установленных границ эксперимента или опыта. И тот, и другой исторически обусловлены. Опыт и эксперимент включают в себя не только фабрично-хозяйственную или приборно-экспериментальную деятельность, но и деятельность духовно-интеллектуальную, теоретическую... И прав был А. Эйнштейн, когда утверждал: «Лишь теория, т. е. знание законов природы, позволяет нам по ощущению судить о лежащих в его основе явлениях». Теория определяет, что именно наблюдаемо.²

Действительно, реальность объектов физики, как и реальность физических теорий, не должна однозначно связываться ни с интуитивной самоочевидностью объектов, понятий и явлений физики, ни с их непосредственной чувственной определенностью, ни с привычной наглядностью их мысленно-образного воспроизведения. В этом аспекте вполне справедлива марксистская критика операционализма Бриджмена, абсолютизовавшего эксперимент и процедуры измерения в научном познании. Бриджмен отождествлял объект научного исследования с

¹ М. А. Марков О природе материи – М., 1976, с.

² См.: В. Гейзенберг. Квантовая механика и беседа с Эйнштейном. Природа, 1972, № 5, с- 87.

совокупностью операций по его измерению. Измерение, эксперимент, по Бриджмену, единственная основа научного познания. Естественно, что современная физика, и в первую очередь, такие ее направления, как специальная и общая теории относительности, квантовая механика, квантовая хромодинамика, калибровочные и супергравитационные теории не совместимы с представлениями операционализма. Но с другой стороны, практика научной деятельности свидетельствует о том, что развитие познания протекает по схеме: от «живого созерцания», к теоретическим, конструктам, и далее к общественной практике как к высшему критерию истины. Естественно, что экспериментальное подтверждение теоретического конструкта, является определенным этапом для достижения истины. Но если непосредственный и опосредственный эксперимент реализовать невозможно, то как же будет подтверждаться теория? И тут на сцену выступает мысленный эксперимент, все еще редко применяемый в научных исследованиях, но по мере развития современной физики имеющий тенденцию стать основным методом исследования отдельных направлений физики и астрономии.

Причиной этому являются следующие особенности дачного метода:

— мысленный эксперимент не связан с материально-технологическими установками и трудностями реализации и использует только аспекты моделирования и математическое обоснование;

— мысленный эксперимент — средство теоретического упорядочивания наблюдаемых парадоксов, понятийных несоответствий и даже технологически-экспериментальных трудностей непосредственного или опосредственного экспериментирования;

— мысленный эксперимент, моделируя объект иссле-

дования выполняет функцию наглядности, что дает возможность осуществить научную интерпретацию исследуемого явления. Тут важна и наглядно-моделирующая, и интерпретационно-математическая функции этого метода;

— мысленный эксперимент обладает универсальной применимостью. Он не ограничен ни условием наглядности математической модели, ни аспектами пространственно-временного бытия, ни критерием исторической осуществимости в рамках сегодняшней технологии, ни проблемами сложности исследуемой реальности; требования к мысленному эксперименту предъявляются весьма ограниченные: корректность логических установок и аксиом;

— соответствие установкам современной экспериментально обоснованной науки. Недопустимо при проведении одного мысленного эксперимента использовать данные другого мысленного эксперимента;

— корректный выбор математического аппарата для обоснования эксперимента;

— корректный выбор методологии исследования и последовательности процедур исследования. Желательно действие по аналогиям фактического эксперимента.

Все эти черты и особенности мысленного эксперимента уникальны,

Джафаров Дж. Н.

Институт философии и права АН Азербайджана

О СТАТУСЕ ЭТОЛОГИИ КАК БИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В условиях современной научно-технической революции, когда осознается глубокий мировоззренческий смысл наук о природе, особенно биологических наук, существенное значение приобретают исследование философско-методологических основ новой биологической дисциплины, изучающей поведение живых организмов, этологии.

В нашей философской литературе методологическому анализу предмета, сущности, становлению и методам исследования этологии не уделено должного внимания. Вследствие этого методологическая основа этологии выглядит крайне расплывчатой и в этом отношении значительно уступает другим областям биологии. Отсутствием философского анализа предмета этологии, её методов исследования, отличий этологии от других дисциплин, также изучающих поведение живых организмов, прежде всего и объясняется отставание данной области науки от общего фронта исследования живой природы. В этой связи заслуживает внимания анализ проблемы статуса этологии, представляющий собой один из первых этапов на пути разработки общей методологии этологических исследований.

Методологическое осмысление путей становления этологии биологического подхода к поведению живых организмов) позволяет выработать четкое понимание факторов, сформировавших её как самостоятельную дисциплину; высветить предмет исследования этологии, её специфику, методы и круг исследуемых объектов, а также понять исторические и логические причины того, почему

«вдруг» возникает новая дисциплина, когда объект её исследования изучается еще со времен античности. Становление этологии представляет интерес ещё и тем, что её появление на арене естествознания явилось не следствием накопления нового массива фактов или новых технологических возможностей изучения объекта исследования (как это обычно происходило в науке), но в результате нового осмысления, нового подхода к давно изучаемым явлениям — поведению живых организмов.

Связь этологического исследования с «биологическим подходом к поведению живых организмов» несомненна. Эта связь показана в трудах К.Э.Фабри, Л.В.Крушинского, Е.Н.Панова, Б.П.Мантейфеля, К.Лоренца, Н.Тинбергена и многих других советских и зарубежных исследователей поведения живых организмов. «Биологический подход к поведению биосистем» является сущностью этологических исследований и определяет её «лицо» и специфику. Следовательно, становление биологического подхода к исследованию поведения биосистем является частью становления этологии как самостоятельной дисциплины. В этой связи несомненно следует уделить внимание становлению самого «биологического подхода к поведению живых организмов». Элементы такого подхода встречаются в науке на протяжении всей ее истории. Однако в наиболее четком виде идея о поведении живых организмов как одного из элементов системы адаптации организма к окружающей среде появилась в работе А.Н.Северцова «Психика и эволюция» в 1922 г. Эта идея неразрывно связана с проникновением в умы исследователей эволюционной теории, один из главных тезисов которой гласит: все проявления жизнедеятельности организма являются эволюционными факторами.

До начала XX в. психические проявления живых организмов — поведение, были предметом исследования, в

основном, психологии и изучались в рамках зоопсихологии, сравнительной психологии, физиологии и т. д. Появление и триумф дарвинской теории эволюции и её дальнейшее развитие в синтетическую эволюционную теорию «заставило» исследователей пересмотреть свой подход к поведению живых организмов. Переориентации в умах исследователей поведения способствовал и общий кризис психологии в начале XX в. и, в частности, кризис бихевиоризма.

Под влиянием эволюционной теории сформировались новые исследовательские проблемы, ставящие целью выяснить, какую эволюционную роль играет поведение, как оно позволяет организму адаптироваться к условиям окружающей среды. Только с появлением эволюционной теории возможно было появление таких вопросов, решение которых было целиком в компетенции биологов. Именно решением этого круга вопросов и должна была заняться новая биологическая дисциплина — этология, тогда как до появления эволюционной теории перед исследователями поведения живых организмов могли стоять лишь психологические цели — исследование психики живых организмов опосредованно через их поведение. Изучение становления этологии показывает, что ее появление как самостоятельной биологической дисциплины обусловлено формированием не нового объекта исследования, а нового подхода к нему — «биологического изучения поведения» живых организмов.

Талышлы С. М.
АзИИЕФТЕХИМ им. М. Азизбекова
ОСОБЕННОСТИ ЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
П.С.ПОРЕЦКОГО

Заметная роль в развитии алгебры логики на рубеже XIX-XX вв. принадлежит русскому логику и математику, профессору Казанского университета Платону Сергеевичу Порецкому (1846-1907 гг.).

Работы Порецкого существенно обобщают и развивают достижения Буля, Шредера и Джевонса. Известный французский ученый Л. Кутюра, книга которого «Алгебра логики» вышла в свет в 1904 г., считал методы Порецкого кульминационным пунктом в развитии алгебры логики в тот период.

В исходных положениях теории Порецкого легко усмотреть явную материалистическую основу. Согласно Порецкому, логика анализирует структуру умозаключений науки. При этом законы логики не являются независимыми от свойств предметной области, исследуемой той или другой наукой. Законы логики, по Порецкому, есть истина, «закрывающая в себе какое-либо определенное указание на самую природу изучаемого материала»¹.

Будучи материалистом, Порецкий утверждал, что любая аксиоматически построенная формальная система лишь в том случае имеет право на существование, если все доказуемые в ней выражения становятся содержательно истинными в применении к какой-нибудь области или стороне объективной действительности.

Русский логик различает две формы: форму, обладающую данным признаком, обозначаемую им буквами *a*,

¹ *Порецкий П. С.* О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. — Казань, 1884, с. 11.

\bar{b} , c , ... и форму, им не обладающую, обозначаемую буквами a_1 , \bar{b}_1 , c_1 ... Необладание признаком a выражается буквой

Кроме операций сложения и умножения классов Порецкий признает операцию отрицания классов, которая, по его мнению, совершенно отсутствует в алгебре. Под отрицанием класса a , которое Порецкий обозначает через a_1 , он понимает то, что сейчас определяется как дополнение к классу a .

Порецкий отмечает, что дополнительный объем до универсума он будет называть классом не $-a$, или отрицанием a и изображать a_x . Он так определяет отрицание, выражая ее через дополнение: «Действие, необходимое для перехода от каждого данного класса a к дополнительному классу a_1 , мы будем называть действием отрицания a , или также отрицанием a .

Для каждого данного a , его отрицание, т. е. a_1 , может быть различно, смотря по «миру речи», как правильно замечает Порецкий. Он приводит такой пример: так, если 1, т. е. мир речи, есть англичане и a есть класс артистов, то a_1 означает англичан не-артистов, и то же самое будет означать людей — не-артистов, если 1 есть люди и пр.

Итак, Порецкий считает применимой в логике операцию отрицания классов и — неприменимой вычитания классов. Он формулирует, условия, определяющие отрицания класса: «Всякий класс X , который будучи сопоставлен с a удовлетворяет двум условиям:

$$a+X=1; \quad aX=0,$$

называется отрицанием класса a , т. е. может быть обозначен через a_1 . Словесно выраженные обе существенные части этого определения суть:

а) отрицание класса дополняет этот класс до единицы (т. е. до класса «мир»);

б) отрицание класса не представляет ничего общего с этим классом».¹

Если выполняется только одно из этих условий, то a_1 не является отрицанием a . Эти два условия, по мнению Порецкого, содержат в зародыше все правила для отрицания классов в логике. Он считает правила логического отрицания классов такими же точными, ясными и определенными, как и правила любой из алгебраических операций и признает в логике классов только три элементарные операции: сложение, умножение и отрицание. Порецкий не одобряет Буля, принявшего операцию вычитания классов, и, наоборот, солидарен с Джевонсом и Шредером, которые предпочли операцию отрицания отношения. Он пишет: «Для выражения отношения между каждым данным классом a и 1 Буль имел равенство:

$$a_1 = 1 - a,$$

из которого перенесением a в другую часть он получает.

$$a + a_1 = 1$$

Отказываясь от действия вычитания, мы должны остановиться только на втором из этой пары равенств.²

Порецкий дает обоснование того, что операции вычитания и деления не однозначны, а многозначны. Определенное место в своих исследованиях он уделяет операциям под логическими равенствами.

Итак, в результате анализа взглядов Порецкого установлено, что он внес ценный вклад в исследование проблемы отрицания в логике. Он дал правильное оп-

¹ Порецкий П. С. О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. – Казань, 1884, с. 13–14.

² Порецкий П. С. О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. – Казань, 1881, с. 5,

ределение отрицания класса, сформулировал и доказал ряд эквивалентностей, содержащих отрицание, провел исследование структуры отрицания под логическими равенствами.

В истории логики применялась как операция отрицания, так и операция вычитания. Ограниченность в понимании вычитания состояла в том, что и Буль, и Шредер разность классов $a - b$ считали выполнимой лишь в таких случаях, когда

$$a > b \text{ или } a = b$$

Авторы настоящей работы считают вполне применимой в логике операцию вычитания классов, но допускают разность всяких двух множеств (классов) a и b , из которых b может и не быть частью a .

В XX в. символическая логика достигла более высокого развития, построены субтрактивные структуры, в основе которых лежит операция вычитания.

Юсубов А. М.

АГЭИ

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Проблема истины в советском уголовном судопроизводстве является одной из тех проблем, которые были, есть и будут всегда актуальными. Трудно найти в советском уголовном процессе проблему, которой было бы посвящено столько работ, сколько уже написано об истине в судопроизводстве. Однако, несмотря на это, все еще имеется ряд нерешенных и спорных вопросов.

Уголовный процесс как форма человеческой деятельности есть процесс познавательный, а любой познавательный процесс в конечном итоге подчинен достижению истины. Истина как результат познания может носить относительный или абсолютный характер. Исходя из особенностей правоотношений, которые присущи уголовному процессу, целей, на достижение которых они ориентированы, истина в уголовном судопроизводстве должна носить абсолютный характер. В противном случае государственные органы не выполняют те задачи, обеспечение которых возлагается на них Конституцией СССР и Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Говоря другими словами, в уголовном судопроизводстве абсолютной истине не может быть альтернативы.

В теории советского уголовного процесса истину как принцип процесса называют то объективной, то материальной. На наш взгляд, оба эти понятия идентичны друг другу, хотя в литературе и встречаются высказывания о том, что понятие «материальная истина» шире, чем понятие

«объективная истина»¹. По нашему мнению, все зависит от того, что вкладывается тем или иным автором в само понятие «истина» в уголовном процессе, а не от того, будем ли мы называть ее «объективной» или «материальной». Практически спор о том, как называть истину в уголовном судопроизводстве — это спор о словах. Исходя из того, что в настоящее время общепризнанным является термин «объективная истина», мы будем придерживаться этого наименования.

Под принципом объективной истины в советском уголовном процессе понимается «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда, об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц».²

Объективная истина как принцип процесса, являясь руководящей идеей, вытекающей из марксистско-ленинского учения о государстве и праве, нашла свое отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не в одной, а в нескольких нормах. Отдельные положения принципа объективной истины вытекают из ст. ст. 2, 19, 62, 247 и др. УПК Азерб. ССР и соответствующих статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

Рассматривая вопрос об объективной истине в уголовном процессе, необходимо выяснить начальный и конечный моменты ее действия в уголовном судопроизводстве. По поводу действия принципа объективной истины на отдельных стадиях советского уголовного процесса в

¹ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. – М., 1968, т. 1 с. 132–134.

² *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 132. По данному вопросу см. также Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961.

литературе высказан ряд отличающихся друг от друга мнений. Большинство процессуалистов придерживаются той точки зрения, что принцип объективной истины, наряду с принципом публичности, «красной нитью» проходит через весь советский уголовный процесс, специфически отражаясь на его отдельных стадиях в соответствии с решаемыми там задачами.¹

Рассматривая вопрос о проявлении принципа объективной истины на тех или иных стадиях уголовного процесса следует, прежде всего, выяснить вопрос о соотношении «истины цели» с «истиной-принципом». На наш взгляд, «истина-цель» и «истина-принцип» составляют единое целое. «Истина-цель» и «истина-принцип» составляют единое целое. «Истина-цель» является составной частью «истины-принципа» и при этом наиболее важной его частью. Следует также отметить, что все составные части «истины-принципа» по отношению к «истине-цели» носят подчиненный характер. Эта подчиненность выражается в том, что все требования «истины-принципа» направлены на достижение «истины-цели». Но следует отметить, что эта подчиненность проявляется не на всех стадиях. Так, например, нормы, регулирующие уголовно-процессуальные правоотношения, связанные с исполнением приговора, начинают претворяться в жизнь только с момента вступления приговора в законную силу, т. е. с того момента, с которого законодатель признает истину уже установленной. Таким образом, на стадии исполнения приговора «истина-принцип» уже не служит достижению «истины-цели», ибо она уже установлена, вступившим в законную силу приговором. Но это не значит, что на данной

¹ См., например, *Гальперин И. М.* О принципе публичности (официальности) в советском уголовном процессе. Правоведение, 1960, № 2, с. 106.

стадии положения принципы объективной истины не действуют. Как известно, и на стадии исполнения приговора государственные органы принимают целый ряд решений, которые также должны отвечать требованиям принципа объективной истины.

Необходимо подчеркнуть, что и на других стадиях уголовного судопроизводства имеется целый ряд положений, ограничивающих действие принципа объективной истины. Так, например, как указывает Я. О. Мотовиловкер, «интересы установления истины требуют, чтобы преступление было раскрыто и по истечении года с момента вступления ошибочно-оправдательного приговора в законную силу. Но препятствием тому служит гарантия прав обвиняемого, установленная в ст. 373 УПК РСФСР».¹ На наш взгляд может показаться, что положения данной статьи, ограничивая достижение объективной истины по каждому конкретному уголовному делу препятствует тем самым и выполнению государственными органами некоторых задач, возложенных на них законом, а именно, обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления с целью достижения объективной истины. Однако, на наш взгляд, отсюда необходимо сделать совершенно противоположный вывод. Законодатель ограничивая годичным сроком отмену оправдательного приговора в порядке судебного надзора, тем самым предписывает необходимость своевременного раскрытия преступления.

Рассматривая вопрос об объективной истине в уголовном процессе, целесообразно рассмотреть и круг субъектов уголовного судопроизводства, на которых распространяются требования данного принципа. Положения

¹ Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. – Ярославль, 1973, с. 28.

принципа объективной истины в первую очередь обязательны для государственных органов и должностных лиц — участников процесса, на которых в силу их должностного положения лежит обязанность борьбы с преступностью. Следует отметить, что некоторые процессуалисты расширяют круг субъектов, на которых распространяются требования принципа объективной истины, считая, что наряду с государственными органами-участниками процесса в установлении объективной истины по уголовному делу участвует также и защитник обвиняемого и даже сам обвиняемый. Раскрытие вопроса об участии обвиняемого в установлении истины, на наш взгляд, не представляет большой сложности. Как известно, обвиняемый заинтересован в облегчении своей ответственности. По смыслу закона одним из условий облегчения обвиняемым своей ответственности является чистосердечное признание им своей вины, оказание помощи государственным органам в установлении всех обстоятельств совершенного преступления, в выявлении всех соучастников преступления и т.д. В случае, если обвиняемый раскаялся в совершенном преступлении и искренне заинтересован в оказании помощи государственным органам, то его роль в достижении объективной истины по уголовному делу очень высока. Однако, исходя из того, что обвиняемый свободен в осуществлении предоставленных ему законом прав и что он же обязан доказывать свою невиновность, участие в достижении объективной истины не является ни его обязанностью, ни целью его процессуальной деятельности. Сложнее обстоит дело с вопросом об участии защитника обвиняемого в установлении объективной истины по уголовному делу.

В связи с тем, что деятельность защитника подчинена процессуальному интересу обвиняемого, то он не вправе участвовать в выяснении тех обстоятельств, которые бы

способствовали отягчению ответственности обвиняемого. Однако объективная истина включает в себя не только отягчающие обстоятельства. Отсюда, на наш взгляд, вытекает положение, что защитник участвует в достижении объективной истины только в пределах, определяемых интересами обвиняемого. Однако здесь следует отметить, что «односторонность функции защитника нельзя понимать упрощенно: защитник не должен выявлять данные, изобличающие подзащитного, оценивать же он обязан все данные, как за, так и против обвинения».¹

Необходимо остановиться и на вопросе о том, входит ли в состав истины юридическая квалификация преступного деяния или нет?

Говоря об объективной истине как об одном из принципов уголовного процесса, мы исходим из того, что все принимаемые государственными органами решения должны быть истинными. Если в приговоре как акте социалистического правосудия, акте, который является венцом всей уголовно-процессуальной деятельности, юридическая квалификация преступления и назначенное наказание не будут соответствовать фактическим обстоятельствам уголовного дела, то значит требования принципа объективной истины не выполнены.

¹ Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовному делу. – М., Юрид. лит., 1978, с. 110, 1–71

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АЗО ФО СССР, АКАДЕМИКА-СЕКРЕТАРЯ ОТДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АН АЗЕРБАЙДЖАНА АКАД. АСЛАНОВА А. М.....	3
--	---

I. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА, ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Таривердиева И. Ф.....	12
Максудов Ф. Н.....	16
Гандилов Б. С.	24
Асланов Г. А.....	28
Аллахвердиев К. Г.....	31
Дадашев Г. Б.	43
Эюбова Э. М.	47
Гусейнова Л. А.....	54
Османзаде Р. М.....	58

II. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Ахмедли Дж. Т.	100
Ratapanov F. F.	106
Əhmədli H. T.	112
Адыгезалова С. М.	119
Ландесман П. А.	125
Муслумов Р. И.....	137
Багирова С. С.	147
Казумова Г. К.	155

**III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛОГИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ**

Гусейнова Р. К.	160
Шафиева Э. И.	164
Сүлейманова Л. А.	168
Тагиев М. Н.	173
Кулиев Г. Г.	181
Асадов А. И.	186
Гусейнова С. Н.	191
Кулиева С. Т.	201
Эфендиев Ф. М., Фельдман И. И.	207
Джафаров Дж. Н.	212
Юсубов А. М.	219

YENİ TƏFƏKKÜR VƏ FƏLSƏFƏ

Редактор издательства С. Ермошенко
Художник В. Устинов
Технический редактор Т. Агаев
Корректор С. Касумова

Сдано в набор 10.02.92. Подписано к печати 07.12.94. Формат бумаги 84X1081/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист 8,61. Усл. кр.-отт. 8,61. Уч.-изд. лист 8,66. Тираж 300. Заказ 49. Цена договорная

Издательство «Элм»
370143 Баку-143, проспект Гусейн Джавида 31, Академгородок.
Глазное вдапа
Типография АН Азербайджана. Баку, проспект Гусейн Джавида